

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ТЕМНЫЕ УЩЕЛЬЯ

18+

РИЧАРД МОРГАН

Страна, достойная своих героев

Ричард Морган
Темные ущелья

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Морган Р.

Темные ущелья / Р. Морган — «Издательство АСТ»,
2014 — (Страна, достойная своих героев)

ISBN 978-5-17-111334-6

Рингил Эскиат, герой поневоле, которого считают выродком даже те, кто требует его помощи, отправляется в далекие края на поиски Иллракского Подменыша – бессмертного воителя-чародея, возвращенного бывшими владыками этого мира. Рингил рискует своей душой, чтобы овладеть смертоносной магией и бросить вызов могуществу Подменыша. В то же время Арчет и Эгар Драконья Погибель вступают на тропу крови и слез, которая приведет их к давно забытой тайне. Слишком поздно они поймут, что некоторые секреты не просто так скрыты от людских глаз. Грядет время испытаний, само мироздание висит на волоске, и от смерти не застрахован никто.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-111334-6

© Морган Р., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Книга первая. На краю света	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	39
Глава седьмая	45
Глава восьмая	55
Глава девятая	62
Глава десятая	69
Глава одиннадцатая	75
Глава двенадцатая	82
Глава тринадцатая	89
Глава четырнадцатая	94
Глава пятнадцатая	103
Глава шестнадцатая	108
Глава семнадцатая	114
Глава восемнадцатая	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ричард Морган

Темные ущелья

Richard Morgan
THE DARK DEFILES

Copyright © 2014 by Richard Morgan

Jacket illustration: © Jon Sullivan

© Наталия Осояну, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Дэниелу

Я спасу тебя от водорослей, дружище

*Такчо вы миня лутчие ни спрашевайти какета магия дейзтвуйд...
коротчи нетак ана крута как ие разписываюд или на верна мир уже давно
был бы афигенна чюдестным и щасливым и люди жыли бы в мири и
гормониш и на мне так ета било бы проста зашибис. Но жызнь такава
какава ана ест и на мне так ета савсем ни плоха патамуиита инатче ни
нужны били бы парни в роди миня и кака мне с таво радост верна видь
да и скукатень била бы.*

А ваще нынтче жетуха ничиво работы завалис...

Йен Бэнкс. Мост¹

*Взывайте к справедливости, требуйте объяснений – и море
ответит вам безмолвным грохотом. У людей и богов никак не
получается свести счеты.*

Джордж Стайнер. Смерть трагедии

¹ Пер. Г. Корчагин. – Здесь и далее прим. пер.

Книга первая. На краю света

Давным-давно случилось это: объединились три героя Великой Войны в отряд блистательный, лучами славы осененный, и отправились в грандиозный поход в земли далекого Севера. С ними пустились в путь воины и мудрецы, коим в Империи равных не было, и все они покорялись наставлениям ангела, с горних высей слетевшего...

Великая Ихельтетская Хроника
(версия для придворных песнопевцев)

Глава первая

– Полагаю, это всё.

Рингил Эскиат мрачно взвесил на ладони иссохшую человеческую челюсть. Он сидел на корточках на краю вскрытой могилы, борясь со смутным желанием прыгнуть в нее.

«Выглядит уютно. Ветра нет, темно и тепло...»

Вместо этого он потерял небритый подбородок. Трехдневная щетина колола мозолистые пальцы, впалые щеки зудели. Плащ, болтающийся у ног, был заляпан грязью вдоль края и промок от травы после дождя. Правое плечо ныло из-за безжалостной сырости.

Он отрешился от боли и задумался о том, что лежало перед ним в могиле.

Ради этого они проделали долгий путь.

Находок было маловато: обломки досок, которые когда-то могли быть гробом, несколько длинных полос кожи, затвердевших и крошащихся в руках. Куча мелких осколков костей, словно мусор, оставшийся после какого-то чрезмерно усердного заклинателя...

Гил вздохнул и поднялся на ноги. Бросил челюсть обратно в яму.

– Вот мы и просрали пять месяцев.

– Мой господин?

Шахн, сержант морской пехоты, вылез из могилы и теперь ждал рядом с кучами земли, которую выкопали его люди. Позади него стояли члены маленького отряда, все в грязи и в поту, с лопатами в руках, хмурясь от непогоды. Кто бы ни вырыл здесь могилу много веков назад, он выбрал место поближе к утесам, и прямо сейчас с океана дул порывистый ветер, принося пригоршни мокрого снега и обещая новую бурю. Три проводника-хиронца, нанятых в Орнли, уже надели капюшоны – они стояли подальше от могилы, глядели на небо и тихонько переговаривались друг с другом.

Рингил стряхнул с ладоней грязь.

– Мы тут закончили, – громко объявил он. – Если это Иллракский Подменыш, черви с ним разобрались уже давно. Складывайте лопаты, возвращаемся к лодкам.

Они медлили в нерешительности – вертели инструменты в руках, топтались на месте. Сержант откашлялся. Без особого воодушевления взмахнул рукой, указывая на груды мягкой земли возле могилы.

– Сир, разве мы не должны...

– Снова ее засыпать? – Рингил жестоко усмехнулся. – Послушайте, если эти кости встанут и пойдут за нами к берегу, я сильно удивлюсь. Впрочем, знаете что? Если так случится, я с ними разберусь.

От его слов поднимающийся ветер как будто застыл на несколько мгновений. Морпехи украдкой притронулись к амулетам. Раздалось невнятное бормотание.

Рингил тайком окинул их взглядом, незаметно подсчитывая лица. Пара из присутствующих точно были свидетелями того, как он убил кракена, но большинство в то время находилось на других кораблях; или же на борту «Гибели дракона», но в койках. Ночь выдалась нехорошая – дождь, завывающий ветер, торопливые плотные облака то и дело заслоняли Ленту, и стычка с чудовищем закончилась почти сразу, как началась. Считанные единицы видели, как все случилось.

Они, конечно, рассказали товарищам, но Рингил не винил скептиков. Убить кракена в разгар яростного ночного шторма – это... м-да. Клише из какого-нибудь мифа, страшная сказка, которую можно рассказать юнге при свете лампы. Короче, гребаная выдумка.

Прошло уже пять недель, и что-то никто не спешил называть его Погибелью Кракена.

Наверное, это к лучшему. В прошлом он достаточно часто командовал людьми, чтобы знать, как все устроено. Лучше не пытаться избавить солдат от их непоколебимых убеждений, какими бы те ни были. Это в равной степени относилось и к тем, кто в нем сомневался, и к тем, кто рассказывал истории о его доблести. Правда, скорее всего, до смерти напугает обе стороны, что здесь и сейчас было бы очень некстати.

Они и так дерганные.

Он повернулся к ним лицом. Уперся сапогом в жалкий кусок обросшего мхом гранита высотой по щиколотку, который служил этой могиле надгробием. Повысил голос, чтобы все услышали, и ни одна жемчужина темной мудрости от мечника-колдуна не миновала их уши.

– Ну ладно, народ, слушайте сюда. Если кто-то хочет разбросать тут соль, валяйте, можете приступать. Но если мы останемся, чтобы засыпать яму, промокнем до нитки.

Он кивнул на запад, в сторону моря. Полдень миновал недавно, однако зыбкий дневной свет уже начал гаснуть. С севера спешили тучи, клубясь, как чернила в стакане воды. Небо над головой почернело, словно физиономия повешенного.

«М-да... не успеешь опомниться, как они скажут, что *это* дурной знак».

По дороге к лодкам его настроение не улучшилось. Он повел отряд по извилистой овечьей тропе, и они, спустившись со скал, двинулись безжалостным маршем по податливой, как торф, земле. Никто не совершил ошибки, попытавшись поравняться или заговорить с ним.

Зато за его спиной раздавались хриплые радостные возгласы. Морпехи расслабились, получив разрешение на защитные обряды. Теперь они шумно топали за командиром, добродушно препираясь и обмениваясь насмешками. Казалось, вместе с солью из кожаных сумок они высыпали все свои опасения, оставив их позади в крошечных белых узорах, которые сами же и сотворили.

Вообще-то Рингил полагал, что так все и случилось – и разве не в этом смысл религии?

Но он был достаточно честен, чтобы признаться самому себе, что и его напряжение спало. Поскольку – несмотря на все остальные пустые могилы, от которых не было никакого толка, несмотря на все более твердую убежденность, что они зря тратят время, – он тоже поднялся на скалы, ожидая боя.

Весьма его желая.

Остатки этого желания все еще щекотали затылок и заставляли мышцы рук трепетать. Достаточно, чтобы ощутить его отголоски, даже если бы Рингил и не разобрался вовремя в собственных чувствах.

«Последнее пристанище Иллракского Подменыша».

Очередное.

Это было уже девятое место последнего упокоения на данный момент. Девятая могила легендарного Темного Короля, которую они раскопали, только чтобы найти приметы обычной смертной сути.

«Должен быть более простой способ разобраться с этой хренью».

Но на самом деле его не было, и Рингил это знал. Все они здесь чужие, включая его самого. О, он читал о Хиронских островах в библиотеке отца, когда был мальчиком, узнавал сухие факты – под стать какому-нибудь альманаху – от своих учителей. Выросший в Трелейне, он знал горстку людей, которые какое-то время прожили на островах в изгнании. Но это не были знания практического характера, и в любом случае они устарели на десятилетия. Если не считать умения бегло говорить по-наомски, у него не было никаких преимуществ перед другими членами экспедиции.

Тем временем Кормчий Анашарал, преисполненный древних нечеловеческих знаний на тот момент, когда они планировали экспедицию в Ихельтете в прошлом году, теперь проявлял удивительную уклончивость в деталях. Кириатский демон то ли не хотел, то ли не мог с достаточной ясностью указать им на могилу Подменыша, а вместо этого предложил – несколько высокомерно, – чтобы они сами все выяснили и расспросили местных жителей. «Я упал с небес ради вашего блага. – Таков был обычный смысл его наставлений. – Разве я виноват, что у меня больше нет всеведения, от которого я отказался, чтобы донести до вас свое послание? Я привел вас к концу путешествия. Пусть человеческие языки сделают остальное».

Но островитяне-хиронцы славились своей замкнутостью – даже унылые, как помои, наставники Гила об этом упоминали. История содержала множество примеров того, как здесь находили пристанище знаменитые пираты, а также те, кто не желал платить налоги – и суровые таможенники Лиги оказывались бессильны. Местные с невозмутимым спокойствием лгали в ответ на угрозы, презрительно плевали на обнаженную сталь и умирали под пытками, но не выдавали своих.

Так что они, конечно, не собирались делиться секретами предков с какой-то кучкой манерных имперцев, которые явились с чужеродного юга и начали расспросы, дескать, эй, мы слышали, что где-то здесь похоронен Темный Лорд из легенды; вы, случаем, не могли бы нас к нему отвести?

Сразу, разумеется, вообще ничего не получалось.

Потребовалась неделя осторожной дипломатии в тавернах Орнли и за их пределами, а потом – в деревушках и на фермах по окрестностям, чтобы просто отыскать горстку местных, которые согласны были поговорить. Потребовались любезности, деньги и бесконечная выпивка. И даже тогда то, что говорили эти люди, было скудным и противоречивым.

«...Иллракский Подменыш, хм, это получается, двендская легенда. Но его тут не хоронили, двенды увезли его на сверкающем корабле туда, где Лента встречается с океаном...»

«...распали на побережье Сирк как предателя – вот что я слышал, и он умер, глядя на заходящее солнце. Через три дня последователи сняли его и похоронили. В той могиле, что за старым храмом китобоев».

«...Иллракского Предателя привезли на Последний остров, Последнее Звено Цепи, как и твердят легенды. Но остров является смертным взорам только в день весеннего солнцестояния, да и то нужно много молиться, чтобы очиститься. Чтобы там высадиться, потребуется акт великого благочестия. Спросите в монастыре на утесах Глин, может быть, они сумеют провести для вас церемонию с подношениями, когда вернетесь в следующем году».

«Ну да, точно, – донеслись насмешливые слова с другого конца барной стойки. – Спросите его братца в Глине. Он никогда не отказывается от просьбы о заступничестве, если как следует позвенеть монетами...»

«А ну заткнись, молокосос. Мой брат – праведный человек, а не какой-то никчемный ублюдок, который...»

Пришлось отвлечься и помахать кулаками. А потом начать заново.

«...могила, которую вы ищете, находится на мысе полуострова Серой Чайки, не более чем в дне пути к северу отсюда. При приближении Серая Чайка может показаться отдельным островом, но не обманывайтесь. Кое-какие течения заставляют заливы заполняться в опреде-

ленное время, но всегда можно перейти вброд, в худшем случае воды будет по пояс. Однако большую часть времени там и сапоги не намочишь».

«Ха! – Седобородый шкипер рыбацкой лодки харкает и выплевывает что-то неприятно-желтое на посыпанный опилками пол таверны, довольно близко к сапогу Рингила. – Вам не найти могилу по эту сторону ада! Вот куда олдраинские демоны забрали его – прямоком в ад!»

«Нет-нет, милорды, простите его, это просто рыбацьи суеверия. Последний человеческий сын Иллрака похоронен на перекрестке дорог, что указывают на стороны света, на возвышенности к югу отсюда. Некоторые говорят, холм как таковой и есть курган Подменыша».

«...правда, милорды, заключается в том, что двендский герой был похоронен в каменном круге в Селкине, где его слуги...»

И так далее.

Пришлось много копать.

Но в отсутствие другого главного приза имперской экспедиции – легендарного плавучего города ан-Кирилнара, который они тоже не могли найти прямо сейчас, – не оставалось ничего другого, как бродить от могилы к могиле и копать до тех пор, пока их не постигнет разочарование.

Разочарование – это медленный яд.

Поначалу и когда места раскопок были недалеко, практически все заметные фигуры в экспедиции отправлялись в поход вместе с морпехами и Рингилом. В тот момент над ними все еще витал осязаемый дух конца путешествия – ощущение, что после всех планов, после всех этих морских миль они наконец-то нашли то, что искали. И чем бы оно ни было, никто не хотел это пропустить.

Так все обстояло, в первую очередь, для Махмаля Шанты – он отправился в путь из чисто академического любопытства и теперь страдал от существенного личного дискомфорта. Шанта действительно был слишком старым для путешествия в такой климат, и к тому же страдал от последствий инфлюэнцы, и его таскали в крытых носилках шестеро слуг, что было неудобно на неровной местности и замедляло остальных. Гил поглядывал на Арчет, закатывал глаза, но, в конце концов, что поделать? Пожилой морской инженер был главным гарантом экспедиции: на верфях его семьи построили два корабля из трех, на которых они отправились в путь, и переделали третий, и даже во время болезни он продолжал упрямо и ловко командовать флагманом – «Гордостью Ихельтета».

Если кто и заслужил это право, так это Шанта.

Причины, по которым Арчет ездила с ними, были неоднозначны и чуть более прагматичны. Она была руководителем всей экспедиции, и от нее ожидали присутствия при раскопках. Но больше всего ей требовалось что-то, чтобы отвлечься от мыслей об отсутствии у берега кириатских сооружений, возвышающихся над волнами. Тот факт, что они не нашли Ан-Кирилнар, весьма сильно ударил по ней.

Командир морской пехоты Сенгер Хальд отправлялся в походы якобы для того, чтобы наблюдать за своими людьми, снаряженными на поиски, но на самом деле своим присутствием он удостоверял, что морпехи – ключевое звено во всем процессе. А Нойал Ракан не отставал от него, чтобы продемонстрировать знамя Трона Вековечного и напомнить всем, кто тут главный. Эти двое относились друг к другу с холодным дружелюбием, но соперничество между двумя военными подразделениями особо не скрывали, как и их подчиненные.

Лал Ньянар, получивший пост капитана «Гибели дракона» главным образом за счет значительных вложений Шаба Ньянара в экспедицию, отправлялся вместе с Рингилом даже в разведку, по всей видимости полагая, что он таким образом представляет интересы своего отсутствующего отца. На самом деле, он не раздражал Гиля; Ньянар был никудышным морским

капитаном – пост синекура, обеспеченный родней в Ихельтете, был, скорее, формальным или подразумевал речные суда, – но он, по крайней мере, умел выполнять приказы. Сойдя с борта корабля, он подчинился командиру экспедиции и не лез на рожон.

А вот с остальными все обстояло совсем иначе.

Из других инвесторов экспедиции, которые сами отправились на север, Кларн Шенданак держался ближе к делу, поскольку совершенно не доверял имперцам, включая Арчет Инданинармал, черную как уголь полукровку, имперскую загадку – такой он ее видел. Менит Танд следовал его примеру и ошивался поближе к Шенданак, потому что питал свойственное имперскому аристократу отвращение к бесцеремонным иммигрантским манерам маджака и не желал, чтобы его обыграли. А Илмар Каптал следовал за ними, потому что примерно в равной степени не доверял Шенданак и Танду. Эта троица не огрызалась друг на друга в открытую, но иметь их за спиной было все равно что возглавлять процессию бродячих котов. Шенданак никуда не шел без почетного караула в восемь душ, состоящего из троюродных братьев-головорезов только что из степей, и это, в свою очередь, означало, что Танд, стремясь выровнять чаши весов, тащил за собой маленький отряд собственных наемников, а Каптал откровенно требовал, чтобы Ракан выделил ему гвардейцев на всякий случай...

Эгар обычно таскался следом за Гилом, просто чтобы не пропустить какую-нибудь заварушку.

Однажды серым утром, направляясь к могиле с талисманами, в которой, как оказалось, не было ничего, кроме скелета весьма уродливой овцы, Рингил остановился и оглянулся с вершины невысокого холма, шурясь от дождя. Вся потрепанная свита растянулась по тропе позади него, словно компания уцелевших после кораблекрушения. Он с досадой признался, что не видел такого бардака с той поры, как одиннадцать лет назад возглавлял отступление экспедиционного корпуса к Виселичному Пролому.

«Чуток сурово – таково было взвешенное мнение Эгара. – Я имею в виду экспедиционный корпус. Армия, как ни крути. Можешь себе представить, как ведешь эту банду в бой и на прорыв? Повезет, если они не вцепятся друг другу в глотки еще до полудня».

«Заткнись, – устало сказал ему Рингил. – Просто... заткнись».

Они шли. Они копали. Ничего не находили и возвращались, и почти все время шел дождь.

Однако, к явному разочарованию Драконьей Погибели, заварушки так и не случилось.

Вместо этого вереница зевак и надсмотрщиков, следующих по пятам за Гилом, начала медленно улетучиваться перед лицом повторяющихся неудач и ужасной погоды. Каждый нашел для себя занятие поинтереснее. Арчет удалилась в мрачное затворничество на борту «Дочери орлана», и время от времени по всей гавани слышали доносящиеся оттуда оскорбления на великом кирском языке, адресованные Анашаралу. Ньянар вернулся в свою каюту на борту «Гибели дракона», занялся бесконечным ремонтом мелких повреждений корабля, о чем с чувством собственной важности писал в судовом журнале. Что касается происходящего на берегу, то Илмар Каптал поселился в гостинице в переулке Полета Чайки и попросил у Ракана нескольких гвардейцев, чтобы те стерегли его двери. Шенданак и Танд шествовали по улицам Орнли, окруженные своими охранниками, бросая злобные взгляды на местных жителей и друг на друга, когда их пути пересекались. Отчаянно желая пригасить пламя, Хальд и Ракан обычно оставались в городе с большей частью своих подчиненных, выдумывали им множество занятий, устраивали изнурительные тренировки – делали все возможное, чтобы избавиться от закипающего ощущения скуки и разочарования.

Эгар свел знакомство с местными шлюхами.

А Махмаль Шанта сидел в своей каюте на борту флагманского корабля «Гордость Ихель-тета», отчаянно кашлял, сплевывал мокроту, пил горячие травяные настойки и корпел над картами, делая вид, что не планирует их возвращение домой с пустыми руками.

Поиски продолжались, и Рингил с морпехами, которыми время от времени командовал сам Хальд, снова и снова отправлялись копать. Таков был негласный уговор: Гил всегда оставался на передовой. Он владел заклинаниями и клинком из чужеродной стали; если бы Илракский Подменыш выскочил из очередной могилы в воинственном настроении, только Рингил Эскиат мог с ним справиться. Когда наиболее многообещающие обрывки легенд и слухов о местах вблизи от города закончились, Ньянару и «Гибели дракона» поручили возить их к тем местам, где на побережье находились – предположительно – интересующие экспедицию могилы. В общем, они теперь постоянно мотались туда-сюда на корабле.

Подкрадывалось ощущение, что они хватаются за соломинку. Просто повторяют бессмысленную последовательность действий. Терпение никогда не было сильной стороной Гила, а теперь от него и вовсе ничего не осталось. Нестерпимое желание кого-нибудь прикончить преследовало его днем и ночью. Чего бы он только не отдал за то, чтобы из сырой земли и травы прямо перед ним, прямо сейчас вынырнул Подменыш с мечом в руке и горящими немертвыми глазами.

Он бы скопил убоюда как ячмень.

Овечья тропа неторопливо петляла по склону холма, и череда узких поворотов постепенно приближала их к долине. Кое-где из вереска торчали руины разрушенных маленьких ферм: дымоходы и обвалившиеся каменные стены напоминали останки лодок, утонувших на мелководье. Грязные овцы паслись на склоне, держась в отдалении, терпеливо жуя и наблюдая, как отряд идет мимо. Одна или две из тех, что были ближе, неуклюже поспешили убраться в сторону от тропы, как будто их заранее предупредили о настроении Гила.

«Я выкину гребаного Кормчего за борт, когда мы вернемся. Утоплю его в проливе Орнли без троса и пусть гниет на дне.

Если Арчет меня не опередит.

Я его...»

Он резко остановился, из-за бурлящего внутри гнева с опозданием сообразив, что дорогу преграждает какое-то существо. Отпрянул на пару дюймов.

Позади смолкла болтовня морпехов.

На тропе стоял баран. Большой, почти вдвое больше овец, которых они видели раньше, и старый, с рогами толстыми, как кулаки, изогнутыми дважды и с торчащими книзу острыми концами. Шерсть у него была грязная, желтовато-белая, сваливавшаяся на широкой, словно у мула, спине. Он был сильно выше талии Рингила и таранился на него глазами, чьи зрачки выглядели щелями, ведущими в пустоту. Он вздернул челюсть, глядя на человека, и как будто улыбался, думая о чем-то забавном.

Рингил резко шагнул вперед. Вскинул руки, развел ими в стороны и внезапно подумал, что выглядит совсем как одна из тех ведьм-шарлатанок, что несут белиберду про магию на рынке Стров.

Баран остался на месте.

– Я не в настроении с тобой цацкаться, – рявкнул Гил. – А ну вали отсюда.

Тишина. Пара нервных смешков со стороны морпехов.

На миг все словно застыло, а потом баран сделал шаг в сторону и мотнул головой, как бы говоря: «Глянь-ка вон туда», после чего неторопливо направился к одной из разрушенных ферм.

Рингил бросил беглый взгляд на мокрый от дождя склон, и...

Трепет черного плаща, слабый взблеск синего пламени в движении.

Темная фигура шла по гребню холма, опустив голову, словно наблюдая за ним.

Он моргнул. Замер не шевелясь, пытаясь убедиться, что ему не показалось. Это был лишь призрак на самом краю поля зрения.

И он очень быстро исчез.

«Ох, да хватит уже».

Он обернулся и увидел барана, стоящего у стены развалин. Казалось, животное все еще наблюдает за ним.

– Мой господин?

Рядом с ним стоял Шахн, бдительно сохраняя бесстрастное лицо. Рингил посмотрел на мужчин, которые в основном прятали нервные ухмылки, шурились на небо и старались выглядеть серьезными. Он их не винил и уже собрался выкинуть происшествие из головы, как вдруг заметил проводников-хиронцев. Они стояли в стороне, поодаль от тропы, и поспешно отвели глаза, как только он посмотрел в их сторону. Несколько мгновений он смотрел на них, но островитяне упорно отказывались встретиться с ним взглядом. Однако он заметил, как один из них невольно посмотрел на развалины и барана.

Рингил проследил за его взглядом. Почувствовал, как участился пульс.

Икинри'ска проснулась в нем, словно сонная гончая у камина при звуке задвижки.

– Сержант, – сказал он с отстраненным спокойствием. – Отведите людей к лодкам, хорошо?

– Да, мой господин.

– Ждите меня там. Скажите командиру Хальду и капитану, что я ненадолго.

– Слушаюсь, мой господин.

Рингил уже шел к развалинам. Он едва расслышал ответ, едва заметил морских пехотинцев, которые построились, следуя отрывистому приказу Шахна, и быстро зашагали прочь. Он сошел с тропинки, оказался по колено в мокром от дождя вереске, и ему пришлось продираться сквозь заросли, чтобы продвинуться вперед. Впереди баран, явно удовлетворенный, снова вскинул голову и рысью побежал через пролом в стене, который когда-то мог быть дверью.

Небо над головой потемнело от собирающихся туч. Казалось, ветер усиливается.

Он добрался до развалин и заглянул за стену, которая едва доходила ему до пояса. Барана нигде не было видно. Рингил прошелся вдоль стены, огляделся, проверяя, всё ли в порядке. Пол зарос травой по колено, тут и там валялись выпавшие из стен камни, гнилые обломки досок – останки того, что когда-то, возможно, было мебелью. Каменная кладка в одном конце стены почернела на том месте, где раньше стоял очаг с дымоходом.

Там что-то собралось, притаилось у руин очага и ждало его.

Он не мог разглядеть, что это было.

В разрушенном дверном проеме порывы усиливающегося ветра шевелили высокую траву, пригибали ее, словно предлагая войти внутрь.

Рингил кивнул.

– Ну ладно.

И переступил через порог.

Глава вторая

Он заплатил шлюхам за весь день, но в конце концов растерял энтузиазм для третьего круга. Обычно две женщины сразу решали за него эту проблему, но не сегодня. Может, все дело в вони мокрой шерсти, которая все равно осталась на их телах даже после того, как они разделись для него, а может, и в том, что он как-то слишком уж часто замечал по ходу дела, что маска возбуждения спадает с лица той, что моложе. Такие вещи ранили его, мешали наслаждаться моментом. Он знал, что платит, но не любил, когда ему об этом напоминали, и в Ихельтете такого бы не случилось.

«В чем дело, Драконья Погибель? Опять пригорюнился, мать твою? В степях тосковал по южной утонченности, которую бросил. В имперской столице захотел снова жить простой жизнью. И вот ты здесь, с простыми шлюхами в простом городишке, и опять недоволен».

О боги, как же ему не хватало Имраны.

Он уже не разговаривал с этой сукой, но все равно скучал по ней.

Поэтому, когда молодая опустилась перед ним на колени и взяла вялый член в рот, в то время как ее старшая напарница сидела на табуретке в углу, по очереди поднимая обвислые сиськи и облизывая сосок, бросая плотоядные взгляды в сторону Эгара, он просто хмыкнул и покачал головой. Поднял девушку с колен – его член выскользнул из ее рта, по-прежнему довольно вялый, – и отодвинул в сторону. Шлюха постарше опасливо наблюдала за клиентом, который встал с кровати, приведенной в беспорядок. Он читал ее мысли, словно те были татуировками на лице. Никто не в силах предугадать, что устроит клиент, заплативший деньги, если у него не встанет, невзирая на их старания, а этот – громила, покрытый боевыми шрамами, да к тому же иноземец. У него грубый чужестранный акцент, и волосы увешаны железными талисманами. Зловещие истории о маджаках за последние пару столетий распространились по всему континенту, и до Хиронских островов, несомненно, добрались давным-давно. «Кровожадные дикари из степей выпотрошат девушку и зажарят на вертеле, стоит ей криво на них взглянуть, когда они встанут не с той ноги...»

Он изобразил ободряющую гримасу и подошел к окну. Услышал, как они поспешно зашевелились у него за спиной, начали собирать одежду и деньги, оставленные им на столе. Легко ступая, вышли через пару секунд, и дверь тихонько щелкнула, закрываясь. Он почувствовал, как по телу прокатилась волна облегчения. Обмяк, привалился к окну, уперся лбом в прохладное стекло. Снаружи шел мелкий дождь, приглушая дневной свет, который и так уже тускнел. По улице пробежала пара детишек, нарочно шлепая по лужам и выкрикивая какой-то стишок, который Эгар не смог разобрать. Он кое-как выучил язык Лиги во время военной кампании на севере, но хиронский акцент был нелегким делом.

«Ага, как их блядская еда, блядская погода и блядские шлюхи. Пять недель в этой сраной дыре, и никаких...»

Шум на первом этаже. Женский крик. Грохот перевернутой мебели.

Он нахмурился и склонил голову, прислушиваясь.

Еще один вопль. Грубый смех и мужские голоса. Слов было не разобрать, но ритм речи оказался маджакским.

«Так-так».

Он схватил с кровати штаны, торопливо натянул их на ходу, направляясь к двери. Схватил рубашку со стола, проходя мимо, и выскочил в коридор все еще голый по пояс. Натягивая рубаху на плечи, спустился по лестнице. На сапоги и прочие мелочи не было времени, потому что...

Он спустился на первый этаж гостиницы босой и в расстегнутой рубахе. Окинул взглядом развернувшуюся сцену. Горстка местных жителей за столами и за стойкой старательно тара-

щилась в свои кружки, не обращая внимания на вспыхнувший посреди зала хаос, причиной которого стали вновь прибывшие.

Их было трое. Люди Шенданака; судя по виду, только что с улицы – войлочные куртки все еще застегнуты доверху, плечи влажные от дождя. Один ухватил молодую шлюху, что была с Эгаром, за промежность и одну сиську, лизал ей шею. Два других увлеченно издевались над хозяином гостиницы.

– Эй! – рявкнул Эгар и перешел на маджакский. – Что за хуйня?

Тот, что тискал шлюху, посмотрел на него.

– Драконья Погибель! – завопил он. – Братишка! Мы как раз тебя искали! Надевай-ка сапоги и айда пить-гулять – пора нам перевернуть этот сраный городишко вверх дном, пусть все увидят, на что способны маджаки!

Эгар медленно кивнул.

– Понятно. Ну и чья это была идея?

– Старины Кларна, приятель! Собственной персоной. – Шлюха брыкалась и извивалась в руках говорившего. Она впилась зубами в его предплечье. Он вздрогнул и ухмыльнулся, отпустил ее промежность и свободной рукой стиснул челюсти, заставив их разжать и откинуть голову назад, подальше от плоти. Ее зубы оставили довольно отчетливый след укуса на толстой мышце выше запястья, который наливался кровью, но в голосе маджака ничуть не убавилось веселья. Эгар прикинул, что его соплеменник уже изрядно надрался. – Сучка гребаная. Ну да, Кларн сказал, дескать, хватит цацкаться с этими рыбоебами. Пора вспомнить о том, что мы степняки, и надрать им задницы. Не так ли, парни?

Двое других одобрительно взревели. К этому времени хозяина гостиницы уже нагнули над барной стойкой, прижимая лезвие ножа плашмя под подбородком, и его ноги болтались в паре дюймов от усыпанного опилками пола. Маджаки радостно улыбались Драконьей Погибели как своему.

Эгар дернул подбородком, указывая на девушку.

– Это моя шлюха. Отпусти ее.

– Твоя?! – Лицо другого маджака внезапно сделалось менее приветливым. – А кто сказал, что она твоя? Если уж сидит тут и трясет сиськами и жопой перед взрослыми мужиками, то...

– Я заплатил ей до заката. – Эгар чуть изменил позу, выпрямился. Кивнул на шлюху постарше. – Им обеим. Они спустились за выпивкой и едой для меня. Так что отпусти ее. А вы двое – и его тоже отпустите. Как бедный мудила нальет мне пинту, если вы его прижали?

Два маджака у стойки охотно подчинились. Может, выпили меньше, а может, просто были поумнее. Они дружелюбно кивнули, отошли от хозяина гостиницы и позволили ему сползти со стойки. Тот, что с ножом, с виноватой улыбкой убрал оружие. Но с парнем, который одной рукой обнимал шлюху за плечи, справиться будет трудней. Когда Эгар перевел на него взгляд, он крепче сжал девушку и прорычал:

– Мои деньжата не хуже других.

Драконья Погибель осторожно шагнул вперед. Окинул комнату незаметным оценивающим взглядом.

– Тогда становись в очередь. Или найди себе другую шлюху. Мою ты не получишь.

Рука другого маджака потянулась к поясу, на котором висел смертоносный нож с большой рукоятью. Он как будто и сам не замечал этого движения.

– У тебя куча времени до заката, – проговорил он хриплым голосом, почти рассудительно, как будто выступая перед каким-нибудь судом. – А я ее надолго не задержу.

– Я не стану повторять еще раз. Отпусти ее.

Эгар увидел, как молодой маджак принял решение – понял это по глазам еще до того, как тот схватился за нож. Его рука взялась за рукоять, но Драконья Погибель уже пришел в движение. Метнулся через разделявшее их короткое расстояние, схватил правой рукой чью-то

бутылку со стола и ударил маджака по голове. Он вложил в удар всю силу и слегка удивился, когда бутылка не разбилась. Противник пошатнулся. Эгар усилил натиск, замахнулся опять, в другую сторону, и на этот раз – да! – его оружие разлетелось на осколки и брызги дешевого вина. Маджак упал, множество порезов на его лбу кровоточили. Шлюха вырвалась и поспешила к товарке; раненый пьяно заворочался на полу, кровь текла ему в глаза. Эгар отвел ногу назад, помня о том, что он босиком, и сильно пнул маджака в лицо, прежде чем тот успел подняться. Драконья Погибель предостерегающе махнул горлышком разбитой бутылки в сторону двух других.

– Если вы, парни, собрались гульнуть, не надо начинать отсюда. Понятно?

Тишина. С острых концов разбитого горлышка капало вино.

Два оставшихся маджака посмотрели на товарища, который свернулся калачиком на полу, вздрагивая, а потом – снова на влажный блеск импровизированного оружия Эгара. Ярость и замешательство боролись на их лицах, но дальше этого дело не пошло. Он увидел, что оба довольно молоды, и предположил, что сможет выехать на одном лишь нахальстве. И стал ждать. Один из них озадаченно провел рукой по волосам и сделал сердитый жест.

– Послушай, Драконья Погибель, мы думали...

– Неправильно вы думали. – У него были репутация и возраст – две вещи, которые кое-что значили для маджаков в степи и, возможно, для этих двоих, если они покинули родные края не слишком давно.

Ну а если нет...

Если нет, то при нем босые ноги и разбитая бутылка. И осколки стекла на полу.

«Молодец, Драконья Погибель. Давай, исправляй ситуацию».

Он пустил в ход голос вождя.

– Я здесь гость, вы, придурки паршивые. Узы, связывающие меня с местными, засвидетельствованы Небожителями, и потому я вынужден их защищать. Или шаманы больше не учат молокососов этой хрени?

Юноши переглянулись. Такое истолкование маджакских обычаев было в лучшем случае сомнительным – не считая мелких ритуальных даров, за гостеприимство в степи никогда не платили. А проживание в таверне или меблированных комнатах, скажем в Ишлин-ичане, считалось чем-то совсем другим. Но Эгар был скаранакком, а эти двое – ишлинаками из приграничных степей, так что они могли и не знать достаточно о своих северных сородичах, чтобы разбираться в их обычаях, да и к тому же – эй, этот старик в войну прикончил гребаного *дракона*, так что...

Тот, что лежал на полу, застонал и попытался подняться.

Время истекало.

Эгар указал вниз бутылкой и разыграл козырь.

– А что ваши клановые старейшины сказали бы про такую херь? Воровать у другого мужчины шлюху прямо из-под носа? Это что, по-вашему, правильно?

– Он же не зна...

– И с ножом идти на брата? Вас и это устраивает?!

– Но ты...

– Да заебался я с вами базарить! – Эгар опустил руку с бутылкой, как будто она ему больше не требовалась. Взамен ткнул в них пальцем, изображая раздражительного кланового старейшину. – А ну быстро подняли его и убрали на хуй отсюда. Унесите его с глаз моих долой, пока я не разозлился.

Они медлили.

Он прорычал:

– Вон отсюда! Устраивайте вашу сраную вечеринку где-нибудь в другом месте!

Что-то дрогнуло в их лицах. Их спутник зашевелился на полу, и они поспешили к нему. Эгар с облегчением отступил. Бутылку он все еще держал наготове. Они вдвоем приподняли раненого, закинули его руки себе на плечи и повернулись к двери. Прежде чем уйти, один отыскал в себе толику бравады, чтобы не упасть лицом в грязь. Он неуклюже развернулся, согнувшись под тяжестью ноши. Гнев еще не утвердился на его лице, но выражение становилось все более жестким.

– Чтоб ты знал, Кларн этого не потерпит.

Эгар снова вздернул подбородок.

– А ты проверь. Кларн Шенданак – степняк до мозга костей. Он увидит суть, какая она есть: надо уважать тех, кто этого заслуживает. А теперь убирайтесь вон.

Они вышли под дождь, оставив дверь распахнутой. Драконья Погибель осознал, что стоит посреди зала, где на него таращатся местные.

Вскоре кто-то встал из-за стола и закрыл дверь. По-прежнему никто ничего не говорил, все продолжали смотреть на Эгара. Он понял, что разговор происходил на маджакском – присутствующие ничего не поняли.

Он все еще сжимал в руке горлышко бутылки.

Он положил его на стол – тот самый, с которого и взял бутылку. Ее владелец вжался в спинку скамьи. Эгар вздохнул. Бросил взгляд на хозяина постоянного двора.

– Лучше запри дверь на засов на некоторое время, – сказал он по-наомски. А потом прибавил, обращаясь к собравшимся в зале: – Если у кого-то дома родные сидят одни, допивайте и скорее возвращайтесь к ним.

Мужчины зашевелились, послышалось чье-то бормотание, но никто не встал и не двинулся к выходу. Все по-прежнему не сводили глаз с него, босоногого старого головореза с железными талисманами в волосах и расстегнутой рубашке, не прикрывающей заросшую седыми волосами грудь.

Они все еще не могли взять в толк, что сейчас произошло.

Он им сочувствовал. Он надеялся, что...

«Сука Шенданак».

Он осторожно пробрался сквозь осколки стекла на полу, не обращая внимания на взгляды, и поднялся наверх, чтобы одеться как следует.

Для следующего раунда ему понадобятся сапоги.

Он нашел Шенданака с приспешниками перед большой гостиницей на улице Лиги, где тот снимал комнаты. Маджак, превратившийся в имперского купца, приказал вынести на середину улицы грубый деревянный стол и теперь сидел там под дождем, с кувшином какого-то пойла у локтя, наблюдая, как трое его людей избивают островитянина-хиронца. Он увидел, как приближается Эгар, и отсалютовал ему кувшином.

– Драконья Погибель.

– Кларн. – Эгар обошел дерущихся, увернулся от кулака, который по неопытности соскользнул с черепа островитянина. Нетерпеливо отпихнул подвернувшихся драчунов в сторону. – Ты не хочешь мне сказать, что за хрень тут происходит?

Шенданак вынырнул из кувшина и вытер усы.

– Не моя идея, брат. У Танда вся сбруя в узлы завязалась, он орет, дескать, эти рыбобобы что-то знают, а нам не говорят. Начал с того, что я, мол, слишком мягок, чтобы добиться от них нужных сведений. Ну и что я должен был делать? Стерпеть это вранье, что ли? Только не от Танда.

– Значит, вместо этого ты будешь выполнять его приказы?

– Не-а, все не так. Это соревнование – верно, парни? – Маджакские воины на мгновение прекратили лупить островитянина. Вскинули головы, точно псы, которых позвал хозяин. Шенданак взмахом руки велел им продолжать. – Танд посылает своих наемников вести допросы. Я

делаю то же самое с братьями. Посмотрим, кто первым узнает, где эта могила и ее сокровища. Приз в тысячу элементарей и публичное почтение победителю.

– Точно. – Эгар присел на край стола, наблюдая, как два маджака держат островитянина, в то время как третий тяжелыми кулачищами бьет его по животу и ребрам. – Менит Танд – дерьмовый работороговец, у которого встает, когда кого-то мучают, и еще ему скучно. А у тебя какое оправдание?

Шенданак, прищурившись, задумчиво посмотрел на него.

– Я слышал, что вы с Набаком немного повздорили. Ты действительно врезал ему бутылкой из-за какой-то шлюхи-рыбачки, которой не захотел делиться? На тебя не похоже.

– Я врезал ему бутылкой, потому что он собрался кинуться на меня с ножом. Ты бы присматривал за родней получше, Кларн.

– А-а, ну да.

По голосу Шенданака было трудно понять истинные чувства. Внезапно он широко распахнул глаза и снова схватил кувшин, подняв его со стола, когда островитянин, шатаясь и тяжело дыша, ткнулся в него и вцепился в столешницу. Из рта и носа бедолаги текла кровь, губы были разбиты после многочисленных ударов по зубам. Оба глаза посинели и заплыли, а правая рука выглядела так, словно кто-то на ней потоптался. И все же он с рычанием оттолкнулся от стола. Маджаки схватили его, потащили...

– Знаете, – весело сказал Шенданак и взмахнул кувшином, – не думаю, что этот что-то знает. Почему бы вам его не отпустить? Просто бросьте его. Ступайте и глотните чего-нибудь, а потом займемся следующим. От такой работы пить ого-го как хочется.

Маджаки удивились, но пожали плечами и сделали, как было велено. Один яростно пнул избитого в колени и плюнул на него, когда тот рухнул на мостовую. Раздался короткий взрыв лающего смеха. Все трое вернулись в гостиницу, потрясая сбитыми костяшками и обсуждая нанесенные удары. Шенданак наблюдал за ними и выждал, пока закроется дверь, прежде чем обернуться к Эгару.

– Мои родственники начинают беспокоиться, Драконья Погибель. Им обещали приключение в плавучем городе чужеземцев и смертельную битву с черным воином, королем-шаманом. Пока что бросается в глаза отсутствие и того и другого.

– По-твоему, избивая до полусмерти местных жителей, можно что-то исправить?

– Нет, разумеется. – Шенданак перегнулся через стол и взглянул на островитянина, который лежал на грязной мостовой без сознания. Снова сел поудобнее. – Но так мои люди немного успокоятся. И смогут поддерживать форму. Да и в любом случае, как уже было сказано, я не могу ударить лицом в грязь перед мешком дерьма вроде Менита Танда.

– Я поговорю с Тандом, – прорычал Эгар. – Прямо сейчас.

Шенданак пожал плечами.

– Вперед. Но, сдается мне, ты обнаружишь, что он не ждет от этих допросов большего, чем я. Дело-то не в них. Люди Танда лучше обучены, но, в конце концов, они тоже солдаты. А мы с тобой оба знаем, что собой представляют солдаты. Они нуждаются в насилии. Они его жаждут, и, если слишком долго не давать им утолить эту жажду, будут неприятности.

– Неприятности. – Эгар произнес это слово так, словно взвешивал его. – Давай проясним: вы с Тандом делаете все это, потому что хотите избежать неприятностей?

– В сущности, да.

– «В сущности», значит? Нахвтался, блядь, придворных словечек... – Он проглотил остаток фразы. Сбавил пыл. – Дай-ка я поведаю тебе одну военную байку, Кларн. Ну, про ту войну, которую ты сумел пересидеть в столице, откупившись стадами и вложениями?

– О, вот мы и приехали, мать твою.

– Ну да, ну да. Ты болтаешь о солдатах, как будто сам был когда-то солдатом, так что я решил тебя просветить ради твоего же блага. Во время войны, когда мы шли по горам к

Виселичному Пролому, рядом со мной шагал один малый, ростом с полпинты. Доброволец из Лиги, я так и не узнал его имени. Но мы немного поболтали. Он мне рассказал, что прибыл с Хиронских островов и проклинает тот день, когда их покинул. Знаешь, почему?

Шенданак вздохнул.

– Наверное, сейчас ты мне расскажешь.

– Он уехал с островов, женился на бабенке из Лиги и построил себе дом в Раджале. Когда пришли Чешуйчатые, жену и детей у него на глазах зажарили и сожрали. Он спасся только потому, что очаг, куда его засунули, обвалился, и пламя засыпало пеплом. Ты только представь себе, что он чувствовал, ага? Лежал там, задыхаясь в горячем пепле, в тишине, окруженный обглоданными костями своих родных, пока ящеры не уебали копать другую яму. Он сжег свои путы в углях – я видел шрамы на его руках, – а потом прополз четверть мили вдоль побережья, сквозь трупы павших в битве, и выбрался. Ты меня слушаешь, бандит тупорылый?

В глазах у Шенданака полыхнуло пламя, но он не пошевелился, остался сидеть на стуле. Конокрад, бандит и головорез в молодости, он, вероятно, все еще был хорошим бойцом, невзирая на годы и внушительное брюхо. Но оба знали, что случится, если затеять стычку с Драконьей Погибелью. Шенданак скорчил страдальческую гримасу, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Да, Драконья Погибель, я слушаю тебя.

– В Виселичном Проломе этот самый малыш спас мне жизнь. Он прикончил пару рептилий-пеонов, которые на меня набросились. С первым потерял топор – лезвие застряло в черепе твари, и она так дергалась, подыхая, что он не смог удержать рукоять. Поэтому он расправился со вторым пеоном голыми руками! Умер, засунув руку ему в глотку, чтобы не позволить челюстям сомкнуться. Вырвал гадине язык, прежде чем сам истек кровью. Ты смекаешь, зачем я это рассказываю?

– Он был отсюда родом. Крепкий маленький ублюдок. Да, я понял.

– Ага. Если ты или Танд взбесите этот народ по-настоящему, у нас случится крестьянское восстание. Мы с ним не справимся, мы же не армия захватчиков. Вообще-то... – Эгар скривился. – Мы вообще не армия. И мы далеко от дома.

– У нас есть морские пехотинцы и Трон Вековечный.

– О, не будь идиотом. Даже с наемниками Танда и твоими родственниками-головорезами у нас боевой отряд в двести душ. Это даже не гарнизон для города такой величины. Эти люди знают местность и прибрежные воды. Они исчезнут из Орнли и деревушек, растают без следа, а потом начнут нас изводить в свое удовольствие. Придется вернуться на корабли – если к тому времени какие-нибудь рыбаки не подкрадутся и не сожгут их до ватерлинии, – а мы даже не запаслись провизией для обратного пути. До Джерджиса больше трех недель на юг, и не знаю, как ты, но мне бы не хотелось жрать жареных крыс и пить дождевую воду все это время.

– Так-так. – Шенданак демонстративно изучил свои ногти – это был придворный театральный жест, который он, наверное, подхватил где-то во время долгого восхождения к богатству и власти в Ихельтете. Эгару захотелось размозжить ему череп. – Мне показалось, или ты как-то слишком уж трепетно стал относиться к этой войне на старости лет, а? Скажи-ка, ты правда убил того дракона? Я имею в виду, тебя послушать, так ты... не похож на хладнокровного уничтожителя рептилий.

Эгар напряженно оскалился.

– Кларн, тебе так хочется, чтобы тебя выпороли на глазах у родственников? Буду рад помочь. Просто продолжай доебываться.

И опять в глазах Шенданака вспыхнул потаенный гнев. Он стиснул зубы и проговорил мягко и вкрадчиво:

– Не увлекайся, Драконья Погибель. Ты не такой, как твой друг педик. И к тому же его тут нет, чтобы прикрыть твой зад.

Эгар потом клялся, что, если бы не последнее замечание, он бы пропустил это мимо ушей.

Глава третья

– Ты ведешь себя неразумно, дочь Флараднама.

Арчет крикнула, скрипнула зубами и снова налегла на веревку. Внизу Кормчий Анашарал развернулся вокруг своей оси и поднялся по трапу еще на пару ступенек. Тяжелый железный панцирь глухо лязгал по дереву, подогнутые конечности слабо подергивались. Как всегда, он выглядел и двигался словно искалеченный гигантский краб.

И пыхтел, как раздраженный учитель.

– Кринзанц затуманил твой разум.

– Угу.

Она обернула веревку вокруг предплечья, уперлась сапогом в раму и всем телом откинулась назад. Перекинула веревку через верхнюю стойку перил трапа, а потом – через сами перила, соорудив импровизированный блок. Теперь пеньковый трос скользил по полированной древесине с очень обнадеживающей скоростью. Она едва не упала спиной вперед, почти потеряв контроль. Анашарал рывком поднялся на целый ярд. Что бы ни делал – и делал ли? – кринзанц с ее рассудком, а вот мышцы он точно наполнял жидкой яростью.

– Ты об этом пожалеешь.

– Сомневаюсь, – Арчет, тяжело дыша от напряжения, говорила отрывисто. – Лучшая. Мать ее. Идея. За месяцы!

Последние слова она сопровождала еще одним свирепым рывком и сделала еще три шага по палубе, прочь от люка, направляя веревку под острым углом и позволяя ей и дальше скользить вокруг стойки. Влажный серый дневной свет, холодная пелена дождя на лице. На Хиронских островах такое лето. Если солнце и было где-то там, никто его не видел. Перила под весом Анашарала начали заметно деформироваться, но в голове Арчет царила криновая уверенность в том, что они выдержат, несомненно выдержат, надо только...

Согнув колени почти до сидячего положения, Арчет переместила свой центр тяжести ближе к палубе, чтобы ноги не скользили на лоснящихся от дождя досках. Откинувшись назад, напряглась, чувствуя ускоренный крином пульс в шее. Трап располагался посередине корабля, на равном расстоянии от обоих фальшбортов. «Дочь орлана» была приличного размера, правый борт находился в добрых пятнадцати футах, но, когда Анашарал окажется на палубе, протаскать его по доскам будет детской забавой. Она не совсем представляла себе, как поднимет Кормчего через фальшборт – что-нибудь придумает, как дойдет до дела, – в общем, по правде говоря, когда она спускалась вниз с веревкой, ей было не до тщательного планирования.

– Дочь Флараднама. Ты не можешь верить, что все это – моя вина.

– Да ладно? – «Тя-а-а-анем...» – и внезапно панцирь Кормчего показался над краем трапа. Анашарал висел там и покачивался, словно большой и уродливый корабельный колокол. Парой ног он неуклюже попытался зацепиться за перила, но, как обычно, им не хватило силы. Арчет от этого зрелища почувствовала порочный всплеск удовлетворения во всем теле. – А кто нас притащил в эту глушь? Это сраное путешествие, кто его придумал? Кто сказал, что мы найдем тут кириатский город над океаном?

– У меня не было причин не верить...

– Постой, а как насчет призрачного острова, который появляется и исчезает, как туман? Ничего, мать твою, не напоминает?

– Я понимаю, что ты, наверное, разочарована, Арчет.

– О, правда? – Она перевела дух и опять потянула. – Вот и славненько.

Она начала двигаться по дуге поперек палубы, делая угол между перилами и туго натянутой веревкой все больше, круто откидываясь назад и постепенно подтаскивая саму себя к

люку. Еще пара шагов – и веревка должна выдернуть Кормчего через край трапа напрямик на палубу.

– Но чего именно ты собираешься этим добиться?

Кажется, в голосе Кормчего проскользнула еле заметная тень паники.

– Ждешь, что я открою какую-нибудь тайну, в которой до сих пор не признавался?

– Не-а. Я жду, что ты утонешь.

– Дочь Флараднама, ты не посмеешь...

– Сейчас увидишь, что посмею.

Шаги. Слева от нее, там, где были опущены сходни, кто-то торопливо взбежал на палубу корабля. Она бросила взгляд в сторону и увидела, что приближается один из гвардейцев Ракана. Кивнула ему в знак приветствия и продолжила тянуть веревку.

– Госпожа, меня послали...

– Не! – выдавила она сквозь зубы. – Сейчас!

Обернутая вокруг перил веревка со звуком лопнувшей струны достигла конца, и Анашарал грохнулся на палубу, от рывка опрокинувшись на спину. Бессильно задрывал конечностями. Натянута веревка резко ослабела, и Арчет шлепнулась на задницу. Гвардеец рванулся к ней.

– Моя госпожа...

– Я в порядке! – прорычала она так яростно, что он отступил на шаг. Арчет вскочила, подобрала веревку. Ладони саднили. Перевернутый Анашарал выглядел совершенно беспомощным, но она не исключала, что Кормчий каким-то образом примет нормальное положение, подползет к краю люка и рухнет в относительную безопасность трюма; оттуда – и Арчет подозревала, что Анашарал это каким-то образом знает, – ей уже не хватит силы и сосредоточенности достать его во второй раз, с кринзанцем или без него. Вообще-то, она уже начинала сомневаться в том, что...

– Помогите мне, – бросила она смущенному солдату. – Не стой там, тебе хрен! Хватай веревку!

– Моя госпожа?

Но он был из Трона Вековечного, а она в этом богом забытом жалком месте и воплощала собой Трон в той степени, в какой это было возможно. Ему приказали повиноваться ей, даже если речь пойдет о жизни или смерти. Он сделал, как было велено. Встал позади, и Арчет почувствовала, как ослабевает давление на ободранные ладони, когда мужчина прибавил свою силу к ее собственной. Они потянули одновременно, и перевернутый Кормчий, слегка покачиваясь, проехал пару футов по скользким доскам палубы. Со вторым рывком гвардеец, немного запыхавшись, спросил:

– Госпожа, в чем заключается... ваше намерение?

– Намерение? – Она повернула голову, чтобы посмотреть на него и одарить криновым оскалом. – Скинуть уебка в гавань, а что?

На лице гвардейца проступил испуг. Арчет опять повернулась лицом вперед и приказала:

– Тяни – и все тут.

– Это было бы неразумно, и я не сомневаюсь, что ты, Селак Чан, сам все понимаешь, – заметил Кормчий. – Госпожа Арчет приняла...

– Заткнись!!! – сорванным голосом заорала Арчет. – Заткнись, сука!!!

И внезапно, как будто крик пробил какую-то внутреннюю камеру в механизме ее гнева, Арчет ощутила пустоту. Ценный груз ярости утек, превратившись в слезы. Ее мышцы больше не пылали огнем, они просто болели. Ладони саднили, во рту было сухо и кисло. Каждый год из прожитых двухсот девяти упал на нее словно камень.

Она бросила веревку и замерла под дождем, опустив голову.

– Заткнись, сука, – пробормотала самой себе.

– Моя госпожа? С вами все в порядке, госпожа?

Арчет встряхнулась, словно мокрая собака. Впервые с того момента, как гвардеец поднялся на борт, по-настоящему повернулась лицом к нему.

– Что тебе нужно?

– Драконья Погибель, моя госпожа. И люди Шенданака. Ну, и еще господин Танд. Случилась драка. В гостинице на улице Лиги. Командующий Ракан просит вашего присутствия.

– Постой... драка?! Кто подрался, с кем... – Она перевела дух и вздрогнула всем телом. – Так, ладно. Возвращайся и скажи им, что я скоро буду.

– Да, госпожа.

На молодом лице отразилось облегчение. Он отдал честь, прижав кулак к сердцу, и поспешил прочь. Арчет проследила, как он пересек трап и растворился в морозящем дожде. Вытерла капли с лица.

«Драка.

Только этого нам и не хватало. Значит, лучше прихватить снаряжение».

– Только попробуй вякнуть, – предупредила она Кормчего, проходя мимо его перевернутого корпуса по пути в свою каюту, к ножам.

В кои-то веки Анашарал промолчал.

Они уложили Шенданака на кровать в его комнате. Мрачные маджакские родственники собрались в узком коридоре снаружи и на лестнице – массивные, пахнущие сыростью в своих войлочных пальто и ботинках. Пробиваясь сквозь них, Арчет ловила на себе бесстрастные взгляды, до нее доносились обрывки разговоров на степном языке. Она подмечала охранные жесты, которые они делали тайком, и руки, касающиеся кошель с талисманами. Тут и там поблескивали ножи, которыми – пока что – ковыряли в зубах или чистили ногти.

Во всем этом была какая-то уродливая, целеустремленная тишина, которая заставила ее мыслями вернуться к войне. Вооруженные люди, ожидающие, когда начнется насилие.

На верхней площадке лестницы один из молодых маджаков вскочил и принялся осыпать ее громкими ругательствами, пока двое товарищей не вынудили его снова сесть. Она не разобрала ни единого слова – ее понимание многочисленных маджакских диалектов ограничивалось горсткой фраз, которым Эгар научил ее за эти годы. Впрочем, переводчик на самом деле и не требовался.

Она скрывала свои дурные предчувствия, держа руки подальше от ножей. Оказавшись у двери, резко постучала. Открыл Ракан.

– Получила твое сообщение.

– Я бы не стал вас беспокоить, госпожа, но...

– Пропустим эту часть. – Она проскользнула в узкую щель, оставленную им, и позволила ему снова закрыть дверь за собой. Увидела у него за спиной четверых гвардейцев, готовых в любой момент выхватить мечи из ножен. – Это действительно необходимо?

Молодое лицо Ракана выглядело мрачным.

– Нам пришлось разбить пару голов, просто чтобы их успокоить. Думаю, если бы люди Танда не появились вовремя, все могло обернуться гораздо хуже. Могло дойти и до клинков.

– Постой... – Арчет нахмурилась. – Если драку затеяли не Танд и Шенданака, то какому уроду это пришло в голову?

– Мне. – Из соседней комнаты вышел Эгар, прижимая мокрую тряпку к правой стороне головы. Лицо у него было в синяках, один глаз заплыл, на щеке виднелся свежий порез. Он хмыльнулся ей. – Доброго дня, Арчиди.

– Ага, – рассеянно проговорила она. – Что стряслось?

Драконья Погибель опустил тряпку и уставился на окровавленные складки.

– Он укусил меня за ухо, – сказал Эдгар извиняющимся тоном. – Глянь, кровь еще течет. Я вышел из себя, когда он такое учудил. Иначе не отделал бы его так сильно.

– Так это ты подрался с Шенданаком?! Какого хрена?

– В основном? – Эгар пожал плечами. – Потому что он жирный имперский говнюк, который забыл свои корни, и его надо было как следует вздрючить, чтобы освежить память.

Гвардейцы рассердились. Арчет закрыла глаза.

– Ну просто замечательно. Где он?

– Тут.

Шенданак лежал на спине, на большой кровати под балдахином, без сознания. Его раздели до набедренной повязки, и Арчет подумала, что маджак весьма смахивает на забитого кита – однажды она видела такого на причале в Трелейне. Одна рука была в шине, голову забинтовали, но через повязки уже сочилась кровь. Лицо выглядело ужасно: нос сломан, оба глаза почернели и заплыли, челюсть перекошена – наверное, вывих...

Она оставила попытки оценить его состояние. Салбак Барла, корабельный врач с «Гордости Ихельтета», склонился над Шенданаком с припаркой и рассеянно кивнул ей.

– Моя госпожа.

– Как он, доктор?

Барла втянул воздух сквозь зубы.

– Ну, жить будет. Ваш друг-варвар был достаточно сдержан, чтобы его не убить. Но пройдет какое-то время, прежде чем он сможет ходить без посторонней помощи. Он получил много сильных ударов по черепу. Одно колено сильно ушиблено, сустав, возможно, треснул. Пах отбит. Ребра сломаны во многих местах. Рука... – Он указал на шину. – Сами видите.

– Да, это после того, как он меня за ухо цапнул, – раздался голос Эгара позади, все еще извиняющийся. – Ну и я, как уже сказал, вышел из себя.

– Несомненно, – согласился Барла.

Арчет с трудом сдерживала гнев, распаленный кринзанцем. Она повернулась к Драконьей Погибели, который отошел к окну.

– Ну и каков был план, Эг? – мягко спросила она. – Он ведь у тебя был, верно?

Эгар на нее не смотрел. Стоял и глядел на дождь.

– Я же тебе сказал, что потерял контроль над собой. Но дело в том, что этот жирный ублюдок и Танд приказали своим людям избивать местных, чтобы вытянуть сведения, которых у них нет. Ты бы и сама об этом узнала, если бы время от времени покидала свою посудину.

– Не пытайся, блядь, свалить всю вину на меня.

Он отвернулся от окна.

– Арчет, они делают ставки на то, кто первым вытянет из этих несчастных нужные сведения. Кто-то должен был положить этому конец.

– Да, для этого здесь Ракан и Хальд.

– Хальд ушел с Гилом. И вообще, мне не нужна была помощь.

«Дыши, Арчиди. Держи себя в руках».

– А что теперь будет, Эг? Кто будет держать в узде степных родственников Шенданака теперь, когда он не проснулся?

– Я.

– Ты?! – Она не смогла сдержать свое неверие. – Эгар, судя по тому, что я видела на лестнице, удивительно, как они до сих пор сюда не ворвались, чтобы учинить над тобой самосуд.

Он мрачно ей улыбнулся.

– Это не так работает, Арчиди. Эти парни – степь как она есть. Я прекрасно с ними справлюсь.

– С теми двумя в конюшне вышло довольно неплохо, – заметил Барла, продолжая возиться с припаркой.

– Двумя в конюшне? – переспросила Арчет с опасным спокойствием.

Эгар кивнул.

– Ага, двое парней Шенданака выскочили на улицу, пока я его лупил. Это было до того, как появился Танд. Пришлось им тоже навалить. Невелика проблема.

– Кто бы сомневался. Доктор?

– Поверхностные повреждения, – подтвердил Барла. – Я обоим дал немного фландрейна, чтоб утешились. Проспят, и к утру с ними все будет в порядке.

– Ясно. Эгар... давай без хождения вокруг да около. Скольких людей ты сегодня... покалечил?

– Только этих троих. Остальные тут же отступили. – Драконья Погибель немного помолчал. – А, был еще один, чуть раньше – в таверне, где я живу. Я врезал ему бутылкой по башке, потому что он лапал мою шлюху и не собирался прекращать.

Арчет тряхнула головой.

– Прошу прощения? Ты врезал ему бутылкой, потому что он – что?

– Ну да, так я и узнал, что началась вся эта хрень. Они заявили туда, начали хозяйничать. Те двое, с которыми он пришел, скорее всего, просто ушли бы, но...

– Подожди, подожди! – Она вскинула руки ладонями кверху. – Остановись. Эг, давай на секундочку предположим, что я ни хера не знаю о том, что происходит, и ты мне сейчас расскажешь, с какого хера тут приключилось то, что приключилось. По порядку. Что все это значит? Как же мы докатились до такого?

«Как же мы докатились до такого?»

Это был бы разумный вопрос для любого члена экспедиции.

Пять месяцев назад, когда новенькая флотилия плыла вниз по реке через Ихельтет к морю, вокруг царило яркое весеннее солнце и всеобщее ликование. Попутный ветер и великая миссия, императорское благословение – и к тому же весь город вышел их проводить. Хитроумный Джирал, желая угодить толпам, сделал день их отбытия праздничным, и берега реки по обе стороны кишели людьми. На каждом корабле в гавани развевались небесно-голубые с серебром вымпелы, на удачу. Даже в Цитадели – по крайней мере, среди ее более склонных к сотрудничеству Учителей – было решено вознести молитвы за успех экспедиции и благополучное возвращение домой. Благовонный дым струился над жаровнями для жертвоприношений, расставленными вдоль реки, змеился над водой, смешиваясь с перекрещивающимися узорами тысяч фейерверков.

«Как-то шумновато для секретной миссии», – признал Рингил, когда они покинули устье реки, окруженные со всех сторон скопищем корабликов, откуда махали на прощание и выкрикивали пожелания счастливого пути. Но было видно, что даже ему это доставляет удовольствие.

«Это потому, что мы отправляемся совершать научное открытие, сынок», – с ухмылкой ответил ему Махмаль Шанта.

Ветер хлестал по развернутому полотнищу над головой, солнечные блики плясали на пенящейся воде у носа, и Арчет, которая уже начала скучать по Ишгрим, невольно улыбнулась.

Теперь два из трех судов, потрепанные штормами и пропитавшиеся влагой, уныло ютились в гавани Орнли, словно побитые псы в углу кухни. «Гибель дракона» была где-то у побережья, гонялась за очередной бессмысленной зацепкой, и было трудно избавиться от ощущения, что дождь никогда не прекратится.

«И поскольку других врагов нет, мы рвем на части друг друга».

Она с усталым терпением выслушала рассказ Эгара: ссора из-за шлюх, пари Танда и Шенданака, драка с Шенданаком на улице, стычка с его разъяренными родственниками подле избитого тела, прибытие Танда и его людей...

– Да они не были нужны совсем. – Драконья Погибель шмыгнул носом. – Но, конечно, с ними все завершилось гораздо быстрее.

Ничего удивительного – наемники Танда были хладнокровной, жутковатой компанией, с парой сотен лет опыта по части насилия на всех и соответствующей коллекцией шрамов. Нужно было обладать недюжинной самоуверенностью или зайти очень далеко, чтобы связаться с ними. Родственники Шенданака были достаточно круты в своей грубоватой степной манере, а еще в основном были моложе и превосходили наемников числом. Но в конечном итоге методичная боевая подготовка всегда говорила сама за себя. Эту непреложную истину все они узнали на войне.

– Где Танд? – спросила Арчет.

Эгар пожал плечами.

– Приказал своим вызвать Ракана, а сам съехался куда-то. Наверное, вернулся в гостиницу. Ты же знаешь, как сильно он ненавидит дождь.

– Точно. Пойду-ка я поговорю с ним.

– Я с тобой.

– Вот уж нет. – Арчет ткнула большим пальцем в сторону двери и мужчин, которые собрались на лестнице за ней. – Говоришь, что справишься с отрядом Шенданака? Тогда сиди тут с Раканом, на случай если именно это нам от тебя и понадобится. Позволь мне самой позаботиться о Танде.

Это была показушная храбрость, которой на самом деле она не ощущала. Криновое возбуждение достигло пика на борту «Дочери орлана» и теперь начинало убывать. На самом деле, Арчет ощущала только усталость. Но по пути к гостинице Танда она покрыла это ощущение лаком притворства, создав тонкий панцирь, вынудив себя ступать увереннее, напомнив себе, что она – посланница императора в этой экспедиции, живое воплощение власти Блистающего Трона.

«А еще – бессмертная чернокожая ведьма, которой служит темная магия из жил Земли. Давай не будем об этом забывать, Арчиди».

Она нашла Менита Танда сидящим за столиком в углу пустого общего зала таверны в окружении двух наемников и раскладывающим колоду карт в каком-то неизвестном ей варианте пасьянса. Если он и беспокоился о последних событиях, то виду не подавал. В предвечернем сумраке для него зажгли лампы, и в свете, который они отбрасывали, черты его худощавого лица выражали скуку. Она заметила, что он недавно побрился; его нарочито некрашенные седые волосы были зачесаны назад и с двух сторон скреплены желтовато-белыми заколками – вырезанными, по слухам, из костей раба-беглеца. Когда Арчет вошла в таверну, он встретился с нею взглядом и кивнул, а потом откинулся на спинку стула и что-то сказал одному из своих людей. Она приблизилась, и наемник шагнул вперед, отчего ее пульс на мгновение участился. Однако он лишь неуклюже поклонился и отодвинул для нее стул напротив своего хозяина.

– Приветствую, моя госпожа. – Магнат-работорговец положил на стол новую карту и окинул расклад хмурым взглядом, прежде чем посмотреть на нее. – Не угодно ли сесть?

Арчет проигнорировала оскорбление. Положила руки на спинку стула.

– До меня дошли слухи, что у вас с Кларном Шенданаком какое-то пари.

– Да. – Танд опять задумчиво уставился на карты. – И что с того?

– Ты совсем на хрен сбрендил, Танд?

Работорговец перевернул карту не поднимая глаз.

– Не совсем, госпожа моя. А что такое, в чем проблема?

– Ты действительно думаешь, что воевать с местными из-за пари – это разумно? Думаешь, мы можем себе позволить такое прямо сейчас? – Быстрый, темный пульс ярости кринзанца. –

Я с тобой разговариваю, Танд! *Ты башкой, блядь, ударился, когда вывалился из утробы своей мамы-шлюхи, перебравшей крина?*

Наемник, отодвинувший ей стул, напрягся и положил ладонь на рукоять меча. Арчет одарила его своим лучшим взглядом «смертоносной черной ведьмы» и с удовольствием увидела, как рука опять скользнула в сторону. А Танд тем временем...

Работорговец театрально замер, разыгрывая карту. На миг оцепенел, и было трудно понять, удалось ли ей его достать, или это было только для вида, впрочем... да, вот оно. Жилка пульсировала на виске. Арчет внутренне повеселела, заметив это. Потом Танд закончил игру, отложил в сторону тонкую стопку карт и откинулся на спинку стула.

– Моя мать была дворянкой родом из Балдарана, госпожа. – Он устремил на нее взгляд бледных холодных глаз, и на мгновение Арчет почувствовала, какая скованная ярость в них кроется, насколько опасен этот человек. Но голос магната-работорговца по-прежнему был бесстрастным и ровным. – А что касается кринзанца, думаю, за всю свою жизнь она употребила меньше, чем циркулирует прямо сейчас по венам полукровки, которая стоит передо мной. Итак. Может быть, хватит дешевых оскорблений, и мы начнем вести себя как подобает нашему положению?

Она оперлась о спинку стула.

– Я только за, Танд. Давай начнем с отказа от оккупационной тактики. Ты был в Ланатрее, подписал соглашение, как и все прочие. Мы дипломатические гости Трелейнской Лиги, на этом основании нам разрешили посетить Хиронские острова. Давай будем вести себя соответственно.

– Они признали нас своими гостями, потому что у них не было другого выхода. Мир хрупок, госпожа моя. Вряд ли Лига могла отказать нам в проходе, рискуя вызвать недовольство императора.

– Мне кажется, ты переоцениваешь имперское влияние. От дома нас отделяют в лучшем случае три тысячи миль пути.

Танд пренебрежительно махнул рукой.

– Но ведь мы в тысяче миль от Трелейна. К тому времени, как известие о том, что мы здесь делаем, достигнет всех, кто нам важен, мы будем уже далеко. Это на тот случай, если кому-то вообще есть дело до происходящего, что – если судить по моим сведениям о делах Трелейнской Канцелярии – вряд ли соответствует истине.

Возможно, он был прав. Рингил рассказал ей, насколько слабо Хиронские острова связаны с делами Лиги. Кое-кто из сановников, с которыми они встречались в Ланатрее, даже не знали, где именно находятся острова – как далеко на север или на запад нужно плыть, чтобы добраться до них. А Танд, будучи главным игроком на невольничьих рынках, за последние несколько лет провел достаточно времени в разъездах между Лигой и Империей, чтобы обо всем знать наверняка. И все же...

– Мир хрупок с обеих сторон, Танд. То, что ты здесь устроил, может оказаться искрой, от которой все вспыхнет. Злоупотребляя своим авторитетом вот так, под прикрытием имперской экспедиции, ты создаешь идеальный предлог для войны.

– Откровенно говоря, сомневаюсь. Но в любом случае то, что мы делали до сих пор, куда лучше поддается контролю и создает меньше разрушений, чем то, что наверняка случится, если еще какое-то время продержат наших людей без возможности выпустить пар. Вы притащили нас на край света, госпожа моя, и бросили тут без дела. Не лучший способ обходиться с профессиональными бойцами.

– Значит, ты не веришь, что эти допросы позволят что-то узнать? Все это притворство, просто чтобы держать мужчин в форме?

Работорговец кивнул с мудрым видом.

– Лучше не говорите об этом Кларну Шенданаку, но – да, более или менее.

– Сомневаюсь, что в ближайшем будущем я хоть что-то расскажу Шенданаку. Драконья Погибель отправил его в кому.

– В самом деле? – В голосе Танда прозвучало восхищение.

– Ты не знал? Ты же там был, разве нет?

– Да, мне показалось, что старая бочка с потрохами выглядела довольно потрепанной, когда мы прибыли. Но вы же знаете, какие эти маджаки – у себя в степи начинают дубасить друг друга, едва покинув материнскую утробу. Порода такая, с крепкими черепами.

– Ну, похоже, у Шенданака он не очень-то крепкий.

– М-да. – Впервые с тех пор, как она вошла, Танд по-настоящему призадумался. – Это и впрямь кое-что меняет. Нам надо...

Дверь таверны с грохотом распахнулась. Дерганая от убывания крина, Арчет подпрыгнула от этого звука.

– Сир! – Это был один из людей Танда, он стоял на пороге и торжествующе улыбался. – Сир, у нас получилось!

Он вошел в зал, из уважения сняв походную фуражку, и его бритая голова в тусклом свете заблестела от пота. Судя по тяжелому и сбивчивому дыханию, он бежал. Ему потребовалось мгновение, чтобы перевести дух.

– У нас получилось! – повторил он.

– Я в этом не сомневаюсь, Налмур, – терпеливо ответил Танд. – Но, возможно, ты мог бы объяснить госпоже Арчет и мне, что именно у вас получилось?

Налмур бросил взгляд на Арчет, явно впервые заметив ее в полумраке зала. Выражение его лица сделалось чуть более настороженным, но оно по-прежнему светилось ликованием.

– Тысяча элементарей, мой господин. Пари. Мы знаем, что случилось с Иллракским Подменышем!

Глава четвертая

Рингил почувствовал перемену, как только переступил порог фермерского дома.казалось, на затылок ему брызнуло ледяной водой.

Он слегка наклонил голову, чтобы отогнать это чувство, и начертил в воздухе охранительный глиф, как будто снял книгу с библиотечной полки. Вокруг него стены снова выросли до высоты, каковой, вероятно, не знали десятилетиями. Беспокойное серое небо потемнело, сменившись крышей, от которой пахло влажной соломой. Тусклое красноватое свечение потянулось из очага. Торфяной дым обжигал горло. Он услышал медленный скрип дерева.

Потертое дубовое кресло-качалка стояло у очага, слегка покачиваясь взад-вперед. С того места, где он стоял, Рингил не мог разглядеть, что там сидело, – только то, что оно было завернуто в темный плащ с капюшоном.

Выбранный им глиф догорал вокруг, словно крестьянская хижина, в которую бросили факел. От внезапной незащитности по телу пробежала дрожь. Рингил потянулся к чему-то более сильному и, хрустнув костяшками, выгравировал новый знак в воздухе.

– Ну да... ты теперь знаток, верно? – Голос был таким же скрипучим, как и кресло. Он хрипел и скрежетал то ли от старости, то ли от одышки после чересчур бурного хохота над чем-нибудь. – Ты теперь прям настоящий мастер *икинри'ска*.

Новый глиф Рингила разлетелся на части, проявив себя не лучше первого, и ледяной холод *присутствия* нахлынул на него. Кресло-качалка резко развернулось, хотя не было видно, какая сила его двигала. В кресле лежал труп.

Сморщенные холмики под плащом ни с чем нельзя было перепутать, как и то, как неловко он перекосялся, словно в кресло-качалку его принесло ветром. Надвинутый на лицо капюшон напоминал морду огромного темного червя. Одна рука цвета бледной кости сжимала подлокотник, и на усохшей плоти выделялись длинные изогнутые ногти. Другая затерялась в складках плаща и, похоже, что-то держала.

Собственная рука Рингила взметнулась к рукояти Друга Воронов над левым плечом.

– О, умоляю, – проскрипел голос. – Убери это, будь добр. Если я могу ломать твои охранительные глифы, как щепочки для растопки, то насколько, по-твоему, мне будет трудно сломать этот потертый маленький меч? Знаешь, для начинающего колдуна ты проявляешь поразительную ограниченность реакций.

Рингил отпустил Друга Воронов и почувствовал, как эфес выскользнул из руки, когда кириатские ножны снова втянули часть лезвия, которую он успел обнажить. Он обратил взгляд на скособоченное тело под плащом и подавил вновь подступившую дрожь.

– С кем имею честь?

– М-да. Он все еще меня не узнал.

Внезапно труп поднялся на ноги, встал из кресла, как марионетка, которую дернули за ниточки. Рингил оказался лицом к лицу с капюшоном, напоминающим голову червя, и непроходимой тьмой, которую тот обрамлял. Он заставил себя удерживать взгляд, но, даже если там и было лицо, мертвое или живое, разглядеть его не удалось. Шепчущий голос, казалось, доносился сразу отовсюду – с карниза соломенной крыши – сквозь потрескивание в очаге – из пустоты прямо за его ухом.

– Ты не узнал меня у Восточных ворот Трелейна, когда твоя судьба была впервые изложена в понятных тебе выражениях. Ты не узнал меня у реки, когда к тебе пришел первый из Хладных и начался твой путь к Темным вратам. И я послала за тобой целый *корабль* трупов, когда ты наконец был готов вернуться. Так скажи мне, Рингил Эскиат – сколько раз я должна смотреть на тебя глазами мертвых, прежде чем ты воздашь мне должные почести?

Осознание пало на него, как будто обрушившаяся соломенная крыша. Плащ и капюшон, стилизованное размещение рук: одна на подлокотнике, а другая – на коленях, сжимает...

– Фирфирдар?!

– О, молодец. – Труп повернулся и зашаркал прочь, к очагу. – Много же времени на это ушло, да? Кто бы мог подумать, что узнать Королеву Темного Двора, когда она приходит в гости, так трудно. Мы же боги ваших предков, разве нет?

– Не по моей воле, – резко ответил он.

Но все равно в голове зазвучала молитва, содержащая зов и отклик, обращенная к Владычице Игральных Костей и Смерти:

Фирфирдар сидит
На троне железном, оплавленном.
Но не вредит ей
Пламя.

Ядро сердца тьмы в огне полыхающем.

Эти слова въелись в него за десять лет утомительных посещений семейного храма Эски-атов: каждую неделю, как по часам, пока он наконец-то не нашелся, что сказать отцу, и не отказался от этого спектакля.

Но к тому моменту ритуальные фразы въелись в память, как навоз в дубленую кожу.

Фирфирдар улыбается
В тени, озаренной огнем жидким,
И держит кости
Дней.

Держит кости для всех и всего, чему суждено быть.

Фирфирдар поднимает
Кости дней в длани холодной
И легко бросает
В пламя.

Призывает удачу, словно искры из кузницы судеб.

– Ну да, разумеется. – Труп неуклюже наклонился к теням рядом с очагом, и бледная рука с длинными ногтями потянулась к кочерге, прислоненной к каменной стене. Фирфирдар пошуровала в пламени, и полено сдвинулось, угли посыпались каскадом. – К счастью, мы не все зависим от, хе-хе, твоего выбора в таких вопросах.

– Тогда почему я здесь?

– А-а. – Кочерга еще пару раз ткнулась в пламя. Искры взметнулись в дымоход. Голос шуршал в освещенных мерцающими огнями закоулках фермерского дома. – Ты проходил мимо. Я подумала – отчего бы нам не поболтать.

– Знаешь, для богини смерти и судьбы ты проявляешь удивительно мало божественного величия.

Труп склонился к очагу, прижавшись капюшоном к низкой каминной полке, словно устав от усилий. Эхо слов Рингила, казалось, повисло в воздухе. На протяжении долгой паузы, обливаясь холодным потом, он задавался вопросом, оскорбится ли Темная Королева.

Он размял пальцы и сжал кулак...

«Слушай, Гил, я не буду тебе врать. Ни один охранный знак икинри'ска не остановит члена Темного Двора. – Хыл Обездоленный выглядит почти виноватым, отвечая на вопрос Рингила. Это ведь, как ни крути, его магия – он обучает своему наследию. – Но если будешь швыряться ими без остановки, ну... – Слабое пожатие плечами. – Думаю, сумеешь выиграть немного времени».

«Времени для чего?»

Но на это он не получает никакого ответа, не считая обычной небрежной улыбки князя-бродяги. Хыла не назовешь последовательным учителем.

Что он собой представляет, Рингил еще не решил.

...а потом...

Он разжал пальцы, расслабил кисть. Надо дожидаться ответа Темной Королевы.

– Юмор. – Труп не пошевелился, остался склоненным над очагом. Фирфирдар как будто разговаривала с огнем. – Да. Они так и сказали. Что ты считаешь, будто наделен *чувством юмора*.

Густая тишина воцарилась в доме, когда отзвучали последние слова, сказанные резким тоном. Волоски на руках и затылке Рингила встали дыбом. Он подавил дрожь и уставился на сутулую фигуру в черном. *Икинри'ска* кружилась, как вода, вблизи от кончиков его пальцев...

Труп выпрямился. Отложил кочергу в тень у стены.

– Мы теряем время, – прошипела Фирфирдар. – Я тебе не враг. Будь оно так, ты бы уже там не стоял.

– Возможно. – Рингил не сбросил маску, но по его венам пробежала прохладная волна облегчения. Он позволил *икинри'ска* отхлынуть. – Но, пожалуйста, не вздумай твердить, что Темный Двор принимает мои интересы близко к сердцу. Я прочитал слишком много героических легенд, чтобы в это поверить.

– Легенды записывают смертные, запутавшись в деталях собственного мира, разыскивая смысл своих поступков, коего обычно нет. – Труп заковылял обратно к своему креслу у очага. – Тебе не следует придавать слишком большое значение подобным рассказам.

– Выходит, моя госпожа, неверно говорить, что героям на службе у богов редко светит счастливый конец?

– Людям, которые носят на спине сталь и зарабатывают ею на жизнь, он достается редко. Было бы немного несправедливо винить в этом богов, тебе не кажется?

Рингил поморщился.

– Владычица Игральных Костей и Смерти жалуется мне на несправедливость? Вы разве не заметили, госпожа моя? Несправедливость в моде – последние несколько тысяч лет, по моим прикидкам, и до этого, скорее всего, тоже. Я думаю, маловероятно, что Темный Двор не приложил к этому руку.

– Ну, наше внимание, как известно, блуждает. – Было трудно распознать истинный тон этого шепчущего, шелестящего голоса, но, похоже, Темная Королева была позабавлена. – Однако сейчас речь о тебе, и это главное. Радуйся, Рингил Эскиат, – мы здесь, чтобы помочь.

– В самом деле? Госпожа Квелгриш дала мне понять, что дела смертных – игра, которой вы увлечены. Трудно радоваться тому, что тебя считают фигуркой на доске.

Тишина. Труп опять удобно устроился в объятиях кресла-качалки. Ногти его левой руки барабанили по деревянному подлокотнику, и звук напоминал перестук игральных костей в ладони.

– Квелгриш, она... прямолинейна по меркам Двора.

– То есть ей не следовало говорить мне об этом?

Огонь в камине тихонько потрескивал. Гил с беспокойством подумал, что тени, пляшущие на стене позади Фирфирдар, какие-то слишком уж высокие и бойкие, чтобы соответствовать скромному пламени в очаге, которое, предположительно, их породило. Да и очертания у

них были слишком... отчетливые, чересчур напоминающие поднятые вверх морды с оскаленными челюстями, словно какая-то невидимая, неслышимая свора псов бесновалась и буйствовала там, во мраке за креслом Темной Королевы, только и дожидаясь, когда ее выпустят...

Очень медленно труп поднял обе руки к краю капюшона. Сдвинул темную ткань назад и вверх, прочь от лица, которое она скрывала.

У Рингила перехватило дыхание.

Усилием воли он заставил себя снова посмотреть на Фирфирдар.

Не то чтобы труп, который она избрала своим вместилищем, был омерзительным от разложения – отнюдь нет. Если не считать предательской бледности и запавших глаз, это лицо вполне могло принадлежать живому человеку.

Но оно было прекрасным.

Это было лицо какого-то чахоточного юноши с тонкими чертами, которого можно было с готовностью поцеловать, пусть и рискуя заразиться. Лицо, от которого можно было потерять голову в каком-нибудь переулке, беспокойной ночью, а потом проснуться утром, утратив его, и месяцами безрезультатно выискивать его в бурлящем котле улиц. Лицо, которое притягивало и манило, делая тщетными все мысли о безопасности и доводы рассудка. Лицо, к которому устремиться с радостью, когда придет твой час, – без сожалений, ничего не оставив позади, кроме слабой, угасающей улыбки, отпечатавшейся на остывающих губах.

– Ты видишь меня, Рингил Эскиат? – спросил шипящий, шепчущий голос.

Как будто фландрейновый дым ударил ему в голову, как будто он споткнулся о ступеньку, что появилась невесть откуда. Он пошатнулся под натиском божественной силы, а губы трупа не шевельнулись, и голос, казалось, исходит отовсюду одновременно.

– Теперь ты меня видишь?

Разум Рингила погрузился в бурлящую пучину пугающего смятения, но он все-таки собрал волю в кулак и удержался на ногах. Вдохнул с трудом.

– Да... я вижу тебя.

– Тогда давай пойдем друг друга. Быть божеством нелегко, но некоторым из нас это удастся лучше, чем другим. У Квелгриш есть ее хитроумные игры и ирония, у Даковаша – неизменная ярость и разочарование в смертных, а Хойрану просто нравится наблюдать. Но я иная. Было бы неблагоразумно с твоей стороны судить обо мне, как если бы я была такой же. Понятно?

Рингил сглотнул – в горле пересохло. Кивнул.

– Это хорошо. – Труп снова поднял бледные руки и надел капюшон. В пространстве вокруг них что-то изменилось, как будто кто-то открыл окно, чтобы впустить свежий воздух. – Итак, к делу. Пройдемся, Рингил Эскиат. Убеди меня, что мои собратья-боги не были слишком оптимистичны в оценке твоей важности.

– Но где же мы...

Огонь в камине взметнулся вверх, ослепив его на месте. Беззвучный взрыв оглушает его зрение. Стены фермерского дома и соломенная крыша умчались прочь, не более прочные, чем маджакская юрта, которую снесло ураганом. Кажется, он мельком увидел, как они улетают, и от этого стало больно глазам. Исчезло, все исчезло. Он моргнул – он трясет головой – он внезапно оказывается перед ревушим костром, на пустынном пляже, под небом, озаренным жутковатым свечением.

– Вот здесь, – тихо говорит Фирфирдар.

Она опять без капюшона, и у нее все то же до боли красивое лицо умирающего юноши, но здесь, кажется, у него нет той силы, что была в фермерском домике. Или, может быть, все дело в Рингиле – может, здесь у него есть сила, которой реальный мир ему не позволяет. Так или иначе, он не чувствует угрозы, похожей на удар в живот, никто не пытается сломить его

волю и чувство собственного «я». Зато, думает он, Владычица Игральных Костей и Смерти выглядит ужасно опечаленной непонятно чем и, быть может, немного потерянной.

– *У нас мало времени, – бормочет она. – Двенды нашли путь назад – хотя назад – понятие относительное, как они скоро обнаружат, – и с ними придет вся тьма, которой люди когда-либо боялись.*

Рингил дрожит. С моря дует сильный ветер, распаяя костер, заставляя языки огня плясать высоко и унося тепло прочь.

– *Так почему бы вам их не остановить?*

Легкая улыбка касается уголков рта Фирфирдар, но в ней кроется та же печаль. Она поднимает глаза к небу.

– *Это уже пробовали, – тихо говорит она. – Было дело. И на твоём небе до сих пор видны ирамы.*

Он следит за ее взглядом. Источник зловещего сияния выскальзывает из-за облаков – умирающее рябое маленькое солнце, которое двенды называют «лунна». Он пожимает плечами.

– *Попробуйте еще раз.*

– *Это теперь запрещено. Даже если бы мы сумели отыскать какой-нибудь способ надавить на небо так же сильно и основательно, как в прошлый раз, подобные силы должны оставаться на привязи. Таков был договор, этим мы заплатили Стерегицим Книгу за исправление содеянного. Мы скованы сводом правил, которые они написали.*

Рингил вглядывается в оранжево-красное сердце костра, словно хочет извлечь из него немного тепла и приберечь для себя.

– *Вот тебе и боги. Может, мне лучше поговорить с одним из этих Стерегицих?*

– *Ты уже это сделал. Как бы ты вернулся, пройдя сквозь Темные врата, если бы не благословение этого существа? Как бы ты пришел обратно, побывав на перекрестке?*

На последнем слове его пронзают воспоминания. Тварь на перекрестке и книга, которую она держала в своих многочисленных руках. Острые как бритва когти, которыми она его коснулась.

– *«Мне так не хочется рвать тебя на части. Ты подаешь большие надежды».*

Ветви, похороненные в сердце пламени, внезапно становятся похожими на кости в погребальном костре. Он отворачивается. Смотрит вдаль, вдоль берега, где ветер рождает волны и неустанно швыряет их на песок. Сквозь звук, которым сопровождается это действие, он постепенно осознает, что Фирфирдар наблюдает за ним.

– *Это был Стерегиций Книгу? – с неохотой спрашивает Рингил.*

– *Кое-кто из них, да.*

Он снова подавляет дрожь. Сжимает зубы.

– *У меня сложилось впечатление, что прохождением через эти ваши Темные врата я обязан Квелгрии и Даковашу.*

– *В некотором роде, да, так и есть. Но... иди-ка со мной. – Фирфирдар взмахивает рукой, указывая прочь от озаренного призрачным светом пляжа в сумерки. – Пройдемся. Давай все обговорим. Все станет ясно.*

– *Да? – Рингил строит гримасу. – Вот это будет новость.*

Но все равно он идет с ней, прочь от бесполезного костра, который, очевидно, не может его согреть. Позволяет ей взять себя под руку – чувствуя сквозь свою и ее одежду, какой холод исходит от тела богини, – и она уводит его прочь, в призрачном свете двендской лунны.

Оглянувшись, он замечает, что ее ноги не оставляют никаких следов на песке.

Через некоторое время и его следы исчезают.

Глава пятая

Когда доктор закончил с Шенданаком, Эгар вышел на лестницу и вызвал нескольких родственников в качестве свидетелей. Выбрал две знакомые физиономии – с этими ребятами они пили грог и ворчали во время долгого путешествия на север. Оба покинули степи несколько лет назад, оба выжили в Ихельтете в качестве наемных головорезов или что-то в этом духе, прежде чем стали работать на Шенданака. В результате они поднабрались городских привычек и должны были понять ситуацию, а не отнестись к ней с позиции тупорылой племенной преданности, какая у них могла еще оставаться.

Ну, он на это надеялся.

Он подвел их к кровати Шенданака и дал взглянуть на него, а потом беспечным тоном сказал:

– Видите? Умытый и спит себе как младенец.

– Да? – Дурхан, младший из двоих, бросил сердитый взгляд туда, где Салбак Барла упаковывал свою докторскую сумку. – И когда же он проснется?

Эгар бросил на Барлу предупреждающий взгляд.

– Сон – великий целитель, – мягко сказал доктор. – Если уподобить сознание всаднику, а тело – коню, то он вынуждает первого спешиться, дабы второе смогло набраться сил и оправиться от полученных ран. Мудрый всадник не спешит оседлать коня, с которым плохо обращались.

Дурхана это не успокоило.

– Не смей, мать твою, говорить со мной о лошадях, мутила городской. Я спросил, когда он очнется.

– Через пару дней, – быстро симпровизировал Эгар. – Правильно, док?

Барла кивнул.

– Да, я это и собирался сказать. Учитывая характер его ран, нескольких дней должно хватить.

Спутник Дурхана, туповатый ишлинак по имени Гарт, медленно кивнул и устремил на Эгара задумчивый взгляд.

– Уверен, Драконья Погибель? – пророкотал он. – Пару дней? Ты об этом хочешь всех оповестить?

Эгар напустил на себя беззаботный вид.

– Ты же слышал лепилу.

– Ага. Но мне бы не хотелось быть на твоём месте или на месте твоего дружка-лепилы через три дня, если Кларн все еще не придет в себя. Случись оно так, братья цацкаться не будут.

– Это точно, – поддакнул Дурхан. – Братья захотят крови.

Эгар свирепо ухмыльнулся: на этот раз не нужно было притворяться.

– Если кто захочет крови, это можно устроить. Просто скажи им, чтобы пришли в гости к Драконьей Погибели.

На лице Салбака Барлы отразилась тревога, но оба маджака только хмыкнули – дескать, все понятно. Все вышло по обычаям степи, ну, почти. Он их убедил.

– Пару дней, значит, – сказал Гарт.

– Ага. – Дурхан кивнул доктору. – Заботься о нем, лепила, понял меня? Ради собственного блага.

– Ну ладно, хорошо. – Эгар начал выпроваживать их из спальни. – А теперь сделайте так, чтобы все убрались с лестницы и занялись своими делами. Я хочу, чтобы вы устроили почетное бдение у постели больного – не больше пяти человек, и чтоб без глупостей. Сами их

выбирайте. И хватит трясти местных, пока суть да дело. Нам такая хрень нужна не больше, чем пони надобны коньки.

Дурхан заартачился.

– Но люди Танда...

– Госпожа Арчет отправилась договариваться с Тандом. Это ее часть работы, а у нас – своя. Разберитесь с братьями, как я велю, а об остальном поговорим позже.

Он подвел их к двери, выгнал в коридор и кивнул гвардейцам, чтобы снова встали на страже. Сквозь деревянные панели двери раздался голос Гарта, который пытался перекрыть нарастающий шквал вопросов на маджакском. Эгар закрыл глаза, позволив себе краткую передышку.

«Ну вот, снова-здорово».

Там, в Ихельтете, он поклялся, что больше не будет отдавать приказы другим людям. Он не хотел ни звания, ни ответственности. Он увязался за экспедицией в силу целого клубка причин, которые теперь с трудом мог отделить друг от друга, но жажда командования в их число не входила. Входили благодарность Рингилу, какое-то смутное чувство долга перед Арчет – он ведь, как ни крути, стал теперь ее телохранителем, – и здравый смысл, требовавший убраться из города после столкновения с кланом Ашант. И он знал, что за всем этим кроется сильнейшая ностальгия по товариществу военных лет. Их путешествие и впрямь напоминало войну, по меньшей мере в подготовительной части. Но хоть на этом пути действительно могли случиться какие-то сражения – пираты, непокорные местные жители и, в конце концов, приспешники этого древнего военачальника, который то ли подох, то ли нет и которого они никак не могли разыскать, – все же Эгар надеялся, что сможет занять свое место в строю, не беспокоясь о том, что другие люди думают, чего боятся или в чем нуждаются.

«М-да, размечтался».

Вернувшись в спальню, он увидел, что Барла застегивает его сумку и его явно тошнит. Драконья Погибель изобразил легкую улыбку.

– Не волнуйтесь, док. Я вас провожу.

– Это, э-э, – Барла сглотнул, – действительно необходимо?

– Наверное, нет, – солгал Эгар. – Но лучше не рисковать, они сейчас такие вспыльчивые.

Также лучше не упоминать о том, что для большинства подручных Шенданака – тех, кто покинул степи меньше двух лет назад, – доктор был просто шаманом, не способным призвать на помощь Небожителей. А тот, кто утратил благосклонность богов и не мог творить магические ништяки, мог оказаться в канаве с перерезанным горлом – Эгар не раз видел, как это происходило со странствующими врачами с юга в Ишлин-ичане.

– Да, ну, хм. – Барла положил обе руки на закрытую сумку и уставился на нее, словно обдумывая возможность быстрой смены профессии. – Спасибо. Но не могли бы капитан Ракан и его люди?..

– Лучше, если это буду я. – Эгар начал ощущать собственную улыбку на лице, как будто перемазался в варенье. – Пойдем, я провожу вас на борт «Гордости». Шанте, наверное, не помешает один из тех вонючих травяных настоев, которые вы готовите, и только вам под силу его напоить.

В другой комнате он изложил свой план Ракану, и тот кивнул, не сказав ни слова. Для своего возраста он был довольно проницательным парнем и понял, что к чему. Но когда гвардейцы подошли к двери, он поманил Эгара в сторону на пару секунд, и Драконья Погибель увидел, как сквозь маску солдатского спокойствия проглядывает его юность.

– Как думаешь, когда вернется господин Рингил? – тихо спросил Ракан.

Эгар покачал головой.

– Я знаю не больше вашего, капитан. Говорили, на лодке – день туда, день обратно. Значит, два, плюс день на рытье и отдых...

– Прошло уже четыре дня. А если что-то случилось?

– Ну, конечно, разыскать надгробие не так уж просто. И погода могла испортиться...

– Нет. – Голос Ракана стал жестче, ниже. – Я не об этом. Что, если на этот раз он действительно нашел Иллракского Подменыша?

У открытой двери откашлялся Салбак Барла. Эгар бросил взгляд в ту сторону и увидел, что люди Ракана ловят каждое слово капитана. Он заговорил громко и отрывисто:

– Если это случилось, капитан, Подменыша стоит пожалеть. Потому что Гил принесет нам его голову на пике и яйца, обернутые вокруг древка.

Это вызвало слабые улыбки среди мужчин, и Драконья Погибель записал победу на свой счет. Он взмахнул пальцем, салютуя Ракану, и вывел Барлу за дверь.

К его облегчению, и в коридоре, и на лестнице было пусто. Дурхан и Гарт, похоже, в точности выполнили инструкции. Внизу, в главном баре таверны, за столом сидели четыре маджака, жгли благословенную свечу и вяло играли в кости. Не считая обслуги и пары местных, они были единственными посетителями. Когда доктор и Драконья Погибель спустились вниз, они притихли, но опустили глаза с должным уважением. Эгар задержался у стола, изобразил почтительный поклон свече и кивнул человеку, которого принял за старшего. Затем провел Салбака Барлу мимо, собственнически положив руку на плечо доктора, чтобы все это увидели.

Он чувствовал на себе их взгляды всю дорогу до дверей таверны.

На улице все еще шел дождь, и дневной свет почти погас. Сырой серый мрак нависал надо всем. В Орнли не было уличного освещения, даже здесь, на улице Лиги, одной из главных в городе. Существовал местный указ, предписывающий жителям жечь свечи в окнах в часы темноты, но подобный мрак, очевидно, не считался темнотой, так что свечей пока не было. Эгар и доктор осторожно пробирались по скользким от дождя булыжникам, которые едва различали, и вскоре улица начала спускаться к гавани.

– Что ты будешь делать, если Шенданак не проснется через три дня? – спросил его Барла, когда они преодолели крутой поворот и скрылись из виду таверны.

– Я что-нибудь придумаю.

– Очень обнадеживает.

Эгар пожал плечами:

– Взгляните на это по-другому. Может быть, он послезавтра будет как огурчик. Я не так сильно ударил его по башке.

– Нет, но ты сделал это несколько раз. Что делает куда более вероятным...

Звуки, исходившие из горла Барлы, куда-то исчезли, как моча исчезает на песке. Наступила тишина. Эгар с любопытством взглянул на него.

Увидел, куда смотрит доктор, и проследил за его взглядом – вниз по улице Лиги до следующего поворота, над низкими крышами домов к водам гавани.

И к здоровенному поджарому боевому кораблю Лиги, который стоял там на якоре.

Остаток пути вниз по склону он преодолел бегом, оставив Барлу пыхтеть позади. Поскользнулся на лоснящихся булыжниках, удержался – словно не по мостовой бежал, а в атаку, на поле боя. Обогнул последний поворот улицы Лиги, за которым она расширялась, встречаясь с пристанью, достиг образованного ею широкого мощеного холма и собственно набережной. Плавно перешел на медленный бег и остановился у края пристани, рассматривая незваного гостя.

Драконья Погибель пытался просчитать, насколько это плохая новость.

Корабль Лиги был немного меньше «Гордости Ихельтета», но, невзирая на это, доминировал в гавани. Его массивный корпус затмевал несколько местных рыбацких лодок, привязанных вдоль южного причала, его обводы посрамляли крепкое торговое обличье «Гордости» и «Дочери орлана», и каким-то образом создавалось впечатление, что он... отодвинул пришвар-

тованные имперские суда, чтобы расчистить для себя место в центре маленькой бухты. На носу и корме корабля виднелись защищенные платформы для лучников. Громоздкое рыло трубы для метания боевого огня торчало над баком, словно голова огромной спящей змеи.

Он стоял на якоре в точности напротив выхода из гавани.

Флаги влажно хлопали на корме и грот-мачте – Эгар узнал их с первого взгляда, еще на холме; видел множество таких в гавани Ланатрея несколько недель назад, когда экспедиция пополняла запасы провизии и ждала, пока утрясут дипломатические тонкости. Самой верхней была эмблема Лиги, комбинация из одиннадцати звезд и ленты, а под нею – флаг побольше, обозначающий порт приписки. Какая-то ерунда с воротами, рекой, мешками серебра и парой больших канюков; ах да, вспомнил Эгар – это же сам Трелейн и есть. На корме был еще один флаг Лиги, а на обоих дополнительных мачтах развевались темно-красные вымпелы. Он их тоже видел, но не мог вспомнить, где. И что они обозначали, тоже забыл.

Позади послышались шаги – он оглянулся и увидел Барлу, который прихрамывая шел по пустынной пристани, перекладывая сумку из одной руки в другую.

– Святая Мать Откровения... – выдохнул он. – А это что здесь делает?

Эгар покачал головой.

– Хотелось бы верить, что это обычный патруль. Но, судя по тому, что мы слышали в Ланатрее, я не думаю, что здесь беспокоятся о таких вещах. Гил ведь так и сказал – никому в Лиге нет дела до этих островов.

– Очевидно, теперь есть.

– Да.

На главной палубе «Гордости Ихельтета» что-то шевельнулось. Эгар прищурился в сумерках и разглядел Махмалю Шанту, который выбрался из каюты в первый раз за много дней, кутаясь в теплое одеяло и в сопровождении заботливых рабов. Он стоял у правого борта и рассматривал корабль Лиги через подзорную трубу. Эгар увидел, как он повернулся к кому-то из своей свиты и отдал приказ. Слуга поклонился и снова спустился вниз.

– Ладно, пошли.

Эгар пробежал вдоль причала к сходням «Гордости», подождал, пока Барла догонит его, и поднялся на борт. Стражники пропустили их взмахом руки, явно встревоженные. Эгар мрачно подумал, что для людей, предположительно обученных по морским стандартам, такое было не очень-то хорошо.

«Мы слишком расслабились. Это место иссушает нас. Мы не сможем...»

А что они не смогут?

Он присоединился к Шанте у правого борта.

– Драконья Погибель. – Старый морской инженер не убрал подзорную трубу от глаза. От затяжных приступов кашля его голос звучал хрипло. – Я так понимаю, ты видел наших новых друзей?

Эгар хмыкнул.

– Такое трудно не заметить.

– Да уж. И за совпадение трудно принять. Сомнительно, чтобы такая свирепая красота регулярно устаивала гавань Орнли визитом.

– Красота?

– Красота. – Шанта сделал решительное ударение на слове. Потом опустил подзорную трубу и посмотрел на Драконью Погибель. От болезни инженер отошал, но глаза его по-прежнему сияли. – Я не жду, что кто-то из племени конеководов оценит такое по достоинству, но там, у входа в гавань, – изложенная языком древесины поэма, подлинная ода морской скорости и маневренности. Есть причина, по которой Империя всегда проигрывает Лиге в сражениях на воде, и ты глядишь на нее прямо сейчас. Более совершенная конструкция, рожденная постоянным соперничеством между городами-государствами в их борьбе за лидерство.

– Ясно. – Эгар взмахнул рукой. – А вы не знаете, что это за красные знамена?

– Конечно, я...

Шанта не договорил – прервался и сложился пополам в приступе кашля. Кто-то из свиты шагнул вперед, чтобы его поддержать, но инженер яростно отмахнулся. Ухватился за перила одной рукой со старческими шишковатыми суставами, снова выпрямился, со свистом дыша. Рабы суетились, поправляя одеяло на дрожащих плечах Шанты. Прислужник, которого инженер послал вниз, вернулся с дымящейся кружкой чего-то, пахнущего мятой и другими, менее вкусными травами. Инженер сунул подзорную трубу под мышку и обхватил кружку обеими руками. Осторожно отпил. Скривился, но заставил себя проглотить.

– Мой господин, это безумие. – Салбак Барла хорошо знал пациента и не давил на него, но голос доктора звучал настойчиво. – Вам нельзя выходить в такую погоду. Мы должны отвести вас вниз, мы должны вас согреть.

– Да-да, всему свое время. Держи. – Шанта вручил кружку доктору и снова взялся за подзорную трубу. – Увы, но здесь эксперт я, и мой осмотр еще не закончен. Я должен запомнить все детали, доктор, и тем самым избавить себя от новых визитов на палубу.

– Знамена, – напомнил Эгар.

– Да, знамена. – Шанта указал на них подзорной трубой жестом школьного учителя. – Красные, как кровь сердца, раздвоенные, как язык змеи, на фок-мачте и на бизань-мачте. Все согласно морским обычаям Северной Лиги. Это значит, что корабль является флагманом флотилии.

– Какой еще, мать твою, флотилии?!

Шанта подавил еще один, более слабый приступ кашля, ударив себя в грудь кулаком.

– От трех до пяти судов, если мне не изменяет память. Окажись их больше, у знамен не было бы раздвоенных языков. Или была бы золотая отделка. Или и то и другое?..

Внезапно показалось, что дождь немного усилился – и в той же степени мрак за выходом из гавани сделался более грозным. Эгар нахмурился.

– Ну и где остальные?

– В гавани в любом случае почти не осталось места для других судов, – заметил Барла. – Может, они бросили якорь подальше.

Эгар попытался отогнать подкрадывающееся чувство обреченности.

– Давно они там? – спросил он Шанту.

– О, не очень. Дозорный позвал меня сразу же, как только заметил флаг. Мне потребовалось некоторое время, чтобы встать и одеться, а потом я ждал, не заявятся ли они к нам. Когда этого не случилось, поднялся на палубу и пробыл здесь некоторое время. Скажем, полчаса прошло после того, как корабль бросил якорь? Может, чуть больше?

– И никто не собирается высаживаться. – Эгар прищурился от дождя. – Они даже не готовятся спускать лодку.

– Нет.

– Но... чего они ждут? – удивился Барла.

Шанта и Драконья Погибель переглянулись. Шанта кивнул. Эгар почувствовал, как внутренности слиплись в тяжелый ком.

– Мне сказать ему? – прохрипел морской инженер. – Или ты сам?

Доктор заморгал под дождем.

– Что?

– Блокада, – мрачно проговорил Эгар. – Они здесь не для того, чтобы посылать кого-то на берег, а для того, чтобы закупорить гавань. Не дать нам выбраться. А остальная флотилия в это время высаживает десант где-то дальше на побережье, и он пойдет по суше, чтобы отрезать нам путь.

– Но ведь... это же... – Салбак Барла с разинутым ртом глядел то на Эгара, то на Шанту. – Мы должны предупредить капитана Ракана. И морпехов. Мы должны... мы...

– Забудь. – Эгар вцепился в перила и с сокрушительной силой сжал их, чувствуя, как его захлестывает гнев. – Теперь уже слишком поздно.

«Поверить не могу, что мы так сели в лужу».

«А кто мог такое предугадать, Эг? Здесь, в отсыревшей жопе мира? С чего этим уродам вообще беспокоиться?»

– Что значит слишком поздно? – Голос доктора теперь звучал жалобно, словно он был ребенком и дергал Эгара за рукав. Казалось, он доносится издалека.

– Он имеет в виду, – терпеливо объяснил Махмаль Шанта, – что раз они решили показаться в гавани сейчас, то сухопутные войска уже на месте.

Эгар с усилием взял себя в руки. Окинул взглядом город на холме у залива, мелькающие извилистые улочки и переулки между темными каменными домами, дермовую сторожевую башенку в северной части гребня. Все теперь казалось таким суровым и чужим – и в довершение всего с верховьев спускался густой туман. Половина гребаного города уже канула в него.

«Крутые склоны, плохая погода, враждебные силы, приближающиеся со всех сторон. И местное население, которое мы только что успешно взбесили».

– Господа, – сказал он ровным голосом. – Мы в полной заднице.

Глава шестая

Дом, куда ее отвели люди Танда, находился на дальней окраине города – там, где Орнли сменялся разбросанными тут и там одинокими фермами. С возвышенности открывался бы отличный вид до самой бухты, если бы низину не затянули плотные и темные облака.

«По крайней мере, дождя здесь нет».

Танд, похоже, и сам находил в этом утешение. Пока они одолевали два последних поворота улицы, он откинул капюшон плаща и одобрительно кивнул, глядя в небо. Он изо всех сил старался не выглядеть самодовольным.

– Кажется, проясняется, – сказал он.

Арчет постаралась, чтобы голос прозвучал не слишком раздраженно.

– Ты действительно думаешь, что мы можем доверять этому признанию, Танд?

– О, безусловно. Налмур – славный малый, один из моих лучших. Он свое дело знает.

Налмур шел впереди группы. Заслышав свое имя, он оглянулся.

– Клянусь жизнью, госпожа. По меньшей мере еще три осведомителя привели нас к этому парню, назвав его имя, и когда он заговорил... ну... сами знаете, когда человек ломается, это вроде как можно услышать. Как гнилая ветка – хрясь, и все.

Она подавила желание вонзить нож ему в горло.

– Точно. А ты позаботился о том, чтобы этот сломленный малый был в состоянии с нами поговорить?

– Да-да, госпожа. Его даже не пришлось дубасить сверх обычного. – Налмур взмахнул открытой ладонью, поясняя: – Понимаете, он семьянин. Славная женушка, пара крепких молодых сыновей. Есть с чем работать.

На лицах остальных мужчин в группе появились ухмылки.

– Да, спасибо, Налмур. – Возможно, Танд что-то понял по ее лицу. – Думаю, стоит избавить нас от подробностей.

– Как вам будет угодно, господин. Госпожа. Но признание надежное как скала. Можете построить на нем замок.

Танд многозначительно посмотрел на Арчет: «Я же говорил». Она постаралась не заскрипеть зубами.

Они в последний раз повернули за угол и оказались перед небольшим рядом коттеджей, более сторбленных и теснее жмущихся друг к другу, чем дома ниже по склону. Несколько людей Танда слонялись около открытой двери примерно посередине ряда. Они над чем-то хохотали, но при виде приближающейся группы затихли и кое-как встали по стойке «смирно».

Краем глаза Арчет заметила, как дернулась занавеска. Она не стала озиаться. По всей улице за ними наблюдали. Собравшись у края темных окон, у дверей, приоткрытых всего лишь на дюйм и готовых захлопнуться. Смотрели и ненавидели чужаков, что топали мимо в своих сапожках.

В точности как во времена послевоенной оккупации.

«Привет от Императора Всех Земель – мы пришли с миром и вселенским братством Святого Откровения.

А если вам ни то ни другое не нужно, придется вас уебать».

Танд взял инициативу на себя. Он кивнул в ответ на приветствие своих людей и прошел между ними, нырнув под низкую притолоку. Арчет вошла следом, в мягкое сияние засыпанного пламени в очаге и свечей, зажженных по случаю вечерних сумерек. От земляного пола исходил всепроникающий запах сырости, к которому примешивалась вонь опорожненного кишечника. В соседней комнате кто-то протяжно и безнадежно выл. Еще три наемника Танда стояли на страже возле мужчины, раздетого до пояса и привязанного к стулу.

Налмур и остальные толпой ввалились следом за Арчет.

– Ну что ж, – сказал Танд, – Налмур, ты окажешь мне честь?

Налмур театрально обошел стул с привязанным к нему хозяином дома. Когда глаза Арчет привыкли к полумраку, она рассмотрела синяки на лице мужчины, корку запекшейся крови из сломанного носа, несколько багровых ожогов на груди и предплечьях. Его штаны насквозь промокли в паху. Налмур дружески обнял его за плечи одной рукой, и мужчина резко дернулся, пытаясь освободиться от пут.

– Господин, госпожа, познакомьтесь с Критлином Тильгетом, первым стражем Олдрейнского пламени из хиронского ордена. Наш мастер Критлин любит пару раз в год собираться со своими приятелями в каменных кругах и вызывать духов исчезающего народа. Судя по всему, они это делают, танцуя голяком и трахая жен друг друга до беспамятства. Оно и понятно, каждый на свой лад решает, как здесь лучше коротать вечера.

Мужчины вокруг Арчет от души расхохотались.

– Продолжай, – резко сказала она.

– Да, госпожа. – Налмур дружески похлопал связанного по щеке. Выпрямился. Перешел на наомский – вполне приличный, не считая акцента. – Расскажи нам еще раз про могилу, Критлин. Расскажи, что ты сделал.

– Да. Да, мы ее... – Критлин сглотнул. Его голос был таким же изувеченным, как и лицо. Тихим, с нотками мольбы и дрожащим, словно капли дождя на краю крыши. Его взгляд то и дело метался к двери в соседнюю комнату, источнику бесконечных рыданий. – Мы ее разрыли. Мы... отправились туда ночью. Перед Кануном Пробуждения, когда вода спадает.

Арчет нахмурилась.

– Какая еще вода?

– Он имеет в виду ущелье на полуострове Серой Чайки, госпожа, – пояснил Налмур, сделавшись на удивление похожим на учителя, помогающего слабому ученику во время экзамена. – Говорит, течения в определенное время приносят туда больше воды, затрудняя переход.

– Но... – Она раздраженно покачала головой. – В той могиле была мертвая овца, мы больше ничего не нашли, мы...

Они говорили по-тетаннски, и Критлин непонимающе переводил взгляд с черной женщины со злобными глазами на своего главного мучителя и обратно. Арчет, сделав над собой усилие, отодвинула постоянные рыдания на задворки разума и сама заговорила на корявом наомском:

– Вы... э-э... вытащили Иллракского Подменыша и... положили туда, хм... калечную? Ну да – подменили его на калечную овцу? В каком... расстоянии?... Нет, постой, в каком *состоянии*! В каком состоянии было тело?

Критлин медлил с ответом. Он казался озадаченным ее вопросом, может, смущенным ее сбивчивой, переполненной ошибками тирадой. Налмур отвесил ему тяжелую затрещину.

– Госпожа Арчет задала вопрос! Отвечай, и побыстрее! Или, может быть, ты думаешь, что малыш Эрил завидует ласкам, которые его старший брат получил от моих ребят? Может, он хочет того же?

Вой из соседней комнаты усилился вдвое. Из груди Критлина вырвался низкий стон, и он опять попытался освободиться из пут. Налмур усмехнулся, снова поднял руку.

– Хватит! – рявкнула Арчет.

Рука опустилась. Легкая сердитая улыбка мелькнула в уголках рта Налмура, но он склонил голову. Арчет наклонилась ближе к Критлину. Он отпрянул от нее, насколько позволяла спинка стула. Когда он шевельнулся, в нос ударил запах дерьма. Полукровка подняла руки ладонями вперед и снова попятилась.

– Просто скажи мне, – тихо попросила она. – Тело было нетронутым? На нем обнаружись хоть какие-то признаки гниения?

– Нетронутая, – выпалил Критлин. – Овца была нетронутая! Ее зарезали прямо перед этим. Взяли из стада Гелхера и...

– Ну хватит, довольно, мелкий ты козоеб! – Налмур шагнул вперед, занося кулак. Арчет развернулась и заблокировала его руку, словно они сражались на ножах.

– Я же сказала, хватит!

Налмур отшатнулся от нее, то ли из уважения к рангу, то ли из суеверного ужаса – понять было трудно. Однако на его лице читался скрытый гнев.

– Госпожа, он насмехается. Он...

– Вы его *сломали*! – От ее вопля все в комнате оцепенели. Один из людей Налмура, с готовностью направившийся к двери в соседнюю комнату, остановился как вкопанный. Арчет ткнула в него пальцем. – Ты! Войдешь туда – убью на хрен.

Танд пошевелился.

– Моя госпожа, этот человек выказывает явное отсутствие уважения, учитывая его положение. Шутки на наш счет вряд ли останутся безнаказанными.

– Я. Тебя. Прикончу. – Она все еще сверлила взглядом подручного Налмура. – Не испытывай меня, человек.

И внезапно Арчет увидела все мысленным взором, словно перед нею развернулась карта боевой кампании, до сей поры известной лишь по слухам. Как надо поступить, как все произойдет. Остальные люди Танда, их места в комнате; грубые рукояти ее ножей и то, как до них дотянуться, в какой последовательности; сколько кровавых секунд потребуется, чтобы *убить на хрен всех до единого*...

«Эти гребаные люди, Арчиди. – Голос Грашгала, почти бесцветный, лишенный всех интонаций, не считая далекого проблеска отчаяния. Кириат излагал ей планы ухода. – Они превратят нас в то, чем мы никогда не были».

Был ли он прав?

Разве она сама не чувствовала это изо дня в день – разъедающее прикосновение человеческой безжалостности, человеческой жестокости, человеческой *глупости* к переплетению волокон ее души? Медленное разрушение собственных моральных устоев, почвы, от которой она отказывалась с каждым политическим компромиссом, с каждым тщательно обдуманном шагом ради Великой Кириатской Миссии, с каждой ложью, которую она внушала самой себе о необходимых жертвах во имя построения чего-то лучшего...

Вой за дверь не унимался. До зуда в ладонях хотелось схватиться за ножи.

Может быть, время, мать его, наконец-то пришло.

Менит Танд смотрел на нее как замороженный. Она чувствовала его взгляд, словно тень на краю поля зрения, и что-то в этом взгляде вынудило ее отступить от пропасти.

– Если хочешь жить, уходи, – сказала она наемнику у двери. Теперь ее голос был ровным и таким же пустым, как когда-то у Грашгала. – Налмур, уведи отсюда своих людей.

Налмур возмущенно посмотрел на Танда. Магнат-работорговец рассудительно кивнул.

– Но, господин, этот человек...

– Сломлен. Забыл? – Арчет устремила взгляд на Критлина. Она не глядела по сторонам, не смотрела на Налмура. Она не доверяла самой себе. – Ты сам сказал, что слышал, как он сломался. «Как гнилая ветка. Такое не пропустишь». Твоя работа здесь окончена, наемник. А теперь убирайся и головорезов своих прихвати.

На то, чтобы очистить дом, ушло меньше минуты. Стоил отдать Налмуру должное, он поддерживал в отряде довольно строгую дисциплину. Резкий свист вынудил двух наемников помоложе выйти из комнаты, откуда продолжал доноситься вой. Грубый приказ, и все вышли,

оставив Арчет и Танда наедине с Критлином. Налмур покинул помещение последним, нелюбезно хлопнув дверью.

Комната вдруг словно сделалась больше, и атмосфера перестала быть такой гнетущей. Даже плач по соседству как будто слегка утих.

Арчет присела на корточки перед стулом Критлина, стараясь выглядеть как можно безобиднее. На этот раз наомский дался ей легче. Стоило только выставить из дома людей Танда, и у нее как будто прошла головная боль.

– Послушай меня, Критлин. Просто послушай. Никто больше не причинит тебе вреда. Даю слово. Никто не причинит вреда ни твоей семье, ни тебе. Просто расскажи мне все про труп.

– Э-э... овцы?

Она тяжело вздохнула.

– Нет, не овцы. Труп, который лежал в могиле. В каком он был состоянии?

– Но... – Критлин растерянно таращился на нее. Его голос дрогнул. – В могиле не было никакого трупа.

Арчет бросила взгляд на Танда.

– Слушай, – сердито начал работороговец, – ты сказал моим людям...

Критлин съехался, словно увидел в дверях вернувшегося Налмура.

– Там были кости, – невнятно пробормотал он. – Просто кости, фрагменты костей, маленькие, и больше ничего не осталось. Остальное просто... сгнило...

Его голос делался все тише. Он смотрел на них обоих как на безумцев. Арчет попыталась найти в услышанном хоть толику смысла.

– Ну... тебя это удивило?

Он ошеломленно уставился на нее.

– Удивило?

– Что тело Иллракского Подменыша сгнило? Ты был этим удивлен?

– Н-нет, госпожа. Он же умер четыре тысячи лет назад.

– Да, но...

Она резко умолкла, внезапно осознав, по какую сторону от грани разумного они все каким-то образом очутились.

«Ведь если из последних недель и можно извлечь какой-нибудь урок, Арчиди, он заключается в том, что мифы и легенды не выдерживают столкновения с реальным миром».

И все-таки вот она, здесь – пытается выяснить, с чего вдруг труп, закопанный в землю четыре тысячи лет назад, не оказался в приличном состоянии, когда его откопали.

«Это место сводит нас всех с ума».

– Хорошо, значит, трупа не было. – Танд, похоже, справился с гневом – в его голосе теперь звучало смертоносное терпение, размеренное, точно метроном. – Или, по крайней мере, от него мало что осталось. И вы этого ожидали. Тогда зачем вообще разрыли могилу?

– Так приказал старейшина ложи, господин. – Критлин уронил голову на грудь. Он, похоже, сломался окончательно. – Надо было забрать меч.

Арчет снова бросила на Танда многозначительный взгляд.

– Еще и меч?

Работороговец пожал плечами.

– Ну, этот Иллракский Подменыш ведь был воителем, не так ли? Разумно, что его похоронили вместе с оружием.

– Итак, вы забрали этот меч. – Арчет закрыла глаза и потерла переносицу большим и указательным пальцами. – Но, послушай... какого хрена закапывать на том же месте овцу? С чего вам это в голову взбрело?

– Старейшина ложи приказал и это, госпожа. – Слова теперь спешили вырваться из рта Критлина, опережая друг друга. С ним все было кончено, он преодолел некий рубеж, и его взгляд все чаще и чаще перебегал на дверь в другую комнату. – Овцы из стада Гелхера – самые уродливые на Серой Чайке: в прошлом сезоне несколько родились безобразными, и мастер ложи сказал, дескать, это знак того, что душа Подменыша пробудилась. Большинство ягнят умерли при рождении, но две или три овцы дожили до этого года. Ну вот старейшина и сказал, что надо принести одну из них в жертву, положить в могилу вместо меча, в знак благодарности. Мы просто сделали то, что он нам приказал, как того требует наша клятва.

Арчет вытащила Безжалостного из ножен на поясице. Лезвие ножа поблескивало в тусклом свете.

– Где меч сейчас?

– Его забрали, госпожа. – Его глаза тупо уставились на клинок. На один леденящий душу миг Арчет показалось, что она видит во взгляде Критлина тоскливое безразличие, как будто ему все равно, перережет нож пути или его собственное горло. – Увезли в Трелейн. Там будет церемония. Старейшина ложи сказал – радуйтесь, олдрейны возвращаются.

Арчет вздрогнула, сама не зная, были ли тому причиной его слова или взгляд. Она постаралась отогнать это чувство. Присела рядом с ним и перерезала веревки, которыми его ноги были привязаны к стулу. Тут он заплакал, как маленький ребенок. На таком расстоянии сильнее ощущалось зловоние: он обмочился и обделался. Она надрезала веревки на его груди и руках и разорвала, применив излишнюю силу. Напряженно сглотнула.

– Иди к семье. Вам больше не причинят вреда. Даю слово.

Критлин с трудом выпрямился, схватившись за руку, и захромал в другую комнату. Арчет смотрела ему вслед, охваченная пароксизмом чего-то, чему она не могла дать названия.

Менит Танд откашлялся.

– Возможно, госпожа моя...

– Дай кошелек, – отрешенно проговорила она.

– Что, простите?!

Арчет встрепенулась, словно просыпаясь. Повернулась к нему, все еще держа в руке Безжалостного. Произнесла, словно вбивая гвозди в дерево:

– Дай мне свой гребаный кошелек!

Танд едва заметно сжал губы. Это был все тот же тщательно сдерживаемый гнев, который она увидела в его глазах на постоялом дворе. Но он все же осторожно сунул руку под плащ и выудил весьма пухлый кошелек из мягкой черной кожи. Нежным жестом взвесил его на ладони.

– Мне не нравится ваш тон, госпожа.

– Да что ты? – Она завела руку за спину и спрятала Безжалостного в ножны. Так безопаснее, чего ей и хотелось прямо сейчас. – Тогда обсуди это с императором, когда мы вернемся. Уверена, ты сможешь купить себе аудиенцию.

– Да, без сомнения. Используя те же средства, которые сделали меня значимым спонсором этой экспедиции...

Она оборвала его:

– Которой, согласно приказу императора, команду я. Ты отдашь мне кошелек или придется его забрать?

Между ними повисло недолгое молчание. От грязного пыточного стула, возле которого она стояла, слабо пахло дерьмом. На улице шумели люди Танда. Почти кричали – кажется, спорили из-за чего-то. В соседней комнате продолжался вой, словно Критлина никто не отпускал.

Танд с силой швырнул кошелек. Два века тренировок взяли свое: она поймала «снаряд» на лету с апломбом мастера ножевого боя.

– Благодарю.

Магнат-работорговец отвернулся и направился к двери. Приостановился, положив руку на щеколду, и оглянулся на Арчет. Пламя в его глазах погасло, теперь он казался просто... задумчивым.

– Знаете, госпожа моя – вам не следовало бы делать из меня врага.

Ей следовало бы оставить его в покое, но от крика внутри все шипело и дымилось, как костер, на который кто-то помочился. Слова слетели с губ прежде, чем она это осознала.

– По-моему, ты все перепутал, Танд. Видала я людей покруче тебя привязанными к доске в Палате разоблаченных секретов.

Он задержал на ней серьезный взгляд, потом пожал плечами и сказал бесцветным тоном:

– Понятно. Спасибо за откровенность.

Работорговец отодвинул щеколду и вышел к своим людям. Арчет проследила за тем, как дверь закрылась у него за спиной, а потом окинула взглядом сырую, воняющую дерьмом комнату, как будто искала на земляном полу оброненную ценную вещь. Закрыла глаза – очень ненадолго! – а потом заставила себя подойти к двери в соседнюю комнату, к источнику звука. Там она прислонилась к двери, ощущая странное нежелание переступить порог.

На большой продавленной кровати, которая представляла собой единственную настоящую мебель, словно сгрудившиеся на импровизированном плоту выжившие после кораблекрушения, сидели молодая женщина и два маленьких мальчика, которых она прижимала к себе. Одежда на всех троих была разорвана или разрезана, и теперь только крепкие объятия женщины удерживали остатки на их бледной плоти. Старшему мальчику на вид было лет десять-одиннадцать, младшему – шесть-семь. На их лицах и телах виднелись отметины, наливающиеся синевой. Глаза женщины были плотно закрыты, распухшая щека рассечена от удара – скорее всего концом ремня с пряжкой или, может быть, всего лишь тыльной стороной руки, униженной кольцами. Ее губы двигались в какой-то безмолвной молитве, но единственным звуком, который она издавала, был протяжный вой, и она раскачивалась в такт ему, взад и вперед, взад и вперед, на пару дюймов в каждую сторону.

Критлин сидел рядом с дверным проемом – судя по виду, он просто прислонился к каменной стене и сползал, пока не достиг земляного пола. Он был менее чем в четырех футах от жены и сыновей, но смотрел на родных так, словно они только что отплыли с пристани без него. Его левая рука, упираясь локтем в полусогнутое колено, беспомощным жестом тянулась к ним, безвольная и безжизненная.

Арчет, сглотнув, шагнула в комнату. Присела рядом с Критлином, попыталась вложить в его оцепенелые пальцы кошель.

– Вот. Возьми.

Он едва на нее взглянул.

– Возьми... послушай, это... да возьми же его, мать твою!

Кошелек продержался в его руке какую-то долю секунды, потом от собственной тяжести выпал из ослабевшей хватки и шлепнулся на земляной пол.

Внутри приглушенно звякнуло имперское серебро.

«Привет от Императора Всех Земель».

Она встала и попятилась.

Промчалась через комнату, в которой пытали хозяина дома, словно подгоняемая набирающим силу ветром. Рывком распахнула дверь и вышла на окутанную плотными вечерними сумерками улицу.

Где ей в горло сразу же уперлось острие меча.

Глава седьмая

Рингил проснулся от грохота волн и холодного грубого прикосновения влажного песка к щеке. Резкий серый свет терзал веки, пока он их не разомкнул. Моргнул, поднял голову и увидел глаза на стебельках, наблюдающие за ним с расстояния меньше фута.

Вздрыгнул, а потом затрясся от холода.

Кое-как сел, и краб поспешил прочь. Теперь было видно, что животное ненамного больше его ладони. Оно отыскиало норку в песке в некотором отдалении и застыло, наполовину в ней спрятавшись, все еще наблюдая за ним. Рингил сидел и смотрел на него, пытаясь собраться с мыслями.

По пути вдоль изгиба пляжа, вдали от костра, она поведала ему Истину, лежащую в основе Всего, а потом он ее позабыл.

Или, вернее, он ее роняет, ему не хватает силы ее удержать – Истина, как выясняется, штука тонкая, невыразимая. Она не помещается в его голове, как ветер не помещается в шлеме. Она вываливается, падает наружу, в точности как на рынке с чересчур высокой горы фруктов скатывается на землю и портится от ударов товар. Рингилу, без пяти минут колдуну-военачальнику, остается лишь суетиться вокруг в бесплодных попытках собрать куски, что рассыпались и катятся прочь.

Он яростно потер лицо и лоб обеими руками, но все исчезло, стерлось, оставив в воспоминаниях лишь пятно в форме Истины и смутное ощущение песка в голове.

А прочее вскоре вернулось чередой кричаще безвкусных обломков, немногочисленных фрагментов случившегося, похожих на грязные осколки посуды с какого-то роскошного пиршества, куда он заявился, но был выставлен за дверь ввиду недостаточно благородного происхождения.

– Они направляли тебя, как только могли, – говорит она ему. – Даковаи и Квелгриш, жонглируя вдвоем мириадами факторов, время от времени пользуясь посторонней помощью – Хойрана и моей. Они, скажем так, тебя представили. Позаимствовали обрывки мифов степных кочевников, на их основе подготовили перестановку и полный разворот прямо за гранью смертной тени. Твоя дань Темным вратам уплачена. Но в конечном итоге мы, Темный Двор, можем лишь просить о таком переходе. Стережущие Книгу дают разрешение или запрещают. И даже разрешение как таковое может быть ограниченным, неполным, подлежащим изменению.

Рингил кривит губы.

– Ты простишь меня, если я скажу, что все это напоминает бюрократическую волокиту? Боги Темного Двора унижаются до жалких переговоров...

– Ну, знаешь ли, большинство человеческих молитв представляют собой именно это, разве нет? – Кажется, он слышит в голосе Темной Королевы раздражение, и волны немного сильнее бьются о песок. – Жалкие переговоры с высшими силами о помощи, заступничестве, о выгодах, которые иначе не получить?

– Да, но мы-то люди. Вероломная, придирчивая компашика.

– То, что сверху, аналогично тому, что находится внизу, – едко говорит она. – И раз уж результаты не раз спасали твою жизнь, возможно, тебе стоило бы поубавить ехидства.

Он поднялся на ноги, пошатываясь.

Друг Воронов лежал рядом на песке – очевидно, в какой-то момент Рингил его снял, но этого тоже не помнил.

Он наклонился, неуклюже двигаясь оттого, что замерз. Прижал меч к себе, словно тело какого-нибудь мертвого сломленного любовника.

Они стоят вместе на мысе с видом на океан. Наверное, поднялись туда с пляжа внизу, хотя в памяти лишь какие-то смутные обрывки. Небо потемнело, но от *луны* исходит размытое свечение масляного цвета, просачивается сквозь разодранные тучи, словно жалкое подобие Ленты, поливает море рассеянным золотом. Вокруг них ветер колышет длинную жесткую траву, сгибая ее кругами, отчего кажется, что она кланяется Темной Королеве.

– Ты ищешь *Призрачный остров, Последнее Звено Цепи*. – Она не задает вопрос.

– *Помимо всего прочего, да.*

– *Вы нашли его неделю назад. Вас обманули.*

Рингил беспокойно взмахивает рукой.

– *Остров, который то появляется, то исчезает, как ветер и буря? Со всем уважением, госпожа моя, я совершенно уверен, что мы бы такое не пропустили.*

– *Да неужели?* – Глаза Фирфирдар поблескивают в скудном свете. – *Это почему же, позволь спросить? Как бы вы узнали такой остров, если не видели, как он появляется? Чем он в проявленной форме отличается от других островов? Может, вы думали, что он светится колдовским пламенем, как написано в хрониках?*

– *Нет, я думал, что местные о нем знают и смогут указать мне на него.*

– *Знают. И указали.*

– *Ошибаетесь, моя госпожа. Если не считать мифы и старушечьи байки, местные вообще ни про какие острова не рассказывали. Они упомянули лишь о...*

И тут до него доходит. Он снова слышит грубый голос с хиронским акцентом, один из великого множества голосов, какие им довелось услышать в тавернах Орнли, пока все эти рассказы не начали сливаться в единый бессвязный поток. «При приближении Серая Чайка может показаться отдельным островом, но не обманывайтесь. Кое-какие течения заставляют заливы заполняться в определенное время, но всегда можно перейти вброд, в худшем случае воды будет по пояс. Однако большую часть времени там и сапоги не намочишь».

Он закрывает глаза.

– *О, ради Хойрана, мать его.*

– *Именно так. Как я уже сказала, вас обманули. Если точнее, вас заставили поверить, что легенду, искаженную за тысячелетия рассказывания и перерассказывания, все еще можно воспринимать буквально.*

– *Остров приходит и уходит вместе с переменой погоды,* – медленно говорит Рингил, словно излагая некое теологическое доказательство. – *Вот он есть, а вот его нет – потому что на его месте возникает полуостров. Я на хрен утоплю этого Кормчего.*

– *У Кормчих свои планы. Было бы ошибкой считать их друзьями.*

Он фыркает.

– *Да, они сказали то же самое про Темный Двор.*

Он закинул Друга Воронов на спину и сразу же почувствовал себя немного лучше. Ноющая боль, которую оставила в нем истина, отступила. Теперь с нею можно было справиться. Случались у него похмелья и похуже.

Он огляделся, пытаясь сориентироваться. Пляж не был ему знаком ни по Серым Краям, ни по более прозаическим мирам. Но пейзаж позади здорово смахивал на то, что он уже видел на Хиронских островах раньше – продуваемая ветрами низменность, почти без деревьев, с невысокими скалами и чем-то вроде утесов на одном далеком мысу. Может, Фирфирдар послала его обратно на полуостров Серой Чайки, вооруженного новым знанием, чтобы он смог

наконец встретиться с Иллракским Подменышем лицом к лицу? После недолгих и сумбурных раздумий он отбросил эту идею.

«Мы раскопали ту могилу. В ней лежала мертвая овца».

На мгновение Рингилу показалось, будто Темная Королева говорила ему, что поиски трупа Иллракского Подменыша – это ошибка, напрасная трата времени. Но он не был уверен. Вокруг рваной раны, что зияла в его памяти на месте дара богини, слишком многого не хватало.

«Да, да. Истина была в твоём распоряжении, а потом ты ее уронил, и она разбилась. Рыдайте, поэты, ибо небеса рухнули. Гил, возьми себя в руки, мать твою».

Он тряхнул головой, пытаясь изгнать из нее туман. Отыскал высокую точку на веренице холмов позади себя и направился туда.

Взбаламученные воспоминания поспешили следом.

– Да, можешь спросить.

– Спросить? – Темная Королева отстала, и он оборачивается, чтобы взглянуть на нее. – О чем спросить?

Фирфирдар ухмыляется – ее не проведешь.

– Можешь задать вопрос, который столь явственно звучит в твоих мыслях. Все эти вечера, которые ты провел в особняке Эскиатов в Луговинах, будучи подростком. Ты до сих пор помнишь слова литании. И вот теперь ты гадаешь, сколько в ней правды. Ты спрашиваешь себя – неужто Темная Королева и впрямь оказывает милости тем, кто достаточно смел, чтобы встретиться с ней и о чем-то попросить?

Они стоят лицом друг к другу через полдюжины шагов по песку. Между ними шумит ветер. Это очень напряженный момент.

– Ну? – Рингил нетерпеливо взмахивает рукой. – Это правда?

– Такое случилось. О чем ты молишь меня, прихожанин?

Он морщится от такого эпитета. Колеблется, потом отбрасывает сомнения.

– Грашгал Странник сказал мне однажды, что Друг Воронов будет висеть за стеклом музея в городе, не знающем войны.

– Это один из возможных концов для него, да. Я спрашиваю опять – чего ты хочешь?

Он меняет гримасу на усталую улыбку и отворачивается. Его слова летят через плечо, словно шарф, подхваченный ветром.

– Ну, если ты и впрямь можешь уловить эхо моих мыслей, Владычица Игральных Костей и Смерти, то тебе это уже известно.

– Ах, мрачный малыш Рингил Эскиат с его твердым характером. Что же ты еще мог сделать, как не уйти от ответа? – И внезапно она снова оказывается рядом с ним, сокровенным тоном, ласково шепчет прямо на ухо: – Расколотые небеса рухнут, если Гил Эскиат однажды попросит об услуге кого-нибудь, даже самих богов. Если он хоть раз проявит слабость или нужду. Это ведь совершенно неуместные качества для покрытого ирамами носителя ужасного клинка, именуемого Друг Воронов. О да, я понимаю, отчего ты им так нравишься.

Он идет дальше, глядя прямо перед собой. Произносит почти недрогнувшим голосом:

– Как я уже сказал, если ты можешь улавливать эхо моих мыслей...

– Ты хочешь туда попасть, – быстро говорит Фирфирдар и замолкает. Кажется, собственные слова каким-то непостижимым образом изумляют ее. На мгновение ее тон становится почти ошеломленным. – Они правы, ты делаешь это каждый гребанный раз. Ну ладно, Рингил Эскиат, если хочешь играть по таким правилам, валяй – выкладывай свои жалкие карты. Чего ты хочешь? Чего жаждет твоя душа? Ты хочешь отправиться туда, в тот город, не знающий войны. Хочешь прожить остаток дней в покое, который там царит. Стандартная хрень про счастливую развязку для воина в пору его заката. Обычная мечта, которой

предаются профессиональные убийцы, когда думают про пенсию. Вот так. Доволен? Богиня прочитала твои мысли? Она поняла, о чем ты размышляешь?

Теперь очередь Рингила молчать, странно смущаясь оттого, как жестко Фирфирдар обнажила его едва осознаваемую тоску, выразив ее в словах. Он прочищает горло, чтобы прогнать тишину.

– Граишгал сказал мне, что нет никакого способа попасть туда. Он сказал, что быстрые тропы чересчур извилисты для смертных, а прямые – слишком длинные.

– В целом такова истина, да.

Он искоса смотрит на нее.

– Но?

– Но кое-что важное упущено. Видение Граишгала было неполным. Как многие соплеменники-кириаты, Странник так и не смог полностью оправиться от путешествия по жилам Земли и принесенных им даров. Он мог заглядывать в будущее, но не умел правильно истолковывать то, что открывалось его взгляду. В случае Друга Воронов он увидел место успокоения, но не то, каким образом оно появилось. Он не оценил иронию того, что подобный меч оказался в подобном музее.

– По правде говоря, я тоже ничего не понял. Ты не хочешь объяснить так, чтобы до простого смертного дошло?

– Ну, иронию лучше не раскладывать по полочкам – однако, если ты настаиваешь... – Голос Темной Королевы становится напевным, как будто она начинает декламировать некую выхолощенную литанию. – Город из твоего рассказа будет построен – будет стоять во всей своей незаслуженной безмятежности – на костях миллиарда несправедливо погибших и забытых. Камни его фундамента скреплены кровью десяти тысяч страдающих поколений, о которых никто не вспоминает, потому что им наплевать. Его граждане, словно беззаботные мотыльки, порхают в крытых садах и блистающих залах, не имея ни малейшего представления и не желая знать, откуда у них все это. – Она резко возвращается в здесь и сейчас. Поворачивается, одаряет его жесткой улыбочкой. – Ты правда думаешь, что смог бы жить среди подобных людей?

Рингил пожимает плечами.

– Я жил среди собственного народа девять лет после войны. Большинству не удалось забыть прошлое достаточно быстро. Самые удачливые теперь живут, игнорируя чужие несчастья, на которые взгромоздилась их собственная удача. Если бы мне пришлось обитать среди невежд, я бы совершенно точно предпочел тех, кто позабыл о страдании как таковом, а не тех, кто ест, спит и дышит чужой болью каждый день, но предпочитает ее не замечать.

– Ну ладно. – Теперь она идет впереди него, слегка повысив голос. – Тогда задай себе еще один вопрос, герой. По-твоему, они сумеют вынести твое присутствие – присутствие монстра, чьи руки обгажены кровью, живого и дышащего напоминания обо всем, чего они не ценят и не понимают?

– Я и к такому привык, – коротко отвечает он.

Они дошли до конца пляжа. Впереди маячит темная громада скал, понизу обрамленная светящимися ключьями морской пены от волн, что бьются о камни. Несомые ветром брызги от бурунов наполняют воздух влагой и придают слабый блеск всему, что их окружает. Темная Королева без видимых усилий поднимается на каменный выступ, поворачивается и манит его следом за собой.

Исчезает.

Он неуклюже следует за богиней, осторожно ступая по влажному, неподатливому каменному склону. Пару раз поскользывается и сыпет ругательствами, едва не упав, – лишь давняя привычка держать равновесие на поле боя помогает ему остаться на ногах. Пройдя еще

немного, с некоторым облегчением обнаруживает небольшие, бледные наросты ракушек, которые могут служить хрустящим подобием опоры. Его шаг становится тверже.

Он догоняет Фирфирдар на краю небольшого обрыва: в шести или восьми футах ниже, у зубчатой линии каменистого берега, бьются волны. Она наблюдает за тем, как они высоко взлетают и превращаются в брызги, втягиваются обратно и соскальзывают с влажно поблескивающих гранитных поверхностей, а потом опять неумоимо рвутся вперед.

Она ждет, пока он не оказывается рядом. Поднимает голос, чтобы перекричать шум волн.

– *Предположим, я могла бы отправить тебя в тот город – и как бы ты там жил? Твой клинок был бы за стеклом в музее, и даже окажись он у тебя, ты не смог бы его применить. Языки, на которых ты говоришь, были бы мертвы уже тысячи лет. Как бы ты зарабатывал себе на жизнь, на еду? Приводил в порядок столы в какой-нибудь забегаловке, чей владелец не возражал бы против того, что ты и двух слов связать не в силах на местном языке? Или, возможно, тебя ждала бы короткая карьера трактирной шлюхи, пока не исчезнет красота? Мыть посуду, убирать навоз, пока не постареешь и не поседеешь, – как тебе такие занятия? Нравятся?*

Он морщится.

– *Если ты так ставишь вопрос...*

– *В том-то и дело. Вот в чем наша трудность. Отход от дел, о котором ты мечтаешь, ничем не отличается от героических грез юнцов, ни разу в жизни не взявших в руки меч. Это иллюзорный ширпотреб – избитая, заученная тоска, безразличная к любым мелочам жизни, вереница карт средней паршивости, розданных из замусоленной, бесконечно тасуемой колоды мифов, легенд и утешительного вранья, которым вы, люди, друг друга радостно пичкаете. В конечном итоге, стоит она меньше, чем все твои мальчишеские фантазии о жизни с цыганами посреди болот Трелейна. Такую мечту ты мог осуществить, на такую тропу ты мог однажды ступить. Но это... это ложь, которую ты носишь в своем сердце, потому что предпочитаешь не смотреть правде в глаза.*

– *И какова правда?*

Фирфирдар взмахом руки указывает на волны, бьющиеся о берег внизу.

– *Есть покой и есть движение. И, единожды начав движение, мы уже не можем настоящему успокоиться, пока не умрем. Единственное, что действительно ценно, – хорошо двигаться, пока можешь, а уходить на покой надо в тот момент, когда, кроме покоя, уже ничего не осталось.*

– *Да что ты говоришь? И как же мне быть?*

Темная Королева кажется почти сбитой с толку его недогадливостью.

– *Ну... – говорит она. – На что еще, кроме смертоубийства с применением остро заточенной стали, ты действительно годишься?*

Наступает долгая пауза, на протяжении которой тишину нарушает только грохот прибоя. Рингил чувствует, как этот звук врывается в уши, опустошая его. Они стоят, богиня и человек, в полутора футах друг от друга, словно две статуи, высеченные из того же гранита, что у них под ногами.

– *Полагаю, минет даже не обсуждается, – говорит он наконец.*

Она поворачивается и смотрит на него сверкая глазами.

– *Что ты мне сказал, смертный?!*

– *Ты не отправишь меня в город Грашгала. Я понял.*

– *Я не могу.*

– *Не можешь или не хочешь?*

– *Не могу. Свод Правил, написанный Стерегущими Книгу, предельно точен. Я могу исполнять желания, но те должны быть искренними, должны исходить от сердца и души просящего. – Теперь в ее словах звучит мягкая убедительная настойчивость. – Я прочитала твои*

мысли, а теперь загляну в твое сердце. Загляни туда сам, Герой Виселичного Пролома, непризнанная Драконья Погибель, – загляни поглубже, разыщи пламя внутри и скажи мне, чего ты хочешь на самом деле.

Он смотрит на грохочущие пенные волны внизу – кажется, довольно долго. От того, что происходит внутри, кружится голова. Город, в котором царит мир, видение Грашгала, покидает его – скользит прочь, оставляя после себя жесткие, блестящие от влаги скалы.

В конце концов Рингил понимает, о чем она говорит.

– Я хочу, чтобы они умерли, – тихо говорит он. – Я хочу, чтобы они все на хрен сдохли.

– Ах. – Владычица Игральных Костей и Смерти дружеским жестом обнимает его за плечи. Ее прикосновение впивается в плоть сквозь одежду, как заledenевшее железо. *– Вот это уже больше похоже на правду.*

Вскарабкавшись по длинному склону на вершину холма, он сумел кое-как разобраться в окружающем пейзаже. Вокруг виднелись знакомые возвышенности. На западе длинная осевшая гряда вела к утесам, где они раскопали могилу. Он развернулся, высматривая ориентиры на ветру и в бледном свете. Прищурился и с большим трудом разглядел верхушки мачт за складкой земли на востоке.

«Гибель дракона», пришвартованная там же, где и раньше.

Похоже, он отсутствовал не очень долго.

– Давай я тебе кое-что покажу, – говорит ему Фирфирдар, когда они выходят из грота, полного обвалившихся кусков гранита, на другой пляж. *– Возможно, это поможет.*

Оставив тень скал позади, они пересекают низкие белые дюны и приближаются к обширной береговой линии, которая изгибаясь устремляется к самому горизонту. Волны бегут им навстречу, ласковые и тихие, лижут берег сливочными язычками. Но поодаль они вздымаются на два человеческих роста, разбиваясь о скалы, и грохот прибоя отражается от расположенных позади утесов, словно далекий гром.

Что-то мелькает за плечом Рингила.

Он вырывается из рук Темной Королевы. Озирается по сторонам, тянет руку к оружию.

Видит только лист бледного света, что-то вроде пламени свечи, отделившегося от фитиля и выросшего до размеров человека. Какое-то мгновение оно летает вокруг них, а потом мчится прочь по пляжу.

– Это еще что за хрень? – спрашивает Рингил, глядя ему вслед.

– Один из местных жителей. – Фирфирдар уверенным шагом идет дальше по песчаному склону, к волнам. Бросает через плечо: *– Не волнуйся, мы им неинтересны.*

И действительно, спускаясь вслед за Темной Королевой, он видит дюжину или больше таких же живых огней: они порхают над песком, то собираются, то опять рассеиваются, недолго мчатся по прямой, потом игриво отпрыгивают в сторону, скользят прочь от берега над кремовой, изломанной поверхностью воды, рисуя размашистые кривые, а потом снова возвращаются. Некоторые образуют вокруг него, Фирфирдар или обоих сразу неустойчивые круги, но они всегда распадаются, как будто ни тот ни другой визитер попросту не может удержать на себе внимание этих существ, и вскоре они опять мчатся прочь, по-над водой, все дальше и дальше...

Все равно что наблюдать за пляской бойких мотыльков на балконе, озаренном светом лампы.

Он присоединяется к Темной Королеве у воды.

– А что же им интересно?

Она взмахом руки указывает на океан.

– Взгляни сам.

Там, где вздымаются высокие волны, одни и те же мерцающие огоньки пляшут то вверх, то вниз, туда-сюда над гладким склоном каждого приближающегося буруна. Это выглядит странно, как будто некое военное судно оставило на поверхности волн небольшие пятна яростно горящего плавучего пламени – но эти пятна беззаботно пляшут над местом столкновения каких-то непостижимых подводных течений.

– *Налумин*, – говорит Фирфирдар, как будто это все объясняет.

Рингил наблюдает, как пара мерцающих существ мчится на волне. По мере приближения к мелководью они, похоже, становятся все бледнее.

– *Они живые?*

– *Зависит от того, какой смысл ты вкладываешь в этот термин. Когда-то, давным-давно даже по меркам богов, Налумин были людьми, как ты. Но их душами овладело пламя, и они потратили свою жизнь, сдирая с себя все, что не могло насытить это пламя.* – В голосе Темной Королевы что-то меняется, и, когда Рингил опять бросает на нее взгляд, он снова чувствует исходящую от богини смутную печаль. – *Когда пришли Стерегищие Книгу, Налумин сделали выбор. Как многие из нас, они, возможно, не до конца понимали, что означает этот выбор.*

– *И что же он означал?*

Фирфирдар пожимает плечами.

– *Что все слои были сняты. Что они полностью отдали себя пламени. Как ты и сам видишь.*

– *На воде они горят ярче, чем на суше.* – Он говорит больше с самим собой, чем с богиней. Но Фирфирдар кивает.

– *Да. На воде они ярче, чем на суше, и исчезают, если надолго покидают море. А ярче всего пылают, когда катаются на волнах.* – Кривая улыбка. – *Судя по всему, именно этого они и хотели.*

– *Значит, они здесь в ловушке?*

– *Полагаю, в той мере, в какой это свойственно всем смертным.* – Похоже, Темная Королева над этим не задумывалась. – *Краткий проблеск существования на границе между солеными водами, из которых вы все пришли, и темными, непознанными землями. Да, можно сказать, что это ловушка. Но они, кажется, не возражают. Сдается мне, каждый понимает вечность по-своему.*

– *Так они вечны? Бессмертны?*

– *Пока что – да.*

Это пробуждает у него призрак улыбки. Он бросает на Фирфирдар сардонический взгляд.

– *Так-так. И это должно воодушевить меня, вопреки моим собственным передрягам, да?*

Фирфирдар снова пожимает плечами.

– *Есть судьбы и похуже – а как им не быть, – чем оказаться запертым в месте, где выбор действий ограничен теми альтернативами, которые заставляют душу гореть ярче всего. Разве нет?*

Он вздыхает и чувствует, как саднит горло, – что ж, очевидно, к чему все идет.

– *Понятно. И вот мы подошли к вопросу о том, где же моя душа горит ярче всего, не так ли?*

Богиня смотрит на него – нет, не на него, мимо него – мимо его лица и левого плеча, туда, где торчит рукоять Друга Воронов, силуэтом напоминая гвоздь. Ее глаза сверкают, как танцующие на волнах Налумин.

– *О, я думаю, ты уже знаешь это,* – шепчет Фирфирдар.

Он пересек местность, стараясь держаться подальше от низменностей – климат на Хиронских островах создавал болота везде, где легко собиралась вода. Он высматривал по пути овечьи тропы, придерживаясь их, если они подходили, и игнорируя, если уводили слишком далеко от нужного направления. Не прошло и получаса, как у него на лбу и под одеждой выступил пот. Сам того не осознавая, он двигался быстрым маршем.

Как будто впереди ждала битва или кто-то за ним гнался.

Примерно через час он поднялся на холм, тяжело дыша в ровном ритме марша, увидел разрушенный фермерский домик и короткую колонну людей на овечьей тропе внизу. Не сразу понял, что за зрелище открылось его взгляду.

Так или иначе, он остановился, слегка настороженный, и где-то на задворках его разума раздался тревожный гул колокола.

Крупная овца – нет, он прищурился, увидел рога – крупный баран сошел с тропы и неторопливо двинулся сквозь высокую траву к руинам. Во влажном воздухе раздался хохот. Мужчина в авангарде колонны поднял голову.

Длинные волосы, изможденное лицо – этаким злобный ублюдок со шрамом на ще...

Окутавший Ги́ла похмельный туман рассекло понимание, внезапное, как удар булавы противника, подкравшегося с фланга. Он попятился, и плащ захлопал вокруг него на ветру. Рухнул в мокрую траву на вершине холма. Неистово завертелся в поисках укрытия.

– Ты меня не видел. Ты меня не видел.

Это прозвучало сквозь стиснутые зубы: то ли самообман, то ли констатация факта, то ли заклинание *икинри́ска*.

Если колдовство вообще могло подействовать на то, что он узрел внизу.

«Мы можем заплыть на мелководье, да. – Ситлоу, о возможностях существования в пределах Серых Краев. – Попрактиковавшись, можем войти в те места, где время едва ползет, почти замирает, даже танцует вокруг самого себя, завиваясь спиралью...»

Кажется, Темный Двор тоже так умел.

Он не в первый раз задумался о подлинной разнице между двендами и богами – о том, какие силы и интересы могли бы их объединить.

И пока он лежал, прижимаясь щекой к мокрой траве, новый обломок воспоминаний упал откуда-то прямоком ему в голову.

– Рисгиллен Иллракская сказала мне, что вела переговоры с Темным Двором, добиваясь моего падения. Иными словами, что вы меня ей отдали.

– Тебе так показалось? Но ты не пал, насколько я помню. Или, скажем так, пал не слишком низко.

Рингил дрожит. Сейчас все идет очень хорошо, если сравнивать с нападением на ихелътетскую Цитадель и ужасом, в который он в итоге погрузился. Он не желает возвращаться к тем воспоминаниям, если этого можно избежать.

– Двенды не лгут, – говорит он не совсем ровным голосом.

– Разве нет?

– Я это понял, когда был с Ситлоу. Он относился к обману как к человеческой черте, которой необходимо учиться. Он очень язвил по этому поводу. Рисгиллен была его сестрой и во всех затеях играла второстепенную роль. Вряд ли она научилась бы этому трюку быстрее.

– Ну тогда, возможно, она рассказала тебе правду, какой ее понимала.

Гил стискивает зубы.

– Вы ей солгали.

– Тебя это огорчает? – Кривая улыбка. – В конце концов, мы – человеческие боги.

– Вы подставили нас обоих, ублюдки. – В собственном голосе он слышит нарастающую горечь. – А потом устроились поудобнее, чтобы поглядеть, как мы деремся.

Темная Королева пожимает плечами.

– Рисгиллен в любом случае пришла бы по твою душу. Точнее было бы сказать, что мы снабдили тебя инструментами, позволяющими противостоять ее мести.

– Да... и этими инструментами я научился пользоваться лишь в последний момент, да и то не благодаря Темному Двору.

– Но ты – зеница нашего ока, Рингил. Двор всегда верил в твою способность отыскать свой собственный путь. Это нас в тебе и привлекает.

– Ох, да ну тебя.

– Нет, правда. Спроси себя: какой толк любому божеству от верующих, которые постоянно дергают его за рукав, как дети, которых матери окружили чрезмерной заботой? – Темная Королева кривит губы, и в ее голосе сквозит презрение. – Они чего-то хотят, молятся, требуют, умоляют, просят дать им утешение, наставление, подтверждение и еще – большое такое одеяло справедливости, чтобы в него можно было кутаться от колыбели до могилы. Мы от такого устаем, и быстрее, чем может показаться. Дайте мне взамен какого-нибудь высокомерного неверующего, пусть приходит в любой день недели, а в святые праздники – дважды. Вот так делают героев.

– Да? Ну, этот герой решил, что с него хватит.

Она смотрит на него как безумно любящая мать.

– Нет, не хватит. Ты не такой.

– Все клинки однажды ломаются. – Это строчка из его трактата о современной войне, к которому ни один трелейнский издатель не захотел прикоснуться даже отпорным шестом. – И все люди тоже.

Фирфирдар склоняет голову.

– Да, вы и впрямь все созданы для того, чтобы рано или поздно повстречаться с точильным камнем. Но кто-то изнашивается медленнее остальных, а кто-то порождает более яркие искры. Ты излучаешь сияние всякий раз, когда сталкиваешься с неподатливой судьбой, Рингил.

– Я не стану этого делать, – быстро говорит он.

– Чего делать?

– Того, о чем ты собираешься попросить. Я не приму ваши гребанные инструменты и не буду вашей марионеткой. С меня достаточно.

Она раздражается мягким гортанным смехом. Как будто он рассказал очень сложную шутку, и кульминационный момент только сейчас до нее дошел.

– О, Рингил, – нежно говорит она. – Все не так устроено. Ты уже должен это знать. Я не посылаю тебя обратно в мир с инструкциями. Я предлагаю только руководство, я говорю тебе лишь то, что ты в любом случае захотел бы узнать.

– А именно?

Еще одно царственное пожатие плечами.

– Что Орнли пал в твоё отсутствие, что твои друзья теперь в плену, а враги подстерегают тебя. Что война объявлена, и скоро придется вступить в сражение. Что олдрейны опять заставят Когти Солнца озарить небеса сиянием бесчисленного множества несправедливых смертей – если только ты не остановишь этот механизм вовремя. – Она весело взмахивает рукой. – И все такое прочее.

– Думаешь, тебе удастся поймать меня на удочку снова? – Ему удастся издать неуверенный смешок. Он прочищает горло, чтобы избавиться от хрипоты в голосе. – Вы хорошо повеселились, и ты сама, и Двор. Я сломил Рисгиллен ради вас. На этом все. Представление завершилось, пора домой. Я наигрался в эту игру.

Но Темная Королева только качает головой.

– Нет, – ласково говорит она ему. – Ты только начал.

Приподнявшись, чтобы еще раз осторожно выглянуть из-за гребня, он понаблюдал за самим собой – за тем, как крался сквозь высокую траву вдоль разрушенной стены фермерского дома. Как переступил порог едва существующего дверного проема. Как смутный штормовой свет, несмотря ни на что, собрался и непостижимым образом окутал его фигуру в черном плаще.

Как тот, другой Рингил... сложился и исчез.

Убедившись, что колдун-убийца со шрамом на лице действительно пропал, он встал и побежал по заросшему травой склону обратно к тропе. Постоял там, не сводя взгляда с дверного проема, пока перед глазами не поплыли пятна от его воображаемых линий и углов, пока голова не очистилась от всего, кроме белого чистого шепота ветра.

Смутно удивился – мысль пронеслась, толком не оформившись, как приступ боли, от которого бросает в холодный пот, – что бы случилось, последуй он за самим собой в тот дверной проем. Что бы он обнаружил на той стороне, с чем ему пришлось бы столкнуться?

Торопливо отвернулся.

Моргнул, прогоняя туман перед глазами, и поспешил вниз по тропинке вслед за морпехами.

Глава восьмая

В коротком приступе слепой ярости Арчет прокляла Менита Танда, этот вероломный кусок дерьма. А потом увидела его на другой стороне улицы, прижатого к стене вооруженными мужчинами в незнакомой униформе, и осознала, что происходит на самом деле.

Меч у ее горла принадлежал угрюмому незнакомцу.

– Эй, полегче, – сказала она и развела руки, убирая их подальше от своих ножей. – Давайте не будем начинать знакомство с неприятностей.

Острие клинка грубо ткнулось ей под подбородок. Пришлось встать на цыпочки, чтобы не порезаться.

– Захлопни свою поганую пасть, ведьма.

Он говорил по-наомски, и Арчет поняла, что сделала то же самое – как будто рефлекторно продолжая разговор с Критлином. Но и без этого обмена фразами она бы поняла, что это северянин. Бледнокожий, с грубыми чертами лица, пахнувший отнюдь не свежестью. Клинок у ее горла представлял собой абордажную саблю, какими пользовались в военном флоте Лиги – короче и массивнее, чем сабли из имперских кузней; одежда северянина была сшита из ткани таких унылых оттенков серого и зеленого, какие ни один уважающий себя имперец не применил бы даже в качестве савана. На голову он натянул вязаную моряцкую шапку, к которой был пришпилен дешевый металлический значок в виде креста.

Стоя на цыпочках, Арчет не могла его как следует рассмотреть, но ей и не нужно было этого делать. Она уже знала, что на нем изображено – свернутый и запечатанный свиток, скрещенный с саблей, похожей на ту, что сейчас прижималась к ее шее. Патент и клинок.

Каперы.

– По-моему, вы совершаете ошибку, – сказала она непринужденным тоном. – У нас есть разрешение и полномочия...

– Согрен, иди сюда. – Захвативший ее в плен не повернулся, чтобы обратиться к товарищу. Глаза по ту сторону сабли все это время глядели на нее прищурившись. – Подойди и сними с этой гребаной ведьмы ножи, пока она не начала ерепениться. И проверь ее как следует.

Согрен оказался крупнее своего спутника – длинноволосый великан с непокрытой головой и лицом, которое выглядело странно веселым, несмотря на обилие шрамов. Клинков при нем не было, только длинная палица на поясе, но, судя по виду, в драке ему ничего другого и не требовалось. Он отобрал ее оружие с бесцеремонной деловитостью, которая свидетельствовала о давней привычке: отстегнул ремень, удерживающий ножи на поясе и на груди, сорвал одной рукой всю «сбрую» целиком, а потом наклонился и вытащил из сапога Падающего Ангела. Передал все кому-то еще – она не разглядела, – затем прошелся по ее телу с грубой тщательностью, нажимая и тыкая в поисках скрытых клинков, не упустив возможности пощупать ее между ног и с видом знатока сжать груди. Увидев это, его спутники тихонько рассмеялись. Арчет прикусила язык, уставилась прямо перед собой. Подчинилась – а что еще она могла сделать прямо сейчас? Согрен закончил развлекаться, провел кончиками пальцев по ее туго заплетенным волосам, отступил назад и кивнул.

– Все чисто. На ней ничего нет.

Сабля под ее подбородком неохотно опустилась на пару дюймов. Она смогла оглядеться и полностью осознать, в каком дерьме они увязли.

Улица была запружена серыми мундирами каперов. С первого взгляда она насчитала две дюжины, возможно, их было больше. Увидела арбалеты, взведенные и нацеленные, различного вида обнаженные клинки. Людей Танда, должно быть, застигли врасплох, не дав ни единого шанса сразиться или даже сбежать. А потом каперы просто дождались, пока выйдут Танд и она сама. Это демонстрировало восхитительный уровень терпения и тактической сно-

ровки, которые она обычно не связывала с лицензированными пиратами из Лиги, чьи грабежи вдоль берегов Ихельтета в прежние годы вошли в легенды из-за бессмысленного кровопролития и прочих ужасов.

Она услышала цокот лошадиных копыт, размеренно приближающийся по темной улице. Увидела, как мужчины вокруг нее застыли при этом звуке. Она осторожно повернулась лицом к вновь прибывшему, помня о клинке, все еще застывшем у ее груди.

Что ж, хоть какое-то объяснение.

Всадник был одет в цвета трелейнских солдафонов – плащ густого кремового цвета, окаймленный закатным алым, синяя туника с полосами тех же оттенков алого и кремового. На голове у него был легкий открытый шлем, за левым плечом торчала рукоять широкого меча. Второй меч, покорооче, висел в ножнах у бедра. С флангов его сопровождали шестеро мужчин в мундирах егерского полка – элитного подразделения, ближайшего трелейнского эквивалента Трона Вековечного.

Каперы или нет, но новоприбывшие, похоже, находились под официальным военным командованием.

Она встретила взглядом с Менитом Тандом, стоявшим на противоположной стороне улицы. Работорговец приподнял одну бровь и кивком указал вниз: его крепко удерживали на месте. Он виновато пожал плечами.

«И в любом случае руководишь экспедицией ты, Арчиди...»

Она встретила взглядом с женщиной с саблей и произнесла спокойным, командирским голосом:

– Теперь я поговорю с твоим капитаном. Можешь отойти.

Он оскалится, издал горловое рычание, словно встревоженный гончий пес. Но никаких возражений не высказал, и, когда она подняла – медленно, очень медленно – одну чуть согнутую руку и аккуратно оттолкнула его клинок, он не стал сопротивляться. Она вышла на середину улицы как раз в тот момент, когда трелейнский рыцарь натянул поводья. Арчет коротко поклонилась, чтобы не нарушить этикет, и выпрямилась.

– Мой господин, я кир-Арчет Индаманинармал, имперский посланник его величества Джирала Химрана Второго из Ихельтета, и руководитель аккредитованной экспедиции на Хиронские острова, которая получила одобрение городского совета Ланатрея в виде писем о...

– Да, понятно. – Всадник отмахнулся от ее слов рукой в перчатке. Он наклонился вперед, опираясь на луку седла, словно зачарованный увиденным. – Я искал вас, госпожа. На самом деле рад, что это вышло так легко. Я бы не хотел, чтобы офицеру южного двора причинили неоправданный вред, даже в такие времена.

«В какие еще времена?»

– Вы не назвали нам своего имени, сир. – Менит Танд, очевидно, тоже освобожденный каперами, теперь с надменным видом стоял рядом с Арчет. – Что как минимум обязаны сделать согласно дипломатическому протоколу. Возможно, вы сообразовали исправить это досадное упущение.

Всадник почесал затылок под шлемом. Ухмыльнулся.

– Ты ведь Танд, верно? Работорговец? Да, мне так и сказали – тощий высокомерный говнюк.

Танд оцепенел.

– Клитрен Хинерионский. – Он снял шлем, словно какую-нибудь матерчатую крестьянскую шапку. Голова у него была свежевыбритая – щетина на подбородке и то оказалась длиннее. Когда-то давным-давно удар, едва его не убивший, оставил от одного уха кривой обрубок. – Рыцарь-адъютант объединенных сухопутных войск Трелейнской Лиги. Боюсь, я не очень разбираюсь в протоколах. Но, сдастся мне, потому-то меня сюда и прислали.

– Это возмутительно, – холодно сказал Танд. – У меня есть хорошие друзья в Трелейнской канцелярии, капитан Клитрен. Я не совсем понимаю, как вам удалось получить свое нынешнее назначение, но уверяю, что ваше неуважение не останется незамеченным. Я распоряжусь, чтобы тебя за это высекли.

Клитрен вздохнул.

– Согрен. – Он поднял руку, щелкнул пальцами и поманил гиганта. – Объясни ситуацию господину Танду, пожалуйста. Только без переломов.

Арчет обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как капер, который ее обыскивал, с ухмылкой подошел к Танду сзади. Он схватил работорговца за волосы, сильно дернул и ударил кулаком в живот. Танд от боли застонал, обмяк и упал бы на мостовую, не держи его Согрен за безукоризненно ухоженные седые локоны. Великан нанес еще один удар, и Танда вырвало – оттого, что он болтался в руке Согрена, рвота потекла по подбородку на одежду. Капер отвесил ему три полновесные оплеухи, позволил упасть на брусчатку и с методичным усердием бил ногами, пока работорговец не прекратил попытки встать.

Клитрен Хинерионский осторожно водрузил шлем на голову.

– Мы воюем, госпожа. И господин. Войска Империи взяли мой родной город штурмом девять недель назад. Лига ответила официальной декларацией единства перед лицом имперской агрессии. В каждом городе будет организован призыв рекрутов, и армия освобождения выступит на Хинерион до конца сезона. Все имперские граждане, обнаруженные в пределах Лиги, будут задержаны в ожидании обмена или выкупа. – Холодная улыбка. – Или суда и казни за шпионаж.

Арчет изумленно уставилась на него.

– Что вы сказали?!

– Вы слышали, госпожа. Теперь вы мои пленники по законам военного времени. – Клитрен кивнул Согрену, и великан поднял Менита Танда на ноги – без труда, словно переметную сумку. Клитрен окинул работорговца взглядом. – Как мои пленники, вы можете рассчитывать на то, что с вами будут обращаться с подобающей вашему положению вежливостью. При условии, конечно, что вы сами будете соблюдать ту же вежливость. Вы меня поняли, господин Танд?

Губы Танда шевельнулись, но не раздалось ни звука. Он судорожно закашлялся и чуть не упал снова. Согрен с ухмылкой удержал его.

– Будем считать, что это значит «да». – Клитрен взглянул на Арчет. – Моя госпожа, у вас возник вопрос?

– Э-э, да... какова причина? – Голова у нее все еще кружилась от наведенного кринзанцем тумана. – Нападение на Хинерион – какова была его причина?

Клитрен фыркнул и потер заросший подбородок.

– Ну, не то чтобы это имело большое значение – мы все знаем, что после Ванбира вы, ребята, так и лезли в новую драку, – но формальное обвинение было предъявлено в связи с убийством имперского легата и препятствованием действиям имперской власти по привлечению виновных к ответу. И я думаю, ваша милость согласится, что это, мать его, слабенький предлог для того, чтобы разворотить целый город.

Арчет едва не кивнула. Ее мысли метались, как испуганные крысы, ища логические лазейки, спасающие от безумия.

«Что за гребаную игру ты затеял, Джирал?

Кто вливал тебе яд в уши, пока меня не было? Какой пидор из числа имперских советников решил, что *это дерьмо* – хорошая идея?

Или Цитадель надавила?»

Невозможно. После смерти Пашлы Менкарака и краха Афа'марагского храмового сговора Учителя Цитадели сделались кроткими, как стайка новеньких в гареме. Когда она уезжала, Джирал кормил их с руки.

«Значит, на границе Империи кто-то нарочно бьет в щит?»

Но гарнизонное командование на болотах было выбрано с учетом именно этого риска. Все до единого командиры были проницательны и отличались жизнерадостным характером. Сливки офицерского сословия Ихельтета, даже в эти тяжелые времена. Никто из них не повел бы себя так глупо.

«Может, кто-то заставил тебя так поступить?»

Неужели правила игры изменились и я что-то упустила?»

Уже не в первый раз с тех пор, как они прибыли на Хиронские острова, у Арчет появилось головокружительное острое ощущение, что она находится не там, где надо. Что в расчеты вкралась серьезная ошибка, и теперь они все поплатятся.

– Итак... – Клитрен снова наклонился вперед в седле, не сводя взгляда с Арчет, глядя ей прямо в глаза. – Перейдем к следующему пункту. Я был бы вам очень признателен, если бы вы подтвердили, что в этой экспедиции все еще принимает участие трелейнский ренегат, объявленный вне закона, по имени Рингил Эскиат.

– Вы об этом не знали, моя госпожа?

В тусклом желтом свете ламп таверны Клитрен внимательно наблюдал за ее реакцией. Арчет сидела с каменным лицом. Она пожала плечами.

– Я знала, что он не ладит с семьей.

– Это очень мягко сказано. – Он наклонился и налил им обоим вина. Вокруг царила суета: его люди устраивались на постой, разбираясь с хозяином, и сами заказывали выпивку. – Семья отказалась от него перед Канцелярией. Гингрэн Эскиат объявил его вне закона и отказался от кровной мести любому, кто принесет голову его сына. Ваше здоровье.

Арчет не притронулась к наполненному до краев кубку, хотя ей тоже пришлось немного прижаться к столу. Таверна была маленькая – по большому счету, чья-то переделанная кухня в фермерском доме, расположенном вблизи от того места, где дорога погонщиков пересекала границу города. Место было маловато из-за людей Клитрена, которые слонялись вокруг.

– Любопытно, – сказала она. – В Ланатрее его мать вела себя очень любезно. Она даже помогала нам. Мы гостили в ее особняке неделю, и она ничего об этом не сказала. На самом деле, мне говорили, что это благодаря ей совет выдал нам разрешение прибыть сюда.

– Ну... отношения матерей с сыновьями – дело особое. – Клитрен натянуто улыбнулся ей, потягивая вино в одиночку. – У меня-то матери не было, но я кое-кого знал. Женщинам часто не хватает мужества поступить так, как надо. Они плохо справляются с суровыми реалиями жизни.

– Да неужели?

– И, честно говоря, Ланатрей – та еще дыра. Он уже лет двадцать остается летней резиденцией госпожи Ишиль, и я слышал, она там властвует, словно Фирфирдар на троне. Разумеется, указ про объявление вне закона издан в Трелейне, и Ланатрей обязан его признавать не больше, чем любой другой город Лиги. И все же со стороны Рингила было умно заявиться туда. Пока новости просочились в Трелейн, прошло несколько недель.

– Ланатрей был на пятьсот миль ближе по побережью. – Она постаралась скрыть раздражение в голосе, потому что... мать твою, Гил должен был сам рассказать ей про эту хрень, а не допустить, чтобы она все узнала из вторых рук, от какого-то рыцаря-выскочки с изрубленной мордой и жадным блеском в глазах. – Поскольку нам сказали, что любой город Лиги может выдать разрешение на проход по всей территории, не было нужды преодолевать дополнительное расстояние.

Рассудительный кивок.

– Да. И если бы не война, это разрешение было бы отличной возможностью помахать яйцами у Гингрена перед физиономией. Отличный трюк, правда. Объявиться на пороге отцовского дома имперским офицером со всеми бумагами и поглядеть, что он предпримет.

– Вы ко всему относитесь вот так ребячески, принимая близко к сердцу?

– По моему опыту, госпожа, вся эта вонючая навозная телега истории движется именно за счет тех, кто поступает ребячески и принимает все близко к сердцу. – Клитрен скривился, как будто изумленный собственным серьезным тоном. Пожал плечами. – В любом случае, я думаю, можно с уверенностью сказать, что ваш товарищ давным-давно миновал тот этап, на котором у него были с семьей *нелады*. Дом Эскиатов его изгнал. Объявил вне закона. Я сам видел декларацию об отказе от кровной мести и печать Гингрена Эскиата на ней. Собственный отец Рингила хочет его смерти.

– Как и вы. – Она вызывающе посмотрела на него.

Клитрен небрежно отмахнулся.

– Мне поручили доставить его в Трелейн в цепях. Если он сочтет нужным сдаться, я так и поступлю. – Его голос стал жестче. – Но если он захочет драться, это можно устроить, а мне хватит его головы в мешке для добычи. Итак, где же он?

Она коснулась пальцем основания кубка. Усмехнулась, глядя на покрытую царапинами деревянную столешницу. Тронула вино, и по поверхности пробежала круговая рябь.

– Вас что-то забавляет, госпожа?

– Да, господин мой Клитрен. Вы меня забавляете, поскольку думаете, что отвезете Рингила обратно в Трелейн в мешке для добычи.

– Вы отказываетесь сказать мне, где он?

– Нисколько. Я предупреждаю, чего ожидать, когда вы его найдете.

Клитрен потер свое изуродованное ухо.

– Я зарабатываю этим на жизнь, миледи. Я сражался в Хинерионе и Балдаране во время войны, и с тех пор я с выгодой для себя охотился на разбойников как для Лиги, так и для имперцев в Тланмаре. В пятьдесят девятом я поймал пятерых из Братства Серебряного Листа в одиночку.

– Боюсь, я понятия не имею, что это означает, – вежливо ответила Арчет. – Это были опасные люди?

– Так думал командир гарнизона Тланмара. Достаточно опасные, чтобы заплатить триста элементарей за голову. И один из них утверждал, что он черный маг, как и ваш приятель. – Еще одно пожатие плечами. – Это ему не очень помогло, когда в дело пошла сталь.

– Я никогда не слышала, чтобы Рингил Эскиат называл себя черным магом. – Она все еще играла с кубком, но так и не подняла его. – Но я видела, как он сражался и убивал такое, от чего у большинства мужчин внутренности превратились бы в студень.

– Да-да... герой Виселичного Пролома, Бич Чешуйчатого народа, Последний Защитник Стен Трелейна. Я все это уже слышал раньше, госпожа моя, от тысячи болтунов, большинство из которых сами ничего не видели. Но знаете что? Когда я в последний раз встречался с этим героем войны, он скрывался за вымышленным именем и отрицал свое происхождение, и единственный способ, которым он смог меня одолеть, – это ударить со спины, под прикрытием ложного товарищества.

Резкая пауза. Клитрен не кричал, но повысил голос, и, когда он замолчал, повисла напряженная тишина. За другими столиками таверны его люди перестали выпивать и трепаться и посмотрели на своего предводителя.

Арчет кивнула.

– Понимаю. Значит, мой господин, будет справедливо сказать, что в этом деле у вас личный интерес.

– Я здесь по заданию Канцелярии Трелейна, – сухо ответил Клитрен. – Чтобы обезопасить Хиронские острова от вторжения войск, уничтожить или задержать всех врагов Лиги, обнаруженных тут. Кстати говоря, я думаю, что пришло время прекратить придворные любезности и заняться делом. Поэтому я спрошу вас еще раз, вежливо, и надеюсь, что на этот раз вы дадите мне прямой ответ, потому что я не хотел бы так рано подвергать допросу благородную пленницу... я вас спрашиваю, где Рингил Эскиат?!

Она взяла бокал с вином и внимательно изучила.

– Где-то на побережье. В поисках могилы, которой, вероятно, не существует. Ваше здоровье.

Клитрен смотрел, как она пьет, и кивал. Он подождал, пока она поставит кубок на стол.

– А вы не могли бы, госпожа моя, выразаться без этой сраной расплывчатости? – Рыцарь-адъютант подался вперед с внезапной свирепой ухмылкой. – Впрочем... в моем распоряжении несколько сотен человек, и, боюсь, «где-то на побережье» – не так много, чтобы их усилий не хватило на все.

Она припрятала оброненный им клочок сведений. Пожала плечами.

– Кажется, «Гибель дракона» ушла отсюда на север.

Клитрен замер, все еще склонившись над столом в ее сторону. Что-то старое и недоброе блеснуло в его глазах.

– Вы не принимаете меня всерьез, госпожа.

– Отнюдь нет, господин Клитрен. В день отплытия Рингила Эскиата я была занята другими делами и не видела, как корабль ушел. – «Ну да, так и было – ты тряслась на своей койке, обхватив себя руками, переживая криновую ломку, от которой казалось, что глаза выпадут из орбит, если пошевелить головой слишком резко». – Но другие видели, и я прикажу им прямо отвечать на ваши вопросы. Я полагаю, они скажут, что «Гибель дракона» уплыла на север вдоль побережья, хотя не могу лично ручаться за этот факт.

– Выходит, вас мало интересует, куда уходят ваши офицеры и чем занимаются?

Она одарила его усталой улыбкой.

– Мы не военная экспедиция, мой господин. Ланатрей вряд ли выдал бы нам разрешение, будь оно так. Мы исследователи и ученые.

– Да. С недавних пор, похоже, еще и мастера пыточных дел.

Она пропустила это мимо ушей.

– Если Рингил Эскиат обманул императорский двор относительно своего статуса в Лиге, то он оказал моему командованию серьезную медвежью услугу, и я не заинтересована защищать его от врагов. Как я уже сказала, думаю, вы найдете его на севере.

Клитрен на мгновение задержал на ней пристальный взгляд. Немногие мужчины могли смотреть ей в глаза так долго и пристально. Затем откинулся на спинку стула.

– Ладно. Сколько с ним людей?

Она виновато взмахнула рукой.

– И снова, мой господин, я не могу ответить точно. Но давайте прикинем: полный экипаж «Гибели дракона», большой отряд имперских морских пехотинцев. Скажем, всего около восьмидесяти? Может, сотня?

Она видела, как он старается скрыть свое беспокойство.

– Слишком много людей, чтобы раскопать могилу, моя госпожа. Что вы ожидали найти – курган, полный мертвых стражей?

Она снова пожалала плечами.

– Для нас это незнакомые края. Мы стараемся не рисковать понапрасну.

– Хм. А эти ваши имперские морпехи, они здравомыслящие люди? Они не станут сопротивляться, если столкнутся с авторитетом Лиги?

Арчет снова сделала глоток, побольше – у дешевого вина был жесткий металлический привкус. Так или иначе, к этому моменту она успела просмотреть те новые карты, что им сдала судьба, и видела лишь один способ, позволяющий их разыграть. Она опустошила кубок и поставила его на стол.

– Не станут, если я им прикажу.

Глава девятая

– Что ты, мать твою, сделала?!

Эгар вышел из себя, но все равно заметил, как Арчет вздрогнула от шипящей ярости в его голосе. Однако она довольно быстро пришла в себя.

– Тебе нужно успокоиться, – сказала она. – Если мы собираемся обернуть дело в свою пользу, надо действовать с умом. Надо все обдумать.

Ну, может быть. Но прямо сейчас он был не в настроении для гребаной стратегии. Он только что провел неприятные полчаса, уговаривая маджаков отказаться от самоубийственной последней битвы вокруг лежащего без сознания Кларна Шенданака. Теперь он стоял на первом этаже гостиницы на улице Лиги с лицом, искаженным от стыда и ярости, наблюдая, как соотечественники без боя отдают смертоносное железо элитным бойцам Клитрена.

«Можно подумать, у тебя был выбор».

Вторжение каперов было тщательно спланировано и завершилось почти идеальной победой. Не считая пары беспорядочных стычек с твердолобыми гвардейцами Трона Вековечного – чьи трупы теперь лежали кучей, утыканные стрелами и арбалетными болтами, на мостовой снаружи, – этот хрен Клитрен одолел имперские силы почти без происшествий.

– Вот я и думаю, – огрызнулся Драконья Погибель, покосившись на Арчет. – Нас выебали в зад, а ты взяла и продала Гила, как бочонок испорченного эля.

– Говори тише.

Она взяла его за руку. Он сердито вырвался.

– Мы должны были это предвидеть, мать твою, должны были предвидеть!

– Как? – Она повернулась к нему лицом, голос ее был тихим и настойчивым. – Войну объявили с бухты-барахты, а флотилия, которую послали вслед за нами, явилась сюда еще до того, как высохли чернила на декларации. Ну скажи мне, Эг, – как такое можно было предвидеть?

Эгар глубоко вздохнул и задержал дыхание. С рычанием прогнал гнев. Это вызвало пару настороженных взглядов со стороны людей Лиги, но вскоре они снова отвернулись, когда увидели, что он не представляет угрозы. Они вернулись к выпивке или карточным играм, или просто завороченно наблюдали за бескровным унижением жутких варваров из Маджакской степи.

– Тебе не стоит слишком беспокоиться о том, что нас могут подслушать, – пробормотал он. – Пиратская мразь вроде этой ни хера не знает тетаннского.

– Да что ты? Клитрен, к твоему сведению, почти наверняка говорит по-тетаннски. Он был достаточно осторожен, чтобы скрыть это от меня, но проговорился, что вырос в Хинерионе, и ему почти наверняка довелось поработать охотником за головами по обе стороны границы. В тех краях невозможно выкрутиться, не зная оба языка. И есть вероятность, что он приволок с собой еще несколько обученных соплеменников из приграничья. Так что говори тише, мать твою.

– Ладно, – напряженно пробормотал он. – Но я все равно не понимаю, каким образом то, что ты продала им Гила, поможет нам.

С глухим лязгом упало что-то тяжелое – очередной маджак швырнул топор и ножи на стол перед оружейником Клитрена. Егерь со знанием дела быстро осмотрел путаницу ножен, ремней и стали, продиктовал сидящему рядом писцу с пером и пергаментом:

– Топор... мачете... пара ножей и... это что такое?... а, понятно – болас с заточенными клинками. Какая прелесть.

Он жестом велел маджаку окунуть палец в чернила и показал, где надо оставить отпечаток на пергаменте. Кивком велел убираться.

– Следующий!

Маджак отвернулся, смерил Эгара злобным обвиняющим взглядом и сплюнул в опилки на полу. Но вышел за дверь достаточно тихо, и охранники повели его к какой-то импровизированной тюрьме, которую люди Клитрена устроили для захваченных рядовых.

«Отлично. Просто охуенно».

– Я не продала Гила, – терпеливо сказала Арчет. – Все, что я сделала, – это сказала Клитрену то, что он все равно смог бы получить от местных примерно за пять минут. Весь город видел, как «Гибель дракона» отплыла на север. Весь город в курсе, что мы здесь делаем. Но хочешь узнать самое интересное?

Он равнодушно фыркнул.

– Ну, конечно. Валяй, рассказывай самое интересное.

– Клитрен уже знал.

– Знал что?

– Знал, что мы заняты раскопками могил. Я сказала ему, что Гил отправился на побережье искать могилу, которой там может и не быть. Он и глазом не моргнул. Он уже знал.

Эгар пожал плечами.

– Значит, у него были передовые разведчики, и они уже переговорили с местными.

– Нет, я так не думаю. Не сходится. Послушай, я верю, что такой человек, как Клитрен, мог затаить злобу, услышать об экспедиции от кого-то из Ланатрея и явиться сюда за Гилом по собственной воле. Я даже могу поверить, что какой-то человек – отец Гила, работорговец или другой обиженный – платит ему за это. Снаряжает его для путешествия. Но гребаная флотилия? Сотни людей? Отправленные на тысячу миль к северу от Трелейна, в то время как назревает битва почти в пятистах милях к югу? Это требует больших ресурсов. Связей. Да, может быть, Клитрен и выбился в командиры, но кто-то в Трелейне сделал так, чтобы это произошло, кто-то с большим рангом и влиянием. И ты понимаешь, что это значит, верно?

Эгар кивнул.

– Здесь есть что искать.

– Да. И они боялись, что мы это найдем.

– Эй, драконоб!

Это был один из сидящих за столом каперов, моложавый головорез с массивной грудью и плечами, с хриплым и протяжным наомским голосом, который разносился далеко. Все разговоры в таверне прекратились. Эгар смерил капера оценивающим взглядом.

– Ты со мной разговариваешь?

– Ага – а че это вы с полуночной сучкой так кипятитесь? Удрать намылились, да? Утри-тесь, придурки, – с вами обоими покончено.

Эгар бросил взгляд на Арчет, скривившись, оставил ее в углу и решительно направился к столу. Услышал пару тихих возгласов зрителей, полных ликования по поводу предстоящей схватки. Все маджаки в зале глядели на него – те, что еще ждали своей очереди разоружиться, беспокойно шуршали и бормотали, вооруженные охранники рядом с ними напряглись. Эгар вперил в капера, который с ним заговорил, суровый взгляд и постучал кончиками пальцев по широкой ленте из красного шелка, обвязанной вокруг его правой руки выше локтя.

– Видишь это? – холодно спросил он у мужчины. – Я и та полуночная сучка, мы оба почетные пленники твоего командира. Так что выбирай выражения, сынок. Иначе, сдается мне, надерет он твою невежественную трюмную задницу так, что покатишься до самой гавани и дальше.

Капер оскалился.

– Да что ты?

– Ага. – Эгар издевательски ухмыльнулся в ответ. – И еще кое-что. Полуночная сучка была моим товарищем по оружию, когда ты еще ссал и срал, присосавшись к материнской

сиське. Если у тебя хватит наглости обнажить сталь, я тебя отшлепаю за неуважение, прямо здесь и сейчас.

Вышло недурно – по всему залу раздался одобрительный смех, в основном от тех же людей, которые предвкушали драку. Лицо капера покрылось пятнами, он схватился за рукоять сабли. Но тут подошел один из егерей Клитрена, сверля головореза взглядом. Схватил его за руку, толкнул назад и что-то прошипел низким и едким тоном. Эгар не расслышал, что именно, однако молодой капер сдুলся как пробитый винный мех. Егерь заставил его разжать хватку на рукояти сабли, опять с презрением толкнул, а потом отпустил. Оглянулся на Эгара и развел руками, извиняясь.

– Он молод, Драконья Погибель, что тут поделать? Давай будем вести себя в рамках приличий, хорошо?

– Меня это устраивает, – солгал Эгар.

Он вернулся к сидящей в темном углу зала Арчет. Постарался говорить тихо, что не соответствовало ни смыслу слов, ни гулкому биению крови в жилах.

– Ну хорошо, и что же мы могли найти такого, отчего они примчались по пятам? Расскажи мне об этом, пожалуйста, потому что ясно как день, что речь не про то дерьмо, которое мы уже раскопали. В тех могилах не было ничего стоящего. Твоего кириатского города в океане нет. А этот двендский Исчезающий Остров оправдывает свое сраное название. Так что же еще тут есть?

– Тут есть меч, – начала она.

– Меч? – повторил он напряженным от недоверия голосом. – Хочешь сказать, мы проделали весь этот путь ради какого-то гребаного меча?

– Просто послушай, Эг.

Он ее выслушал.

Они заняли столик в нише, заказали выпивку для прикрытия и наблюдали, как последние маджаки в очереди сдают оружие. Эгар угрюмо откинулся на спинку стула – не все его чувства были для вида. Вино показалось горьким и железным на вкус. Он едва пригубил его, но чувствовал себя так, словно выпил целую бутылку. Голова кружилась из-за последних четырех часов, и все, что говорила Арчет, казалось бессмыслицей.

– Послушай. – Он уперся руками в стол, пытаясь справиться с головокружением. – Если меч уже у них... если его уже увезли... зачем посылать за нами эту шайку?

– Понятия не имею, – призналась Арчет. – Может, у них проблемы с передачей сведений. Рингил сказал мне, что в Трелейне всем заправляет некая клика, и он думает, что те же самые люди имели дела с двендами. Он считает, что Канцелярия могла и не знать о происходящем. Может, клика послала за мечом, но Канцелярии не сообщили, что он уже у них.

Эгар нахмурился.

– Что-то тут не сходится. Зачем им такое устраивать?

– Ну ладно, может быть, корабль с мечом не вернулся домой. Может, он утонул, и меч лежит на дне океана. Или его прибило к побережью где-нибудь в Пустошах. Это ведь не имеет большого значения, верно? Дело в том, что они здесь и хотят, чтобы Гил...

– Ага, а ты сообщила, где его найти.

– Все, что я сделала, – это выиграла для нас немного времени и получила шанс выпутаться. Мы получили статус почетных пленников, разумную свободу перемещения. А завтра с рассветом Клитрен поднимет паруса и поплывет на север, за Гилом. Чтобы это сделать, он разделит силы, и еще он собирается взять меня с собой.

Эгар бросил на нее скептический взгляд.

– Он тебе такое сказал?

– Ему и не нужно говорить. У него на Гила стояк все равно что палаточный шест.

– Вот счастливчик, – кисло заметил Драконья Погибель. – Но если Клитрен так сильно хочет подраться, я не понимаю, зачем ему брать тебя с собой, чтобы уговорить морских пехотинцев сдаться.

– Ты не видел его лица, когда я назвала ему цифры. – Арчет одарила его мрачной улыбкой. – Эг, мы имеем дело не с каким-то тупоголовым охотником за выкупом. Этот парень добился рыцарского звания и военно-морского командного поста на войне, которой всего девять недель от роду. Он умный говнюк.

– Ага. Достаточно умный, чтобы трахнуть нас всех в зад быстрее, чем мы успеем опомниться.

Она перестала улыбаться.

– Согласна. Мы расслабились, поглупели – в общем, заслужили, чтобы нас вот так поимели. А теперь кончай с этим херовым нытьем и битьем себя в грудь – пора сосредоточиться на том, как выбраться из этой передрыги!

В нем проснулся проблеск прежнего восхищения. Арчет Индаманинармал сидела напротив во всем блеске своей потерятой славы. Эта женщина вытащила его из тюремной камеры, спасла от верной смерти в прошлом году в Ихельтете. Эта женщина взяла на себя командование инженерами в Демларашане, когда появился дракон. Судя по резким жестам, мешкам под глазами и пустому взгляду, она испытывала криновую ломку, но было в ней что-то такое – что-то, свернувшееся в самой сердцевине, – что он позволил бы ей защищать свою спину в пешем бою со степными упырями не задумываясь.

Он прочистил горло. Кивнул.

– Я все еще слушаю.

– Славно. – Может, подруга заметила в нем перемену. Она наклонилась чуть ближе. – Клитрен вырос на границе, так что он кое-что знает об имперской морской пехоте. И он, вероятно, видел их в действии во время войны. В конечном итоге он не захочет ввязываться в драку с ними, если сможет этого избежать. Так что он возьмет меня с собой, но прихватит немало своих дружков-пиратов, на всякий случай. Он оставит здесь огрызок войска, потому что считает эту битву выигранной. И тогда у вас с Раканом появится возможность доказать, что он ошибается.

Арчет откинулась на спинку стула. Он продолжал смотреть на нее.

– Ты все это придумала во время разговора с этим Клитреном? По ходу дела, пока вы с ним еще беседовали?

– Более-менее, да. – Она потерла глаз полусогнутым пальцем. Шмыгнула носом. – А что?

– Ничего, просто, э-э...

– А, понятно. Думаешь, я все усложняю? – Она устало ему улыбнулась. – Попробуй провести сто пятьдесят лет при дворе ихельтетского императора.

Эгар украдкой оглядел комнату. Теперь, когда разоружение маджаков было закончено, они привлекли больше внимания со стороны победоносных каперов, собравшихся в зале таверны. Но все сводилось к бормотанию и задумчивым взглядам, и стоило кому-то заметить, как он смотрит, они исчезали без следа. Никто не подслушивал, да и не мог подслушивать, насколько Эгар мог судить.

– Ну допустим, мы с юным Нойалом переиграем тут все по нашим правилам. Что дальше?

– Дальше вы быстренько уберетесь из Орнли. Заберете «Гордость» и «Дочь орлана», все прочее в гавани сожжете до ватерлинии. Скажете Шанте, чтобы удирал на юг под всеми парусами. Пропустите Ланатрей и вообще все, что больше деревни, которую можно запугать. Поскорей пополните запасы провианта, а потом обогнете мыс Джерджис по широкой дуге. Если там есть кордон Лиги, он будет держаться ближе к побережью, так что вы проскользнете мимо без особого труда.

– А ты?

– Обо мне не беспокойся.

– Я же твой сраный телохранитель, Арчиди.

Она улыбнулась и ненадолго склонила голову, словно выражая почтение – только вот он не понял, чему. Потом полукровка снова посмотрела на маджака, и ее лицо сделалось каменным.

– Послушай, Эг, – тихо проговорила она. – Может быть, вся эта история с мечом – в точности такой же суеверный бред сивой кобылы, как Иллракский Подменыш и Исчезающий Остров. Но если нет... если этот меч – на самом деле некий талисман, позволяющий двендам вернуться, то Империя должна знать, что грядет. А это значит, что ты должен отправиться домой, со мной или без меня.

Эгар покачал головой.

– Империя уже вступила в войну. И если Джирал не ждет, что двенды заявятся на пир, то он еще более бесполезный дровича, чем я думал. Он ведь за последние два года получил уже кучу предупреждений.

– Дело не в...

Он перебил:

– Мы все должны вернуться домой, Арчиди. Включая тебя. Срал я на Империю, я ей уже десять лет не служу. Но я поклялся тебя беречь, и эта клятва все еще в силе. На самом деле, твое мнение тут неважно.

– Я спасла тебе жизнь в прошлом году, – напомнила она.

– Ага, и это, конечно, заставит меня бросить тебя здесь, на вражеской территории, и удрать с остальными на юг. Забудь, я не...

Дверь таверны распахнулась и захлопнулась от порыва ветра. В комнату ворвался холодный воздух. В дверном проеме маячил Клитрен Хинерионский с телохранителями за спиной. Ни шлема, ни кольчуги, но один длинный меч выглядывал у него из-за плеча, а другой висел в ножнах на поясе.

– Ну вот, пожалуйста, – пробормотала Арчет.

Рыцарь-адъютант, несомненно, их заметил, но в том, как он скользнул взглядом по залу, это не ощущалось. Он направился поговорить со своими егерями. Какое-то время мужчины тыкали пальцами в сваленное кучей оружие маджаков и обменивались замечаниями – судя по всему, шутливыми.

– Полегче, Эг.

– Ну да, ну да. – Он сделал над собой усилие, стер с лица всякое выражение. Демонстративно отпил вина и устроился поудобнее. – Всё под контролем.

В конце концов Клитрен решил уделить им внимание.

Он подошел к их столику один, бросив телохранителей на произвол судьбы у барной стойки. Раскинув руки, излучая добродушное веселье, с радостной улыбкой на лице. Легкая победа явно пробудила в нем открытость.

– Ты, значит, Драконья Погибель, – провозгласил он. – Сидишь тут прямо во плоти, мать твою! Я ушам своим не поверил, когда мне про тебя рассказали. Наверное, маловато таких, как ты, еще топчет землю, а?

Эгар хмыкнул в свой кубок.

Клитрен, похоже, счел это за приглашение. Вытащил табурет из-под незанятой части стола. Сел с удовлетворенным вздохом ремесленника в конце долгого рабочего дня. Дружелюбно перевел взгляд с Эгара на Арчет и обратно.

– Конечно, в свое время я и сам сражался с рептилиями. Хинерион, Балдаран, такие дела. В пятьдесят первом в Хинерионе были расквартированы кое-какие маджакские отряды.

– Без меня.

– Да, пожалуй, тебя там не было. – Клитрен взял бутылку вина, сделал большой глоток и поставил ее на стол. С явным удовольствием вытер рот. – В любом случае, для меня большая честь познакомиться с тобой, Драконья Погибель. Жаль только, что при таких обстоятельствах. И спасибо, что уговорил собратьев сдаться. Это был умный ход, который избавил нас от большого кровопролития.

Эгар уставился куда-то в пустоту.

– Не стоит благодарности.

– Ну, в противном случае мы бы вас раздавили, как шлюха весом в двадцать стоунов². Никто такого не хочет, да?

– Не знаю, – сказал Драконья Погибель, все еще не до конца стиснув зубы. – Никогда не был со шлюхой весом в двадцать стоунов – наверное, это был бы интересный опыт.

– Мы все стремимся избежать кровопролития, – поспешно сказала Арчет. – Мы, как я уже говорила, не военная экспедиция. Могу ли я спросить, какие распоряжения вы приняли относительно интернирования наших людей?

Клитрен переключил внимание на полукровку, сидящую напротив. На его губах играла легкая улыбка, которая совсем не понравилась Эгару.

– С теми, кто сдался, будут обращаться хорошо, моя госпожа. Но похоже, что горстка ваших гвардейцев вместе с капитаном захватили оружие и небольшую лодку и уплыли куда-то вдоль побережья. Их, разумеется, казнят, если захватят живыми. В этом случае я не могу позволить никакой пощады.

– Конечно.

Эгар отметил про себя, что у нее получилось произнести это ровным голосом.

«Значит, придется вычесть молодого Нойала из всех планов, какие мы пока что сочинили. Хитрый засранец, жаль, что мне такое в голову не пришло».

– Что касается наемников Менита Танда, – продолжил Клитрен, – довольно многие захотели перейти на нашу сторону, если им предложат хорошие деньги. Но это должны решать мои хозяева в Трелейне. Пока что тюремное заключение будет соответствовать рангу и положению.

Арчет кивнула:

– Да, это справедливо. Спасибо.

– Что касается вас, то я бы хотел, чтобы вы оба явились в гавань завтра на рассвете. «Владыка соленого ветра» сейчас у причала, пополняет припасы и будет готов отплыть с первой зарей.

– Оба? – Теперь в ее голосе зазвучали осторожные нотки.

– Да, я намерен доставить вас в Трелейн со всей возможной скоростью, вместе с другими пленными. Со всем, что касается выкупа и допроса, разберутся соответствующие власти по прибытии. Боюсь, я не смогу сопровождать вас лично.

– Трелейн?! Но...

Эгар увидел, как она с трудом подавила смятение. Как вновь пустила в ход любезный голос и придворные манеры.

– Мой господин Клитрен, я поняла, что вам нужна моя помощь в переговорах о капитуляции с морскими пехотинцами, сопровождающими Рингила Эскиата на побережье.

– В самом деле? – Клитрен ухмыльнулся. «Он знает, мать твою, знает...» – Простите, госпожа, за это маленькое недоразумение. Я не собираюсь отправляться на поиски разбойника Эскиата – это ведь, как ни крути, повлекло бы за собой разделение моих сил, в то время как враг еще на свободе. Тактически неразумно, особенно теперь, когда я обременен пленниками, большинство из которых – хитрые профессиональные солдаты. Не так ли, Драконья Погибель?

² 20 стоунов – 127 кг.

Эгар взял бутылку и всецело сосредоточился на том, чтобы наполнить свой кубок до краев.

– Я бы сказал, что ты слишком беспокоишься о людях, которых уже разоружил.

– Ну, тогда мы расходимся во мнениях. – Рыцарь-адъютант фыркнул, но не выказал никаких признаков утраты хорошего настроения. – Так или иначе, у меня есть достоверные сведения от одного из местных, согласно которым Рингил Эскиат очень скоро вернется. Оказывается, могила, которую он отправился грабить, совсем недалеко отсюда. Вы забыли упомянуть про эту деталь, моя госпожа.

– Тонкости, милорд. – Арчет тщательно изображала безразличие. – Как я уже говорила...

– Да-да, помню. Вы не военная экспедиция, детали вас не заботят, а Рингил Эскиат отправился, хм, дайте подумать... на север. – Улыбка Клитрена сделалась чуть жестче. – Но похоже, он не ушел далеко на север, так что, я думаю, засада здесь, в Орнли, сослужит мне лучшую службу, чем охота на него вдоль побережья. И, разумеется, столь почтенным пленникам, как вы, лучше не иметь с этим ничего общего.

– Господин, без моего присутствия... – Арчет откашлялась. – Ну, я не уверена, что можно ожидать от морпехов капитуляции, даже если они окажутся в засаде.

– Что ж, тогда они умрут. – Тон Клитрена внезапно помрачнел, его улыбка исчезла. – Мои люди займут высоту и укрытия, а я закрою гавань снаружи, как только войдет корабль Эскиата. Им предложат сдаться – один раз. Если отряд имперских морских пехотинцев не узрит, что им предназначено, тогда я не стану их жалеть. Мы же, в конце концов, воюем.

Эгар и Арчет сидели молча, осознавая услышанное.

И в тишине Клитрен протянул длинную руку к бутылке, чтобы долить себе вина.

Глава десятая

Весь день и всю ночь они ждали появления Рингила Эскиата.

Все были проинструктированы, каждый знал свое место. Военный корабль Лиги «Обагрённая пустошь Мэйн» спокойно стоял у причала в качестве приманки, в то время как «Звезда Джерджиса» и «Оскал Хойрана» заняли сторожевые позиции в точках на севере и юге вдоль близлежащего побережья. Каперы сидели в засаде в гавани и по всему берегу бухты. Дозорные отправились на возвышенности по обе стороны от входа в нее, а также в сторожевую башню на мысе Дако. Некоторых морпехов-пленников держали в подвалах вблизи от пристани, чтобы по первому сигналу вытащить и использовать для торга или просто в качестве щитов. Клитрен сидел за столиком в зале постоянного двора на улице Лиги, играл сам с собой в кости и ждал вестей.

Местные жители спрятались по домам. Орнли затаил дыхание.

Каперы были уверены в успехе – они умели сидеть тихо. Это была часть их ремесла: ждать, вглядываясь в дымку на горизонте в поисках признаков вражеских судов или перемены погоды. Иногда ждать приходилось целыми днями, и ничто не нарушало монотонности, кроме мягкого покачивания корабля на волнах. В таком деле приходилось учиться терпению, и никак иначе. Нет никакой добавочной выгоды в том, чтобы накручивать себя раньше времени. Битва, шторм – и то и другое скоро тебя настигнет. Лучше насладиться тихими часами бездействия, вдыхая их, словно дым в курильне, – ведь в конечном итоге окажется, что их было довольно-таки мало, но зато они принадлежали тебе одному.

А вот горожане были настроены не так оптимистично. Может, какой-нибудь солдатик и мог позволить себе весь день только и делать, что почесывать зад, но, чтобы выжить на Хиронских островах, следовало трудиться. Местные вставали с рассветом или раньше и уходили в море забрасывать сети или в окрестные холмы пасти скот. Нужно было возводить стены из камней без раствора, проверять, не поразила ли урожай какая-нибудь болезнь, отгонять ворон и чаек, в конечном итоге – собирать этот самый урожай; обновлять или ремонтировать заборы после штормов, копать, резать и складывать для просушки торф. Чинить сети, чистить борта от ракушек, оттирать и смолить; потрошить и чистить рыбу, солить, паковать, заниматься коптильной. Эти проклятые мастера меча хоть задумывались о том, как еда попадает к ним в тарелки, как загорается в камине огонь, прогоняющий холод? Слава Темной Королеве, что обещанный после войны гарнизон так и не появился – если это все, на что они годятся...

Часы едва тащились друг за дружкой, точно престарелые мулы, нагруженные ожиданием сверх всякой меры, – шаг за шагом, очень медленно. Ближе к вечеру к Клитрену явились посланцы и сообщили, что они не могут сидеть так бесконечно – когда он рассчитывает завершить свое дело? Козы на Китобойном холме сами себя не подоят, знаете ли...

В этот самый миг рыцарь-адъютант поднял глаза на маленькую кучку горожан и одарил их слабой улыбкой, от которой у бедолаг пересохло в горле. Он подождал пару секунд, а потом – убедившись, что больше жалоб не последует, – кивнул. Два капера вышли из углов комнаты и выставили посланцев на улицу, где они принялись ожесточенно винить в случившемся друг друга.

Клитрен понаблюдал за ними, пока дверь таверны не захлопнулась, и вернулся к своим костям. Собирал их в чашку и бросал на изрезанную столешницу с сухим треском. Изучал грани, которыми поворачивались к нему потерянные кубики.

И опять собирал, опять бросал.

– Он придет, Венж, – бормотал он, как говорили некоторые позже. – Тебе недолго осталось ждать, приятель.

С кем бы он ни разговаривал, похоже, ему суждено было испытать разочарование. День превратился в вечер, и тусклый серый свет перешел во тьму, но ни разбойник, ни его корабль так и не появились. Вдоль стены гавани и на пристани зажглись обычные лампы, ожидающие каперы почесывали затекшие конечности, ругались и настраивались еще немного подождать.

– Длинная будет ночь, мать ее... – проворчал кто-то на стене, и в ответ раздался смех товарищей по дежурству.

– Думаю, оно того стоит, – крикнул кто-то еще. – Я был на побережье Раджала во время войны и видел, как сражался Рингил Эскиат. Никогда не видел ничего подобного, ни до, ни после. Он был как гребаный маньяк. Если мы его этой ночью одолеем, у любого из нас будет такая история, за которую любая даст до конца его дней.

Опять смех, на этот раз перемежающийся непристойными комментариями.

– Ага, или он станет пищей для псов, – ухмыльнулся седой и тучный капер, сидевший спиной к стене, раскинув ноги, в паре ярдов от первого говорившего. – А душа его с воплями умчится в преисподнюю.

И он угрюмо ткнул кончиком своего смертоносного ножа в щель между двумя плитами стены гавани, на которых сидел. Смех вокруг немного затих. Кто-то бросил на него пристальный взгляд. Несколько человек отодвинулись от стены, чтобы лучше его рассмотреть.

– Ты чего сказал?

Седой поднял глаза и увидел, что у него появились слушатели.

– Ну да, точно, – проговорил он. – Я ничегошеньки не знаю про побережье Раджала, но до того, как мне досталась эта работа, я был вышибалой у Слаба Финдрича в Трелейне...

– У этого говнюка-рабовладельца? – Молодой капер харкнул и сплюнул.

– Ебать, ты прав – у говнюка-рабовладельца. Который платит хорошим парням вдвое больше средней цены в Эттеркале.

– Сколько же он заплатил тебе?

Кто-то загоготал. Где-то в отдалении сержант рявкнул, призывая к тишине.

– Смейтесь, смейтесь. – Тучный капер нахмурился и еще сильнее ударил кинжалом. Кончик лезвия издал тихий скрежет, от которого заныли зубы. – Я был в Эттеркале в прошлом году, когда туда заглянул Рингил Эскиат и Финдрич назначил награду за его голову. Я видел, что осталось от братьев Силета, когда их наконец-то нашли.

При упоминании этого имени насмешки утихли. Все знали эту историю в той или иной версии. Любители трактирных бак не переставали ее рассказывать с того самого дня, как появилось известие. Матери в портовых трущобах теперь говорили, желая приструнить непослушных маленьких сыновей: «Веди себя прилично, или ночью за тобой придет Рингил Эскиат и уделает, как братьев Силета».

Капер глянул на товарищей с безрадостной улыбкой и кивнул.

– Слаба Финдрича вырвало, когда он увидел останки. Я был рядом с ним. И вот что скажу бесплатно: ни один человек на такое не способен.

– Да брось ты, – усмехнулся кто-то. – Он что, демон, этот Эскиат? Можно подумать, в портовых трущобах не найдется с полсотни шлюх и неудачников, готовых точно так же разделить Силета, дай только шанс.

– Но их не разделали. – *Скри-и-и-и-и-и, скри-и-и-и-и.* Острие ножа двигалось вдоль щели между плитами, играя на нервах слушателей. – Это был не клинок – следы остались совсем другие.

Тишина. Свет фонарей исчертил черные воды гавани тонкими линиями. Со стороны моря раздался еле слышный звук – быть может, далекий гром.

Кто-то прочистил горло.

– Послушайте...

– Он просто человек, – отрезал капер, который заявлял, будто сражался на побережье Раджала. – Быстро управляется с клинком и совсем не боится умереть. Видал я такое не раз.

Тучный рассказчик нахмурился.

– Это ты так думаешь. Может, при Раджале он еще был человеком, но ни один человек не мог...

– Ты! – Сержант, устав от громких разговоров, встал и решительным шагом прошел вдоль строя. – Да, ты – толстяк. Заткнись на хрен, пока я не спустил твой жирный зад в подвал к пленникам.

Остальные каперы разволновались – рябь фыркающего смеха прошла вдоль стены гавани. Сержант накинута на них.

– Это касается любого, кто думает, что все это – одна большая, мать ее, шутка. А ну кончайте с этой хуйней. Называете себя вояками? Вы в дозоре, все до единого, а не в таверне с рябыми сестрицами в обнимку.

Смех резко оборвался. Сержант окинул взглядом весь строй, тщательно выбирая слова для удара.

– Когда этот бандит, этот пидор гнойный, прокрадется ночью в гавань, я хочу, чтобы на стене его встретили мужчины, а не стайка сраных торговцев рыбой. Я понятно выражаюсь?

Судя по наступившей тишине, выразался он более чем понятно.

Тем не менее он постоял еще немного, словно бросая вызов любому, кто хотел возразить. Когда никто этот вызов не принял, он, очевидно, счел тему исчерпанной и направился обратно на свой пост. Вслед за ним змеей вилося бормотание, но оно было приглушенным, и довольно долго вдоль стены гавани не было слышно никаких разговоров.

Каперы снова принялись ждать.

Но единственным, что прокралось в гавань с наступлением ночи, был густой, низко лежащий морской туман, который застилал зрение, заглушал звуки и пронизывал их до костей.

– Я знаю, вы ничего не видите и не можете управлять кораблем, – терпеливо сказал Рингил. – Вам и не нужно. Корабль будет сам двигаться туда, куда надо.

Не совсем точно, но настолько близко к истине, насколько ему хотелось. Если бы Гил сказал капитану и команде, что *на самом деле* протащит «Гибель дракона» через туман, на борту, скорее всего, взбунтовались бы все до единого.

Это дельце для мастера меча и колдуна оказалось сложнее, чем можно было ожидать.

Взять, к примеру, Лала Ньяна. Прямо сейчас он стоял на шканцах, хмурая красивое аристократическое лицо и качая головой. Факелы, закрепленные на ограждении палубы, давали мерцающий желтый свет, который позволял различить лишь общие очертания. Внизу, на главной палубе, туман клубился и полз будто живой. Вокруг них и наверху он обвивал мачты, вплетая пальцы-завитки в такелаж.

– Но ведь это... – Ньяна слабо махнул рукой. – Это неестественный туман.

Рингил велел себе успокоиться.

– Конечно, неестественный – вы же видели, как я его призвал, не так ли? А теперь, пожалуйста, мы можем сдвинуться с места, пока он не рассеялся?

– Ты подвергаешь опасности все наши души своим северным колдовством, Эскиат.

– О, я вас умоляю...

– Думаю, – сухо проговорил Сенгер Хальд, – что господин Рингил сейчас больше всего озабочен нашим текущим благополучием. С чем я должен согласиться. У нас будет достаточно времени, чтобы позаботиться о спасении своих бессмертных душ, как только мы спасем свои смертные шкуры.

Рингил скрыл удивление.

– Спасибо, командир. Должен сказать, вы прекрасно изложили суть дела. Капитан?

Вид у Ньянара сделался такой, словно его предали. Хальд был, пожалуй, его единственным подлинным товарищем в экспедиции. Они оба попали в эту компанию по чистой случайности. Оба оказались свидетелями прибытия Кормчего Анашарала, когда выполняли совершенно рутинные обязанности, и поэтому в интересах сохранения тайны поисков, которую следовало доверить как можно меньшему числу людей, оба были немедленно прикомандированы к этой миссии под командованием Арчет.

Но это еще не всё: они были одной *породы*. Оба родились и выросли в Ихельтете, происходили из знатных родов – Хальд, возможно, не мог похвастать ошеломляющим богатством клана Ньянар, но его собственная семья, как и в случае большинства потомственных имперских командиров, имела безупречную родословную – и довольствовались умеренным карьерным успехом, который позволял держаться ближе к дому. Во время войны оба принимали участие лишь в малозначимых операциях. И раньше не покидали пределов Империи.

Теперь они очутились здесь, на окутанном туманами внешнем краю мира, оставив в трех тысячах миль за кормой выжженный солнцем Ихельтет, где все было таким понятным, – и внезапно Хальд нарушил субординацию. Купился на языческое колдовство и темные северные силы, к которым оно взывало. Отбросил рассудительные догматы Откровения и доверился нечестивой чужой вере. Хуже того, при них не было назначенного Цитаделью надзирателя, чтобы уравновесить силы – Джирал без проволочек покончил с этим обычаем, едва события в Афа'мараге предоставили ему козырь. Дворец, объявил он, *даже помыслить не смеет* о том, чтобы лишить Учителей ценных слугителей веры, когда те, *вне всяких сомнений*, потребуются дома, для помощи с чистками; северной экспедиции придется волей-неволей положиться на личное благочестие и моральный дух своих членов, не прибегая к поддержке духовенства, как, впрочем, и всем остальным морским и сухопутным подразделениям, по крайней мере до тех пор, пока не минует этот подорвавший основы кризис. Нет, долой эти излишества пастырской заботы – они выглядят трогательно, и все же его императорское сиятельство *настаивает*.

Никаких надзирателей, никаких четких моральных ориентиров, никакой рабочей субординации. Единственный жизнеспособный образец для подражания щеголяет шрамом на физиономии, трахать предпочитает мужчин, а по пятам за ним следуют неназываемые демоны.

Стоило пожалеть Ньянара, который увяз во всем этом не по своей вине и не мог просто взять и отправиться домой.

«Нет, стоит надрать ему зад, чтобы пошевеливался».

– Ну что, капитан? Мы пришли к согласию?

Ньянар перевел взгляд с Рингила на Хальда и обратно, поджав губы, словно ему только что подали блюдо с крестьянской кашей. Повернулся спиной к ним и уставился в туман.

– Ладно, – рявкнул он. – Санат, поднимай якорь, ставь паруса. Идем вдоль берега.

– Слушаюсь, капитан. – Санат, первый помощник, выкрикнул привычные команды, которые прокатились по всей длине корабля. – Поднять якорь! Ставь паруса!

Его призыв подхватили, он словно эхо повторился на всех палубах. Матросы зашевелились в такелаже, едва различимые, и сверху упали парусиновые полотнища. Они готовились идти вдоль берега – всё, как приказал капитан. С носа донеслось ритмичное пыхтение и скрип мокрой веревки по дереву: там поднимали якорь.

«Гибель дракона» сдвинулась и заскользила по волнам. Движение корабля сделалось целенаправленным.

Рингил немного расслабился. Некоторое время назад он подумал, что наступил критический момент. Ему не в первый раз пришла в голову мысль: а действительно ли магия, приобретенная под покровительством Хыла, стоила потраченных на нее усилий?

Ведь, в конце концов, какой смысл в том, чтобы издеваться над самим собой, призывая полезный колдовской туман, если люди не хотят погрузиться в него следом за тобой?

Они все видели, как он поднял руки к небу и исказил лицо, словно безумец на рыночной площади, предрекающий конец света. Группа матросов, не занятых другими делами, собралась на главной палубе внизу, чтобы поглазеть. Они слышали его гортанное бормотание, видели узоры, которые он рисовал в воздухе растопыренными пальцами. Наверное, они и сами что-то бормотали себе под нос, хватаясь за свои драгоценные обереги, но он в тот момент был слишком погружен в свое занятие, чтобы это заметить. Он был слишком занят, сосредоточив все внимание на глифах, которые творил, потому что иначе ничего бы не сработало.

«Ты должен выводить символы в воздухе, как писец, – говорит ему Хыл на холодном каменистом берегу, где-то вблизи от границы Серых Краев. – Сам воздух – это пергамент, который неустанно читают силы, ожидающие чьего-то приказа. Но подобные силы могут прочитать лишь то, что написано ясно, они способны отвечать лишь на четко выраженные команды. Просчитаешься с заклинанием – будешь ничем не лучше неряшливого писца, который кляксами покрывает написанное или пишет неразборчиво. Ошибешься – и ответа не будет.

А теперь попытайся еще раз».

И вот так проходят дни.

Одно унылое раннее утро сменяет другое, и они снова и снова идут к берегу с холодных, поросших жесткой травой дюн, где расположилась цыганская банда Хыла; стоят там день за днем лицом к лицу с океаном как с врагом, хватают воздух скрюченными пальцами, скрежещущим шепотом повторяют заученные строки многосложных слов, пока не пересохнет в горле. На это уходят дни, и даже ночные ласки Хыла под сенью шатра не могут унять пробуждающегося в нем нетерпеливого разочарования.

Но наконец однажды утром он спускается на берег в странном, опустошенном состоянии. Он идет один – Хыл переворачивается под одеялом, когда он встает, что-то бормочет себе под нос, не открывая глаз, – и стоит там, на берегу, и произносит заклинание, и на этот раз все делает правильно.

С моря накатывает туман, стирая все вокруг, окутывая его влажными серыми объятиями.

Теперь, на борту «Гибели дракона», все получилось без труда. Его глотка давно привыкла к резким звукам, которые надо было издавать, его пальцы от практики стали гибкими. И какие бы стихийные силы ни таились в бухтах и проливах Хиронских островов, на этот раз они бросились выполнять его приказы. Он ощутил, как они поднимаются над темной поверхностью океана, словно холодный пар, льются из оврагов и пещер в древних утесах вдоль берега, кружат возле стоящего на якоре судна в прерывистом свете Ленты, точно любопытные волки, время от времени бросаются вперед, чтобы прогуляться по палубам, оставаясь незамеченными людским взглядом, потревожить пламя какого-нибудь факела или пронестись мимо матросов с диким нечеловеческим весельем, оставив после себя краткое прикосновение холодных усиков-пальцев и мурашки, бегущие по спине.

Он почувствовал, как они собираются позади на шканцах.

Он почувствовал, как они дышат в затылок.

Он сгреб их холодное дыхание и закутался в него, словно в плащ, впустил в себя. Улыбнулся, ощутив внутри прикосновение *икинри'ска*: похоже на боевой наркотик, дарующий ледяное спокойствие.

Он услышал словно во сне, как дозорный кричит с мачты, предупреждая о тумане, который уже нахлынул и обволок их со всех сторон.

Слоги *икинри'ска* замерли у него в горле, умчались обратно в свои тайные убежища – их дело было сделано. Мускулы на его щеках и подбородке расслабились, обмякшие руки опустились. Ноющие пальцы повисли не шевелясь, а глаза – он и не осознал, что закрыл их, – внезапно распахнулись, и оказалось, что он смотрит в лицо Сенгеру Хальду.

Командир морской пехоты заметно вздрогнул в свете факелов.

И отвернулся.

«Гибель дракона» на удивление быстро прошла вдоль берега, как будто те же самые стихийные силы, которые принесли туман, теперь прильнули к мачтам и наполнили своим дыханием осмотрительно натянутый холст. Как будто они жаждали увидеть, как корабль доберется до места. Раз или два рулевой заметил, что ему кажется, будто нечто тащит корпус вперед. Но они шли на благоразумном расстоянии в пять фатомов от берега, и когда Ньянар бросил на Рингила вопросительный взгляд, тот лишь пожал плечами.

Время от времени на левом крамболе³ они слышали рокот крадущегося шторма. Но доносящийся с востока звук был слабым и далеким, и ничто не свидетельствовало о том, что стихия движется в их направлении.

«Это тебе не мелкая ворожба, – предупреждает Хьил, когда ему наконец удастся справиться с магией. – Духи стихий капризны, и их размах велик. Дай им волю, и нигде не скроешься от озорства. Попробуй об этом не слишком переживать – такова цена, которую нельзя не заплатить. Фокус в том, чтобы они исполнили твою волю в непосредственной близости от тебя. То, какой хаос они посеют где-то еще, тебя не касается».

Рингил пожимает плечами.

«Это не очень отличается от большинства людей, которыми я командовал».

Однако он всю ночь стоял настороже, внимательно прислушиваясь к шторму, готовый обрушить икинри'ска на головы стихийным духам, если те обнаглеют.

Туман держался. Шторм оставался в отдалении. Рингил слышал, как он исчезает, устремляясь на юго-восток, делаясь проблемой какого-то другого корабля.

Они добрались до гавани Орнли с первыми лучами холодной бледной зари.

³ На левом крамболе – слева по носу, по условной линии, проходящей через крамбол (брус, перпендикулярно прикрепленный к скуле парусного судна, имеющий на конце шкив для подъема якоря на высоту палубы).

Глава одиннадцатая

– Арчет? Арчет?

В голове у полукровки расплзалась тупая пульсирующая тяжесть, которую она приняла за криновую ломку. Она застонала и дернулась, радуясь, что снаружи все еще темно. Или, по крайней мере, почти темно – какие-то проблески света все же проникли внутрь и коснулись ее век, но недостаточно сильно, чтобы заставить их открыться. Тяжелая рука Ишгрим лежала поперек ее груди и не сдвинулась, когда Арчет пошевелилась. Никаких сюрпризов – северянка обычно накачивалась вином или фландрейном с приходом ночи или просто пьянела от неустанных ласк Арчет – *еще раз, хозяйка, возьми меня еще раз*, неистовый шепот, прижатое к подушкам тело, расслабленная от послевкусия страсти улыбка – все это пробуждало в сонной полукровке новый прилив возбуждения, хоть та и не подозревала, что способна на него, – пока не приходил сон и не захватывал Ишгрим словно хищный зверь. После этого она либо содрогалась от ночных кошмаров, либо спала как убитая, и можно было только гадать, какой будет очередная ночь. Но утром...

– Арчет!

Судя по голосу, это был Драконья Погибель – готовый в любой момент высадить дверь и ворваться в ее спальню. Ну конечно, ему только повод дай пустить слюни, пялясь на формы Ишгрим. Арчет почувствовала, как на губах заиграла самодовольная собственническая улыбка. Протянула руку, чтобы взять пальцы девушки в свои. Попыталась вспомнить, что же они учудили прошлой ночью, потому что у нее болело в таких местах...

Воспоминания обрушились с грохотом, как ставни, которые захлопнул внезапный...

«Шторм».

Она нащупала кисть тяжелой руки. Взвизгнула от омерзения и поспешно отпустила. Это были толстые и тупые холодные пальцы трупа...

Шторм.

Она проснулась от его внезапной ярости, когда ее небрежно выкинуло из койки на борту «Владыки соленого ветра» – палуба сильно накренилась, и дверь каюты распахнулась, вырвав хлипкий замок.

Спотыкаясь, Арчет выбралась наружу, обрадованная тем, что прикорнула на койке, не раздеваясь и даже не сняв сапоги. В лицо ей хлестнуло дождем и брызгами волн, ноги заскользили по мокрой палубе – вокруг туда-сюда носились и орали матросы, – а потом над головой раздался такой звук, словно небо треснуло пополам. Неистовая качка и крен корабля, вздымающийся океан, озаренный припадочными вспышками молний, словно какой-то громадный разъяренный зверь, разминающий конечности, готовый распрямить горбатую спину...

Полукровка открыла глаза.

Она лежала навзничь на неподатливом камне, ее руки были закинута за голову и казались странно тяжелыми. Из пространства откуда-то между ее ступнями изливался бледный свет.

Дозорные кричали... «Владыка соленого ветра» неуклюже качался на волнах, как свинья в грязи; завеса дождя и брызг внезапно разделилась, когда их понесло вбок – берег надвинулся как кавалерийский отряд... Какая-то бухта, зазубренные скалы в воде, словно клыки на нижней челюсти, и достигающий небес всплеск прибоя точно вереница гейзеров, жуткий рев в ушах...

Мучительный стон, удар.

Ее оторвало от перил трапа, швырнуло куда-то в дождь и грозу.

Она полетела совсем как в волшебной сказке.

Арчет лежала вниз головой.

Сны об Ишgrim, воспоминания о шторме – все разлетелось на куски, когда полукровка проснулась по-настоящему. Тяжесть в голове породил не кринзанц и не его отсутствие – там кровь собралась, пока Арчет висела вверх тормашками в каком-то сыром и узком, пахнущем солью пространстве. Спинай она ощущала холодный плоский камень, вокруг слышалось эхо падающих капель, а на груди у нее покоился мертвец. Свет между ее ступней светил не снизу вверх, а, наоборот, лился откуда-то в ее сторону.

– Арчет?!

– Я здесь!

Но у нее вышел сдавленный крик, едва ли громче стука капель и шума крови в ушах. Она изогнулась, насколько позволял навалившийся труп, закашлялась и сплюнула в сторону, прочистила горло и попыталась завопить еще раз, как надо.

– Эг! Сюда!!!

Труп на груди давил, вынуждая вернуться в прежнее положение. Ее голова и плечи висели в пустоте, но, кажется, остальная часть тела лежала на твердом камне, пусть и перевернутая под чудовищным углом. Она выпростала руку, потянулась в сторону, вверх, коснулась скользкой влажной скалы – нет, не выйдет, уцепиться не за что, даже если бы не приходилось сражаться с тяжестью мертвеца. А ее ступни, как оказалось, в чем-то накрепко запутались и онемели внутри сапог. Кажется, они с трупом свалились головой вниз, обнявшись, в какую-то расселину с крутым склоном, и то, в чем запутались их ноги, удержало обоих на самом краю обрыва от падения в погруженное во тьму пространство внизу.

– Арчет?

– Эг! – Теперь ее голос окреп. – Да, я внизу! Я застряла! Какие-то обломки или...

Что-то украдкой шевельнулось во тьме ниже ее опущенной головы.

«Твою мать!»

Она содрогнулась, попыталась подняться всем телом, и на этот раз благодаря силе страха ей удалось сдвинуть труп с собственной груди. Она извивалась, тщетно пытаясь отыскать на гладком камне хоть какие-то выступы, чтобы за них уцепиться. Вытянув шею, вгляделась в слабый свет над подошвами сапог и опять закричала:

– Эг! Эгар!!!

Никаких сомнений – внизу что-то двигалось и оттуда доносились такие звуки, словно нищий обсасывал найденные на помойке кости.

Собрав все силы, она резко согнулась и оттолкнула локтем болтающийся рядом труп. В полумраке обмякшее, скорбное лицо покойника дрогнуло, как будто удар его оскорбил.

– Эг!!!

– Арчет! – Свет погас, и его рокошующий голос понесся вниз, в расселину. – Вот ты где. Ты запуталась в снастях бушприта. Нам придется расчистить...

– Забудь про это дерьмо, Эг! – Теперь в ее голосе звучала настоящая паника. На мгновение в памяти вспыхнул образ: ханлиагские осьминоги Джирала разрывают осужденного на части в Палате разоблаченных секретов. Она опять согнулась пополам, чувствуя, как от напряжения едва не рвутся мышцы живота. – Вытащи меня на хрен! Здесь что-то есть!!!

Сосуший звук становился все громче и ближе.

Сверху раздались крики, и кричал не один человек. Что-то затрещало, треск повторился, и внезапно Арчет рывком поднялась по каменному склону на фут. Труп поднялся вместе с нею, и она услышала доносящееся сверху пыхтение.

– Он мертв! – отчаянно закричала полукровка. – Второй парень мертв. Отрежьте его!

Эгар что-то проскрежетал сквозь зубы, она не расслышала ни слова. Они протаскили ее еще на пару футов вверх, труп вертелся рядом и прижимался к ней. В памяти словно открылась дверь, и она вспомнила его живым – какой-то молодой матрос, не из каперов, *он бежал в ее*

сторону, вопя и жестикулируя, желая донести какие-то сведения, которые у нее не было надежды разобрать в хаосе шторма, но он все кричал и кричал, кривя разинутый рот, и...

Все исчезло.

Его смыло с палубы, когда они ударились о скалы, и ее оторвало от перил, она полетела...

Существо, издающее сосущие звуки, поднялось над краем обрыва.

Перевернутая вверх тормашками Арчет, у которой кружилась голова от рывков и покачиваний, пока ее тащили наверх, вгляделась в него и не смогла понять, что видит. Там были щупальца, да – густая грязная бахрома щупалец, похожая на накрашенные ресницы, обрамляющие шлюхин глаз титанических размеров, – и они метались в поисках добычи, пробуя на вкус поверхность скалы, надвигаясь, но тело, где же тело, почему она видит только...

Сердце Арчет сковало льдом, когда она поняла.

Существо заполняло расселину, как вода. Оно текло и набухало, оно было единой аморфной тварью, вздымающейся в пределах пространства, ей и принадлежащего. Узоры, похожие на гигантские глаза или чумные кольца, испятали его плоть, как пузыри масла – раскаленную сковородку.

– Вытащи меня отсюда на хрен! – закричала Арчет.

Еще один ярд. Она почувствовала чью-то хватку на голени, снова отчаянно согнулась в талии и протянула руку куда-то в сторону собственных ног. Мозолистая ладонь схватила ее запястье, и в тот же миг она почувствовала липкое прикосновение щупальца к волосам. От чистейшего отвращения она завопила так, что зазвенело в ушах, а ее правая рука невольно потянулась к ножу, но его, мать твою за ногу, не было на месте...

Потом ее вытащили.

Нагрянули свет и пространство, тихий рокот океана.

У нее было достаточно времени, чтобы оглянуться и увидеть, как существо вздымается позади, вырываясь из расселины, как рвота из горла. Затем Драконья Погибель рывком поднял подругу, держа за руку и за ногу, развернулся и отбросил подальше, на холодный плоский камень. От удара у нее перехватило дыхание. Вокруг потрясенно завопили, и Арчет, завертевшись на камне, увидела, как мужчины пьются от расселины. Тварь изливалась оттуда, как убегающее из кастрюли молоко. Ее мертвый товарищ исчез, проглоченный этой колышущейся массой. Щупальца метались туда-сюда, один из мужчин споткнулся, и его схватили за ногу, а другой наткнулся прямиком на отростки чудовищного тела.

Драконья Погибель развернулся. Он держал обеими руками нечто похожее на громадное сломанное копьё или гарпун – позже Арчет поймет, что это был сломанный, расщепленный бушприт «Владыки соленого ветра», за которым все еще волочились обрывки снастей и бортовой сетки. Глаза маджака были широко распахнуты от ярости берсеркера, изо рта вырывался нарастающий скрежещущий рев. Словно ожившее изваяние некоего бога-воина, он рванулся вперед и с воплем погрузил кусок расщепленного дерева глубоко в сердце бурлящей, покрытой щупальцами массы.

Повернул и нажал. Снова взревел и погрузил свое «оружие» еще глубже.

Придатки задергались, на камни брызнула какая-то бледная жидкость. Вздымающаяся масса существа как будто сдулась. При свете дня, как отметила оцепенелая Арчет, оно выглядело довольно красиво: круглые узоры пурпурного и бледно-фиолетового цвета, которые она приняла за глаза, сливались друг с другом, перетекали по шкуре...

– Все сюда! – зарычал Эгар. – Проткнем уебка вместе!

Двое мужчин бросились на накренившийся бушприт, повисли на нем, наваливаясь всей своей тяжестью. Опять потекла бледная кровь, раздался низкий звук, шипящий и булькающий, и все было кончено. Два помощника Эгара бросили конец импровизированного гарпуна, кто-то оттащил тех, кого схватили щупальца, подальше от опасности. Тварь опустила назад в

расселину так же быстро, как поднялась, прихватив с собой бушприт. Эгар отпустил древко и сделал неприличный жест на прощание. Плюнул в дыру вслед своему отступающему противнику.

Повернулся, чтобы проверить, как дела у подруги – к тому моменту Арчет уже встала, немного пошатываясь, но в остальном держалась неплохо. Маджак улыбнулся ей, все еще тяжело дыша.

– Эй, Арчиди. – Он перевел дух. Широко взмахнул одной рукой. – Добро пожаловать в Кириатские пустоши.

За двести лет она побывала там всего один раз, да и то лишь на южных окраинах – подвиг, в сущности, ребяческий.

Когда она была моложе, Грашгал и ее отец постоянно обсуждали возможность экспедиций на север, чтобы посмотреть, что стало с этим краем. Прошли тысячи лет, утверждали они, природа должна была поглотить и восстановить большую часть нанесенного ущерба, теперь там наверняка безопасно. И кто знает, вдруг они найдут нечто, потерянное для памяти и летописей давным-давно? Она помнила эти разговоры, самые ранние из которых были едва понятны ее детским ушам, когда она сидела на коленях у Флараднама или играла на ковре, пока взрослые разговаривали. Позже она усаживалась на подлокотник отцовского кресла и, как могла, принимала участие в беседах. Она всегда думала, что поедет с ними.

Однажды летним вечером ее мать довольно резко высказала свое мнение по этому поводу.

«Проклятые Земли? С ума сошла, детка? Ты хоть знаешь, что тебя там ждет?»

«Нет, мам. – В то время ей было около одиннадцати и ответ прозвучал вполне невинно. – А ты?»

«Не смейте огрызаться, юная госпожа».

«Мам, ну что ты! Папа говорит, никто не знает, что там такое».

«Да, и именно поэтому ты никуда не поедешь».

В итоге оказалось, что все это не имело значения. Как и многие поздние планы кириатов, затея обернулась пшиком. Годы разговоров пропали втуне, внимание кириатов сосредоточилось на чем-то другом. Грашгал и Флараднам вернулись к своему любимому занятию – продолжили возиться с имперским политическим устройством.

Сорок с лишним лет пролетели незаметно.

Арчет так и не поняла, что убило экспедицию на корню: всего лишь природа соплеменников ее отца, их слегка нарушенное душевное равновесие, или, как боялась ее мать, в Пустошах на самом деле обитало такое, что лучше было не трогать. Или одно было связано с другим, и Грашгал с ее отцом отказались от планов, потому что стали бояться, что экспедиция каким-то образом – *угрызения совести? призраки? странная зараза в воздухе?* – еще сильнее разрушит их способность притворяться, будто окружающий мир им не чужой.

Затем ее мать умерла, как заведено у людей, и Арчет получила шанс увидеть Пустоши собственными глазами.

Однажды осенью Грашгал повез ее на север в рамках обширной дипломатической миссии в недавно образованную Лигу, и она оказалась на зимовке в Трелейне. Нантара умерла всего пару лет назад, и Арчет все еще страдала, ее все еще влекло к неприятностям. На самом деле, Грашгал намеревался на какое-то время увезти ее из Ан-Монала, подальше от убитого горем отца, в надежде, что это ее немного успокоит и позволит вновь обрести равновесие – что, конечно, демонстрировало, насколько плохо он понимал девочку-полукровку, которую помогал растить. На хрен призрак матери, на хрен отцовскую нескончаемую самовлюбленную скорбь; теперь она поквитается с ними обоими. Пока Грашгал и имперский легат проверяли своих новых северных соседей, осторожно прощупывали почву, добывали полезные под-

писи на документах о торговле и мирном сосуществовании, Арчет и пара кириатских парней, почти ее ровесников, уговорили друг друга организовать экспедицию через северный пролив в Пустоши.

Почти вся зима ушла на то, чтобы составить план. Найти подходящее судно у обветшалых причалов в устье реки, которые в те времена и представляли собой Трелейнскую гавань, подыскать капитана и команду, которые не просто захотят совершить путешествие, но изначально согласятся иметь дело с чернокожими южными демонами. А потом, когда удалось столковаться относительно цены за проезд и провиант, они принялись потихоньку выкачивать необходимую наличность из посольской казны так, чтобы никто этого не заметил. Все происходило мучительно медленно, с частыми разочарованиями и неудачами. Но если от бессмертия и есть какой-нибудь толк, так это возможность научиться методичности, терпению и планированию. Через два дня после наступления весны, за месяц до того, как миссия должна была отправиться домой, они поднялись на борт неряшливого корабля, стоявшего у причала в Трелейнской гавани, и направились по течению реки к устью и морю.

К тому времени, когда Грашгал понял, что они исчезли – и принялся рвать город на части, чтобы найти их, – Арчет и ее приятели поднялись к берегу Пустошей, высадились, разбили лагерь и довольно скоро затеяли крупную драку, пытаясь помешать капитану корабля направиться напрямик домой. Небо над береговой линией Пустошей частенько вспыхивало люминесцентным зеленоватым пламенем. Откуда-то из глубины суши доносились странные трескучие и свистящие звуки. Берег, вблизи которого бросило якорь их судно, был полон всякой захватывающей всячины – диковинных подвижных растений, которые в воде и на песке чувствовали себя одинаково хорошо и любили ласково обвиваться вокруг конечностей того, кто шел или плыл рядом; кучек мелких металлических обломков, которые выглядели и в основном были инертными, но иногда вздрагивали и молящим тоном обращались к ним на высоком кирском; существ, которые когда-то могли быть крабами, но теперь выглядели, ну, во-первых, *гораздо* больше, более кривобокими, уродливыми, с какой стороны ни взгляни, и еще при приближении издавали неприятный шипящий звук...

Капитан продержал корабль на якоре три дня, пригвожденный к месту сперва явным желанием соблюсти договор, а потом, по мере нарастания напряженности, импровизированными угрозами обрушить на него колдовство Черного Народа, если обязательства будут нарушены. Но когда Арчет принялась настаивать на том, чтобы они направились вглубь территории, прихватив с собой носильщиков, команда предъявила свой собственный тихий ультиматум, и три молодых кириата, проснувшись на следующее утро, обнаружили, что корабль исчез.

У них была провизия – капитану хватило порядочности выгрузить ее, – и им предстояло принять решение. Остаться на побережье и ждать спасения или направиться на юго-восток вдоль берега, с тем, что им по силам унести из лагеря. Арчет была целиком и полностью за поход вдоль берега до самого конца Пустошей, но два более смиренных приятеля-кириата решили иначе. Как выяснилось, они были правы: через два дня у берега появился трелейнский сторожевой корабль с разъяренным до белого каления Грашгалом на борту. Странник сошел на берег с плотно сжатыми губами, безукоризненно владея собой, не желая вымещать свою ярость на них на глазах у людей, но было видно по лицу, что, как только они останутся наедине, беглецам не поздоровится. Он даже не позволил им забрать домой образцы, невзирая на приглушенные протесты Арчет. Она все равно сумела протащить на борт кусочек дружеского подвижного растения, засунув его в бутылку, но понятия не имела, как ухаживать за этим существом, и оно умерло вскоре после возвращения в Трелейн.

В Ан-Монал они отправились в глубочайшей опале, не в последнюю очередь из-за дипломатического напряжения, вызванного неистовством Грашгала, который искал пропавших по всему городу. Он думал, их схватили работоторговцы или какая-нибудь ненормальная религиозная секта, и довольно жестко обошелся с представителями обоих кругов, прежде чем вме-

шалась Трелейнская Канцелярия, объявила награду и через день или два привела к нему сгорающего от стыда капитана того самого корабля. Но к тому моменту уже был нанесен немалый ущерб. Это не отбросило отношения между Лигой и Империей на сто лет назад, как разглагольствовал Грашгал, – в любом случае, Лига в нынешней форме существовала всего-то лет двадцать, как попыталась напомнить Арчет, прежде чем ей велели заткнуться, – но, разумеется, дипломатическим триумфом случившееся никто бы не назвал.

Для Арчет позор длился год или около того после возвращения, хотя отец, все еще в глубоком трауре по Нантаре, с неодобрением не усердствовал. Ему было наплевать, сколько гребаных людишек она оскорбила на севере – протесты относительно того, что оскорбила их не она, прошли мимо его ушей, – он просто был рад, что дочь снова дома, в целостности и сохранности. Между Флараднамом и Грашгалом случился резкий разговор на эту тему, но не прозвучало ничего такого, что Странник не мог бы списать на потерю самообладания из-за скорби, и тысячелетней дружбе ничто не угрожало всерьез. Однако еще целый век после этого они упоминали про Кириатские пустоши разве что ненароком.

Потом пришел Чешуйчатый Народ, и уже нельзя было притворяться, что Пустошей не существует.

Пятьдесят второй год. Огромные плавучие пурпурно-черные плоты из водорослей были замечены дрейфующими на север по сильным прибрежным течениям, мимо полуострова Джерджис и дальше. Некоторые преждевременно обрадовались, решив, что очередных визитеров не прибьет к берегу ни в Империи, ни в Лиге.

А затем Кормчие все просчитали и с железной уверенностью объяснили, что произойдет, если плоты вылупятся на берегах Пустошей, – *что* хлынет оттуда следующей осенью.

Арчет была в составе кириатской делегации, которая отправилась в Трелейн по поручению Акала Великого и все рассказала Лиге. Она до сих пор помнила, как отец ходил туда-сюда по залу Канцелярии, облачая в плоть и кровь нечеловеческую мудрость Кормчих. Его морщинистое черное лицо было полно решимости, пока он подводил северян к выводу о том, что снова нужны жертвы, снова нужна кровь, снова необходимо собрать бойцов, и так уже измученных войной, и направить экспедиционный корпус в Пустоши.

«Ящерицы могут переносить некоторый холод, хотя он их и замедляет. Но их тянет к теплу. Мы подсчитали, что среди руин в Пустошах может хватить остаточного тепла, чтобы они спокойно прожили там летние месяцы. Однако с приходом осени и холодов они неизбежно повернут на юг. В лучшем случае, это будет войско столь же мощное, как все, с чем мы до сих пор сталкивались и сражались; в худшем – действующее в Пустошах колдовство может придать им новые, более опасные формы.

Так или иначе, война начнется заново на вашем северном фланге еще до того, как она закончится на юге. Все, чего достигло здесь наше братство, будет напрасным».

На сей раз Арчет была уверена, что ей позволят туда отправиться.

Но Флараднам и слышать об этом не хотел.

«Твоя мать была права, – сказал он дочери. – А я повел себя глупо, не прислушавшись к ее мудрости. Хватит и того, что мы когда-то опустошили те края и отравили их на много веков вперед. Хватит и того, что теперь мы должны тащить в этот ад еще больше человеческих жизней. Я не стану рисковать собственной плотью и кровью в придачу».

«Но сам-то уезжаешь», – с горечью сказала она.

«Да, потому, что кто-то должен. Люди не могут управлять нашей техникой без посторонней помощи, им понадобится руководство кириата, чтобы довести дело до конца. Наранаша больше нет с нами, Грашгал нужен на юге. Остался только я».

«От меня будет больше пользы рядом с тобой, чем на юге. Борьба почти закончена, теперь там только политика. Грашгал не нуждается во мне для такого дела».

«Нет – но мне нужно, чтобы ты ушла. – Увидев, что она готова вновь протестовать, он добавил: – Пожалуйста, Арчет, не надо мне все усложнять еще сильнее. Я дал твоей матери обещание на ее смертном одре. Не проси меня его нарушить».

Он редко прибегал к этому доводу – и только ему за все годы, прошедшие после смерти матери, Арчет так и не научилась сопротивляться.

Поэтому она вернулась в Ихельтет с Грашгалом и остальными.

И больше никогда не видела своего отца.

Глава двенадцатая

– Ты это слышал?

– Что слышал? – Второй капер подавил зевок. – Единственное, что я слышу, – это храп Кентрина. Пни его за меня, лады?

– Пусть пацан поспит. Я имею в виду, ты слышал, как сейчас капала во...

– Пусть *поспит*? Он в дозоре, мать твою.

– Мы все в дозоре – все трое. Не нужно шесть глаз, чтобы таращиться во тьму и ничего в ней не видеть. Оставь его в покое.

– Оставить его... чего?! Да что с тобой, Лхеш? Затрахала тебя та дерзкая шлюшка, что ли? Мы, блядь, в дозоре сидим.

– Можно подумать, в его возрасте тебе никогда не случалось задремать.

– Случалось, и чего? Первый помощник за это исполосовал мне спину. Дай пинка этой смазливой заднице и рывкни как следует, он еще легко отде...

Рингил появился над крепостным валом сторожевой башни ухмыляющейся черной тенью.

Он замерз и насквозь промок после недолгого плавания к основанию башни; пальцы рук и босых ног болели от тридцатифутового подъема, и он крепко стиснул зубы, чтобы не стучали. Он приземлился прямо у ног ворчащего капера. Ударился о каменные плиты на корточках, и упираясь ладонью, тотчас же вскочил, держа обратным хватом драконий кинжал, а мужчина все еще недоверчиво таращился на него. Рингил ударил снизу вверх – в мягкую нижнюю сторону челюсти, через язык, рот, мягкое нёбо и дальше в мозг.

Удар был такой силы, что капера подбросило.

Рингил выдернул нож.

Мужчина повалился, закатив глаза до белков. Убийца уже на него не смотрел.

Другой капер, Лхеш, находился на каменной крыше башни в каких-то пяти ярдах от них. Он повернулся, когда товарищ умолк, скорее из любопытства, чем с тревогой – это его и убило. Он успел заметить движение, падение тела на камни, тусклые красные брызги на затуманенной палитре рассвета и черную фигуру, которая как раз повернулась...

Кинжал из драконьего зуба был бесполезен для метания: в нем не было ни баланса, ни элегантности формы. Рингил его уронил. Резко начертил в холодном утреннем воздухе глиф, скрежещущим шепотом произнес несколько слогов, и Лхеш подавился собственным криком. Разинул рот, зашатался, издавая хриплые звуки и размахивая руками со скрюченными пальцами. Рингил пересек разделяющие их пять ярдов как будто одним скачком. Оказавшись рядом, левой рукой провел по глазам мужчины, как слуга, протирающий окно, правой – хлопнул по верхним ребрам. Прошипел двухсложный приказ.

Сердце капера остановилось в груди.

Лхеш на миг вытаращил глаза – от шока, ужаса и попыток осознать случившееся. Потом начал оседать на каменный пол, как будто лишившись костей. Рингил придержал его жестом любовника, смягчил падение, почти что опустил сам.

Из погруженного во тьму угла стены донесся тихий храп.

Рингил слегка недоверчиво огляделся. Кентрин, похоже, умудрился проспять все случившееся. Он лежал на прежнем месте, подтянув ноги, чтобы согреться, немного откинувшись в угол, лицо его обмякло ото сна. Гил подошел к нему, ступая по-кошачьи, не зная, что делать. Оглянулся на лезвие драконьего кинжала, липкое от крови, – он оставил оружие слишком далеко, чтобы с легкостью достать. В тот же миг парнишка заворочался, словно почувствовав нависшую над ним опасность. Пробормотал что-то, приоткрыв глаза, все еще одурманенные сном...

Упасть на колено, прижать смертоносную ладонь к груди молодого капера. Рингил снова сделал жест, похожий на протирание окна, снова проскрежетал два необратимых слова из *икин-ри'ска*. Глаза Кентрина широко распахнулись при этом звуке, губы затрепетали, на лице проступила паника. Гил приложил пальцы ко рту парнишки и надавил. Проговорил ласковым, как теплая шерсть, голосом:

– Тс-с-с. Спи, засыпай, всё в порядке.

– Н-н-нет, я... – Кентрин дернулся, задрывал ногами в поисках опоры – он хотел встать, невзирая на какую-то непонятную пустоту в груди. – Ты...

– Дурной сон – вот кто я такой. И все. Тс-с-с. – Рингил говорил певуче, прогоняя страх. Наблюдал, как черты лица парнишки снова смягчаются по мере того, как смерть овладевает им. – Тебе приснился кошмар, засыпай опять. Вот так, спи, отдыхай...

Голова парнишки склонилась набок в углу стены. Ноги скользнули вниз под собственным весом, медленно выпрямляясь. В смерти он выглядел почти таким же умиротворенным, как и во сне.

Его товарищи лежали менее уютно, но все равно выглядели спящими, распластавшись на сером каменном полу, лишь чуть-чуть скорчившись, как будто от холода. Кровь, скопившаяся вокруг головы первого мужчины, повествовала иную историю, но в полумраке даже ее легко было упустить из вида.

А Рингил исчез.

У подножия башни он встретил Сенгера Хальда.

Он задержался, чтобы убить еще двух человек по пути вниз, но в тесноте единственной лестницы, которая тянулась вниз извилистой спиралью, это вышло легче, чем на крыше. Каждый сонный капер слышал неторопливое движение на каменных ступенях наверху, поглядывал туда в ожидании товарища, спускающегося о чем-то доложить, но вместо этого видел неясную незнакомую фигуру с зазубренным ножом в руке. Рингил спускался, приближался – и дело было сделано.

Он использовал кинжал с драконьим клыком оба раза – утомился от магии, остановив два сердца на крыше, и к тому же попытка чертить глифы под низкой каменной крышей лестницы закончилась бы неприятностями и сбитыми костяшками.

«Икинри'ска *лучше действует на открытом пространстве*, – говорит ему Хыл извиняющимся тоном. – *Лучше всего – под открытым небом. В труднодоступных или скрытых местах силы, к которым ты взываешь, могут и не услышать*».

«Чудесно. Охренеть, какой могущественной магии ты меня учишь».

Обездоленный князь улыбается:

«Думал, будет легко?»

«Нет, я готов к сложностям учебы – но я полагал, что в конце концов научусь чему-нибудь более полезному».

«Значит, ты ошибся».

«Да уж».

Он выбрался из дверного проема сторожевой башни и прищурившись заглянул за изгиб стены справа. С возвышенности мыса Дако широкая ступенчатая дамба спускалась на юг мимо хаотичного нагромождения валунов и обломков обрушившегося утеса, каждый размером со скромный галеон. За ними, смутно пробиваясь сквозь туман и усиливающееся мерцание рассвета, манили огни гавани Орнли.

Слева раздались шаги. Он резко обернулся и увидел, как из темноты появился Хальд с мечом в руке. Черное морское боевое снаряжение и плащ, измазанные сажей черты лица – Рингил ждал его, но все равно это было немного похоже на встречу с беспокойным призраком.

– Всё в порядке?

Командир морской пехоты махнул рукой через плечо.

– Они сейчас поднимутся. Пришлось пробираться по дымоходу от того фиорда. Выше, чем мы думали.

– Да, но хорошая новость в том, что мы, похоже, угадали насчет этих парней. Я не вижу никого на дамбе.

Хальд хмыкнул и тоже выглянул из-за поворота башни.

– Это разумно, – согласился он. – Если бы я удерживал город и смог устроить хороший сторожевой пункт в башне, я бы тоже не стал тратить людей, расставляя их так далеко от гавани.

Пока он говорил, из темноты за его спиной появились еще несколько фигур в черном – морские пехотинцы собирались по двое и по трое, с клинками наголо, с мрачными лицами. Хальд щелкнул пальцами, жестом отправляя людей на позиции. Они образовали небольшую фалангу. Кто-то принес шлем и щит для Рингила, Друга Воронов в ножнах, плащ морского пехотинца и сапоги, кирасу – он все это надел, взвесил щит пару раз, чтобы закрепить на руке, затем повернулся лицом к людям и вытащил меч из ножен на спине. Большинство из них не видели этого трюка раньше и не знали, как быстро кириатские ножны выпускают клинок. По рядам пронесся ропот. Гил криво улыбнулся.

– Боюсь, я не знаю, со сколькими из этих ублюдков нам придется иметь дело в гавани, – начал он. – Но я могу сказать вам одну вещь наверняка – те, кто был в башне, умерли довольно легко. Мы имеем дело с каперами из Лиги, а не с солдатами. Это пираты-наемники, жаждущие легкой наживы. Они не идут ни в какое сравнение с имперскими морскими пехотинцами – *и они не знают, что мы приближаемся.*

Теперь на некоторых лицах появились хищные ухмылки, и ропот в рядах усилился. Хальд старательно изображал равнодушие, но не смог скрыть предвкушения на лице. Рингил нацепил улыбку, надел ее как маску. Он знал, что преуменьшает заслуги каперов – на самом деле они были довольно суровыми парнями, меркантильной и лишенной мыслей о великом служении версией тех самых морпехов, которая существовала в Лиге. Еще до войны каперские команды под предводительством людей вроде Критлина Черного Паруса и Акульего Хозяина Вира показали себя весьма годными к разгрому имперских сил как на море, так и на суше. Они, возможно, не были так вымуштрованы и не питали к своим подразделениям такой привязанности, как морские пехотинцы, но большинство из них были в той же степени закалены в актах пиратства и прибрежного разбоя, которые на западном побережье заменяли собой морские войны. Эти парни наверняка были такими же дикими, так же жаждали бойни.

По правде говоря, за исключением терминологии и чернил на нескольких контрактах, подписанных мужчинами, едва умеющими читать, но нацарапавшими там свои имена, различий между двумя сторонами было не так уж много.

Но сейчас было не время для этой правды. Некоторые из этих людей умрут еще до истечения часа, и все это знали.

«Так что не надо падать духом, Гил. Давай дадим им хотя бы это».

– За вами элемент неожиданности, – сказал он. – И подготовка. Следуйте за мной, не отставайте. Мы начнем медленно, но потом возьмем стену гавани штурмом. Они даже не поймут, что случилось. Мы с ними расправимся, убьем всех, кто встанет у нас на пути. И – это важно – про любого из них, кто упадет в воду в бою, забудьте, ему конец. Он больше не вернется, это я обещаю.

– Да, а если кто-то из нас упадет? – с усмешкой в голосе спросил кто-то сзади.

– Не надо, – ответил Рингил, и все усмешки растаяли от холода в его голосе. – Я не смогу вам помочь, на это не хватит времени. Что ж, хватит этой хрени с советами... Кто хочет вскрыть пару пиратских глоток, а?

Они зарычали в знак согласия. Это было до некоторой степени похоже на грозу, что рыскала накануне ночью над морем из-за его общения со стихийными духами.

Он впустил это в себя, наполнился жадой деятельности. Поднял руку. Резко опустил.

Вниз по широкой ступенчатой дамбе, сперва крадучись, ступая с некоторой осторожностью. Щиты они несли низко, напрягали зрение и слух на случай, если кому-нибудь взбредет в голову направить в сторожевую башню подкрепление. Позади Рингила слышался мягкий торопливый топот сапог, впереди не было ни души. И вот внизу в тумане проступили грубые очертания стены гавани, которая делалась все ближе. Ничто не указывало на то, что их уже заметили. Осторожность отступила, рассыпалась на части пред пылающим жаром того, что они намеревались сделать. Темп ускорился, не было ни малейшего шанса затормозить – они теперь мчались, они неслись вперед, летели по ступенькам, неудержимые, и головы людей сделались смутно видимыми над стеной гавани тут и там, среди них должны быть лучники – *держитесь крепче и тише*, чтобы пронзительный улюлюкающий вопль не вырвался из глотки. Оскалив зубы в яростной ухмылке после бега, когда каждый вдох чего-то стоит...

– Нас атакуют!

Чей-то высокий панический крик где-то на стене.

Слишком поздно.

Гил перепрыгнул последние две ступеньки, ведущие к стене, и приземлился среди клевавших носом мужчин. Наверное, они успели его заметить – темную фигуру во взвившемся плаще, жуткий скользящий скрежет Друга Воронов во мраке, а потом кириатская сталь отыскала плоть и рассекла ее, и была кровь, и были крики. Он едва видел людей, которых убил – бледные, смазанные лица в вихре первого боя, потрясенные разинутые рты, – он лишь понял, что выбил одному гортань – рассек второму шею – повалил третьего рубящим ударом в бедро и скинул в воды гавани щитом, противник успел вскрикнуть один раз, и его затянуло на глубину, с ним было кончено – четвертому мимоходом вскрыл брюхо. Никто из них не успел даже обнажить оружие. Никто из них не произнес ни одного членораздельного слова перед смертью.

Рингил откинул голову назад и завыл. От этого звука туман вокруг него за клубился и как будто разошелся в стороны.

Из-за стены донеслись крики, словно в ответ.

– Нас атакуют! Вот оно, парни!!!

На его губах как будто сама по себе возникла усмешка, похожая на смазанный поцелуй любовника. Он рванулся вперед на полном ходу, в завихрения тумана, к смутно различимым противникам.

Если стена гавани предназначалась для защиты от морских врагов и стихии, то дамбу позади нее построили с расчетом на банальную перевозку грузов и торговлю. Она была достаточно широкой, чтобы вместить повозку, запряженную волами, – или дюжину вооруженных мужчин в доспехах в ряд. Рингил повел имперцев железным клином, выставив короткие мечи, чтобы рубить и колоть. Они ворвались в растерянные ряды каперов и отвоевали с десятков ярдов стены, прежде чем кто-нибудь успел понять, что происходит.

Затем где-то в конце строя раздался грубый командирский голос:

– Они спускаются с гребаной лестницы!

Что-то темное шелкнуло и зарычало внутри Гиля, что-то языком дыма потянулось к этому гребаному крикуну. Но у него не было инструментов, чтобы вооружить эту темную суть, отправить в путь, и – чем бы она ни была – ей не удалось ни отыскать в тумане говорившего, ни вовремя вырвать ему язык.

– Они захватили башню! Укрепить северный конец!

Крик подхватили. Это был звук порядка посреди хаоса, означающий, что с их преимуществом покончено. Рингил обратился внутрь себя. Собрал силы и издал нечеловеческий, скрежещущий рев. Снова запрокинул голову.

– Блудные сыны Трелейна! – Он едва узнавал собственный голос – казалось, нечто из Серых Краев говорит его устами. – Блудные сыны Трелейна – придите и узрите свою погибель!

И двинулся дальше по залитой кровью насыпной дороге, обрушивая на врагов смертоносную сталь.

До конца стены оставалось меньше сотни ярдов, но на полпути он стал натекать на все более яростные очаги сопротивления и терять людей. Тот командный голос каким-то образом сплотил каперов, вселил в них непокорность.

За его левым плечом – первая жертва: какой-то капер с саблей оказался таким же умелым, как и обученный имперский морпех. Имперец со стоном рухнул. Но клин выстоял: новый боец, перешагнув через павшего товарища, отомстил за его смерть пятью свирепыми колюще-рубящими ударами. Чуть дальше еще один имперец схватился с капером справа от Гила, не выстоял в схватке до побелевших костяшек и, получив удар ножом в живот, с воем отшатнулся. Но все равно продолжил цепляться за противника и забрал его с собой, через край дамбы в воды гавани внизу. Сквозь туман было смутно видно, как они забурили, – и оба мужчины исчезли.

На освободившееся место шагнул следующий имперец. Клин двинулся дальше.

«Соль на болотах. Мама говорит...»

Это был парнишка, Джерин, холодный голос в его ухе. Всегда одни и те же заученные слова, ледяное прикосновение беспризорника к затылку, которое он научился не игнорировать в такие моменты. Его потянуло вниз, на корточки...

Из тумана вырвались стрелы.

– Щиты! – проревел Рингил. Он уже поднял собственный, и тот, как по волшебству, украсился древками стрел, обломанными и оперенными, а три менее бдительных имперца рухнули в мгновение ока. Они ругались и стонали, извиваясь и корчась поверх тел каперов, которых только что сами и убили.

– Вот так, парни! Держать строй!

Опять этот гребаный голос.

На другом конце гавани, у причалов, раздались крики, зажглись фонари. Малейший элемент неожиданности, какой у них когда-то был, быстро таял в суете беспорядочной битвы. Если он не разберется с этим как можно скорее...

Гил призвал силу, призвал голос.

– Мужики Трелейна! – В кои-то веки он был рад, что его собственные бойцы недостаточно хорошо понимают наомский, чтобы это подействовало и на них. – Мужики Трелейна, взгляните на воду! Кракен просыпается!

И он прыгнул, заслонившись щитом, вперед – в туман, к фигурам, которые там громоздились.

Он услышал ругательства и потрясенные вопли. Откуда-то донесся пронзительный испуганный крик, залп стрел разлетелся веером не причинив вреда. На краткий миг он узрел ужас, который пробудил в их разуме: громадную тушу со множеством щупалец, возвышающуюся над стеной гавани, словно вырванный с корнем огромный дуб, усеянный немигающими обсидиановыми глазами. Серый мерцающий проблеск появился и исчез. Он не очень-то походил на настоящую тварь, с которой Гилу довелось столкнуться несколько недель назад – прежде всего, был слишком большим, – но эти мужчины были моряками и с юных лет слыхали так много историй про это чудовище, одна причудливее и немыслимее другой, что из них можно было бы сложить высокую, сочащуюся влагой, переплетенную груды. Некоторым могло хватить ума или бдительности, чтобы стряхнуть с себя морок, но немногим. Что касается остальных, их самые глубинные кошмары и страхи должны были довершить начатое.

Молодой капер с криком бежал по дамбе, ослепнув от страха. Рингил парировал смятенный удар саблей, шагнул в сторону, подставил парню подножку и столкнул в воду со стороны гавани. Что-то извилистое и мускулистое обвилось вокруг него, пока он барахтался, и Гил, успев заметить, как искаженное от крика лицо погружается в воду, очень об этом пожалел...

– Соберитесь! – Тот же командный голос теперь звучал выше от отчаяния. – Соберитесь, дурни! Там ничего нет!

– Нет-нет – в воде что-то есть, точно!

– Там кракен!

– Он забрал Перита!

– Стоять, идиоты!

«Точно».

Пора с этим покончить.

По пути к командиру он зарубил еще двух каперов. В том состоянии, в котором они находились, это было несложно. Парировать и рассечь, подрубить ногу одному, эфесом стукнуть в лицо другого и добить коротким ударом в горло, когда отшатнется. Он спихнул их с дороги плечом, расчистил себе место с помощью Друга Воронов и наконец-то – туман рассеивался по мере наступления дня – отыскал центр сопротивления. Там стоял на перевернутом ящике командир и рычал на паникующую толпу каперов вокруг него.

– Ты! – Гил шагнул вперед, направив на него острие меча. – Да, ты! Может, спустишься и дашь мне бой?

Время как будто остановилось. Мужчины застыли, подняв оружие и уставившись на него. Завитки тумана отпрянули – подул свежий ветерок.

– Это он! – завопил кто-то. – Это Эскиат, я же вам сказал, что он не чело...

Командир – судя по нашивкам, простой сержант – прыгнул с ящика, держа в правой руке клинок, а в левой – топорик.

– За мной, парни! Сбросим эту мразь обратно в море!

Рингил встретил его вихрем, подняв щит, чтобы заблокировать топор, низко взмахнув Другом Воронов. Вынудил противника неуклюже отбить натиск ударом сверху вниз. Топор ударил, отскочил от щита – от вибрации по руке Гиля до самого плеча прошла волна мерзкой боли. Он справился, развернул щит краем вперед, выискивая возможность нанести резкий удар в лицо или голову. Но сержант каперов был слишком хитрым бойцом – он уже отступил, сделав два петляющих шага назад, выплетая клинком и топориком размытую восьмерку, чтобы закрыться от удара.

– Атакуйте этого хера сзади, – заорал он. – Зарубите его.

Но имперский клин уже подоспел следом за Гилом, и у других каперов появились свои противники, о которых стоило побеспокоиться. Беспорядочная битва, в которую влилось так много людей, раскинулась по усеянными трупами плитам дамбы. Они смотрели друг на друга в утреннем свете, который делался все ярче, и испытывали странное спокойствие. Рингил вопросительно поднял щит и меч.

– Хочешь передохнуть?

Сержант взмахнул собственным оружием, заорал:

– Бандитская пидорская мразь!

– Ох, я умоляю...

Оценив натиск противника, он в тот же миг сломил его собственной стремительной атакой. Начал Другом Воронов, позволил сержанту отбить его необдуманно размахистым парированием и сильно ударил щитом. Угодил противнику в грудь. Укрепил свою позицию. Топор со свистом опустился, и Рингил, вскинув щит повыше, врезал эфесом Друга Воронов сержанту в лицо. Зацепил топорик краем щита, рванул на себя – и, когда капер потерял равновесие, рубанул его ниже ребер. Сержант закричал, неистово взмахнул мечом, но его топор по-преж-

нему был в ловушке, и Рингил просто отскочил, волоча за собой противника. Сержант то ли споткнулся, то ли поскользнулся на крови, упал головой вперед к ногам Гила, не выпуская из руки топорик, зацепившийся за щит. Рингил поменял хват с горизонтальной защиты на нисходящий колющий удар и, вложив в него все силы, воткнул Друга Воронов каперу между ребер, развернул плечо и навалился на меч всем весом. Поверх куртки на противнике была кольчуга, но легкая и дешевая, от морской жизни звенья, скорее всего, проржавели – и кириатская сталь прошла сквозь нее, как стрела, выпущенная из до конца натянутого лука. Сержант забился в конвульсиях, застонал, отпустил рукоять топора, и щит Гила освободился.

Он вытащил Друга Воронов, решил, что с сержантом покончено и огляделся в поисках новых целей.

Но бой почти закончился. Натиск имперцев не ослабевал, и всякая дисциплина, которая когда-то была у каперов, исчезла. С этого момента речь шла лишь о том, чтобы довершить зачистку. Гил все равно принялся ходить туда-сюда – подрезал одному сухожилия, другому ударил по голове щитом, просто чтобы ускорить процесс. Имперцы набросились на его жертвы и прикончили их.

Поймав неожиданный отблеск на острие Друга Воронов, он поднял голову и всмотрелся сквозь рассеивающийся туман.

Похоже, солнце все-таки собиралось взойти.

Глава тринадцатая

Они спустились с плоской скалы гуськом позади Драконьей Погибели, огибая трещины и отверстия по достаточно широкой дуге. По пути попадались новые обломки разбившегося корабля – ящики лежали тут и там, словно игральные кости, брошенные забавлявшимися гигантами; куски рангоута с запутанными снастями, временами торчащие из разломов в скале, куда их занесло ветром и волнами или – от этой мысли Арчет слегка вздрогнула – затащило после крушения. Вот здесь из разбитой бочки, напоминающей взломанную грудную клетку, просыпалась белая мука. Вон там лежат россыпью кастрюли с камбуза. И лишь один раз им попался безвольно распростертый на камнях труп капера, похожий на сорвавшееся с веревки белье.

Двое мужчин изобразили нечто вроде благословляющего жеста над мертвецом, когда проходили мимо: что-то такое сделали раскрытой ладонью, поцеловали пальцы. Приложили руку к груди, склонили голову. До Арчет, все еще нетвердо стоящей на ногах, во время этого ритуала дошло, что по меньшей мере половина отряда, который ее спас, тоже каперы.

Остальными были люди Танда, за исключением одного молодого маджака и пары морских пехотинцев. Но все как один следовали за Драконьей Погибелью.

Пробравшись вдоль строя, она догнала его.

– Кормишь этих ребят с руки, да? – сказала по-тетаннски. – Как тебе это удалось?

Эгар пожал плечами.

– Кто-то должен быть главным.

– Вроде того. Но ты же... военнопленный?

– Оглянись вокруг, Арчиди. Все изменилось.

Она не стала ничего отвечать и молча взглянула на размытый серый горизонт и беспокойное море. Впереди виднелся изгиб галечного пляжа, а за ним – зазубренные холмы. Они потерпели крушение в весьма унылом месте.

– Что-нибудь узнаешь? – спросила она чуть спокойнее.

– Не здесь, нет. Мы, наверное, оказались гораздо дальше к северу, чем экспедиционный корпус когда-либо добирался. – Он указал вперед. – Если пройти вдоль этого берега достаточно далеко на юг, окажемся в большой дельте реки с кириатскими руинами на северном берегу. Там мы сожгли плоты ящеров машинами твоего отца. Надо найти ту реку. Тогда я пойму, где мы. И смогу вернуть нас домой.

Они достигли края плоской скалы, прыгнули вниз на хрустнувшую гальку. На берегу перед ними валялось еще больше обломков, кое-что все еще плавало на мелководье. Арчет остановилась, прикрыла глаза ладонью и увидела поодаль целый плавающий ковер из мусора. Никаких признаков неповрежденных частей корабля.

Дальше по берегу кто-то развел костер из плавника. В резком сером свете дня бледное пламя было едва различимо. Мужчины сгруппировались вокруг, толкаясь, чтобы подобраться ближе к теплу.

Арчет кивнула на них:

– Сколько?

– В общем, тридцать четыре человека. Я послал еще один отряд разведать скалы на юге, вдруг там еще кто-нибудь найдется.

Полукириатка опять посмотрела на отряд, который спас ей жизнь.

– А соотношение какое?

Он опять пожал плечами.

– Как видишь, так и есть – кое-кто из Лиги, кое-кто из наемников Танда, плюс немного морпехов. Есть и несколько человек из Трона Вековечного, но я поручил им другой отряд и костер.

– Еще маджаки есть?

– Мало. – Эгар поморщился. – В степи маловато пользы от умения плавать, большинство из них так этому и не учится.

– А ты нашел... Каптала? – Она собиралась спросить про Шенданака или его вымокший до нитки труп, но передумала. – Или Танда?

Драконья Погибель покачал головой.

– Каптала – нет. Никаких следов. А Танд был на другом корабле – «Полет»... Полет чего-то там на Запад. Шенданака и Шанта тоже на борту того корабля. Вспомнила?

Да, теперь она вспомнила.

– Чайка... «Полет чайки на Запад». Да, но...

– Что «но»?

– Сам понимаешь. – Она беспомощно взмахнула рукой. – Обломков-то много.

– Все с одного корабля. – Драконья Погибель большим пальцем указал себе за спину, на одного из спутников-каперов. – Во всяком случае, если верить тому парню, а он был вторым штурманом на «Владыке соленого ветра». Думаю, он знает, о чем говорит. Он очень даже уверен, что ни второй корабль не разбился, ни «Гордость». По крайней мере, они не разбились у этих скал.

Они подошли к костру. Гвардеец Трона Вековечного – Арчет не знала его по имени – шагнул навстречу и склонил голову, приветствуя ее. Он был грязный и вымокший, но в его осанке все еще ощущалось вымуштрованное самообладание, и от этого она вдруг затосковала по Ихельтету, по дому.

– Алвар Наш, госпожа. К вашим услугам. Рад видеть вас в добром здравии. Подойдете ближе к огню?

Его забота как будто растопила кусочек льда внутри Арчет, и полукровка впервые осознала, что одежда на ней влажная, что голова и тело болят от синяков, полученных в расселине, что она жутко как замерзла...

Она подавила дрожь, устало кивнула в знак благодарности. Наш повернулся и бесцеремонно разогнал присевших на корточки или стоявших на коленях мужчин в стороны, чтобы проложить ей путь поближе к огню. Было несколько обиженных взглядов, но чужеродный вид Арчет и поведение гвардейца, свидетельствующее о том, что он сумеет за себя постоять, отбили у них охоту затевать ссору. Она стояла у стены жара, как молящаяся в храме, протягивая руки, стараясь не вздрагивать от удовольствия, когда тепло просачивалось в продрогшее и избитое тело.

Среди каперов, сидевших у костра, послышалось бормотание – обычное дело, и она бы не обратила на него особого внимания, если бы не заметила, как второй штурман шагнул к ним, указал на нее пальцем и что-то протараторил. Тут бурчание затихло быстрее, чем исчезает на песке кровь пустынного мученика. Арчет не была уверена, но, кажется, кое-кто из мужчин жестом выразил...

«Это еще что? Почтение?»

– Что происходит? – спросила она Эгара, когда он тоже подошел к теплу костра. – Я понимаю, им не нравится глядеть на обожженную дочерна ведьму. Но это что-то новенькое.

Драконья погибель бросил взгляд на кучку каперов.

– Да, забыл сказать. Знаешь, почему мы тебя так быстро нашли? Ты повисла на снастях бушприта, как и отломанная верхняя часть носовой фигуры. Вся эта куча обломков застряла в той расселине, указывая в небо, словно здоровенная такая стрела, отмечающая место, где тебя искать.

– Ну и что?

Эгар помедлил.

– Дело в том, что, когда мы туда добрались, все выглядело так, словно носовая фигура держала тебя за лодыжку. Корабль назывался «Владыка соленого ветра», не забыла? Это Такавач – или Даковаш из Темного Двора, как его здесь называют, – и фигура была его подобием. Получается, Соленый Владыка схватил тебя за ногу во время шторма, удержал и спас тебе жизнь.

Она искоса взглянула на друга.

– Ты серьезно?

– Эй, ты смотришь на человека, которому Такавач явился во плоти, чтобы спасти его от братоубийственной схватки там, в степи. Почему мне знать? А, еще кое-что. Каперы и морпехи в один голос бормочут, что случившийся прошлой ночью шторм был противоестественным. Да уж, мать его, быстро все произошло.

– Но...

– Послушай, Арчиди, это не имеет значения. Верь, во что хочешь. Но если эти мужчины думают, что ты вроде как любимица их Темного Двора, это будет удобно для поддержания порядка. Так что не надо ничего портить.

– Ну ладно. – Она потерла руки, наслаждаясь теплом костра. – Я достаточно долго чувствовала себя тем, кто испортил воздух в комнате. Немного низкопоклонства не повредит, для разнообразия.

Чуть позже она почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы понять, что голодна, и тихо спросила Эгара о припасах. Он покачал головой.

– Маловато. Пара кувшинов с маслом, все еще запечатанных, нашли их плавающими в бурунах. И есть соленая ветчина – может, часть еще съедобна. Вон там неповрежденный ящик с какими-то корабельными галетами. Морская вода их чуток подмочила, но, честно говоря, эту дрянь все равно надо вымачивать в рассоле, прежде чем сможешь ее съесть. – Он посмотрел на свои покрытые боевыми шрамами руки. – Пока сойдет. Вода – вот проблема посерьезнее.

Она устремила задумчивый взгляд на цепи зазубренных скал, обрамляющие пейзаж со стороны суши.

– Но ведь там, наверху, она наверняка есть, да?

– Где-нибудь есть, конечно. Но путь может быть далеким, а когда мы разыщем какой-то источник, окажется, что пить из него небезопасно. Тогда, с экспедиционным корпусом, пару раз случалось так, что мы находили воду, но твой отец говорил, что ее нельзя пить. Дескать, она, скорее всего, отравлена.

– Здорово-то как. Ну и что? Пойдем на разведку или...

Чей-то крик раздался с другой стороны костра. Эгар и Арчет обошли столб клубящегося от жара воздуха. Увидели, как с южной стороны галечного пляжа приближаются рассеянные фигурки. Двигались они медленно, и по какой-то причине Арчет пришла в голову мысль о людях, идущих навстречу ревущей буре.

– Мои глаза уже не те, что раньше, – пробормотал Драконья Погибель. – Они что... несут кого-то? Последние из идущих?

– Или что-то. – Арчет прищурилась. – Не разглядеть. Я насчитала одиннадцать человек на своих двоих. Верное число?

Эгар хмыкнул.

– На четыре больше, чем я послал.

Они наблюдали и ждали, пока отряд не приплелся обратно. Арчет узнала гвардейца Трона Вековечного, который их возглавлял, – это был Селак Чан, тот самый, что поднялся на борт «Гордости Ихельтета» и увидел, как она пытается утопить Анашарала в гавани. С того

раза его молодое лицо как будто состарилось на десять лет, но, как и в случае с Алваром Нашем, в том, как он держался, ощущалась железная решимость, и это давало ей некоторую надежду. Подойдя к полукровке, гвардеец низко поклонился.

– Моя госпожа. На такую удачу мы и не смели рассчитывать. Моя жизнь в вашем распоряжении. А с теми новостями, что я принес...

– Выживших нашли? – вмешался прагматичный Эгар.

Чан кивнул, взмахом руки указал назад.

– Двое из Лиги, маджакский парнишка и один человек Танда. Все в довольно хорошей форме – один из ребят Лиги сломал пальцы, но мы соорудили шину. Пес Танда хромот, говорит, повредил колено. Но ходить может.

– Так кого же вы... несете... – Голос Арчет затих, когда она увидела.

Последними в отряде шли два морпеха. Они перекинули через плечи два отрезка трехдюймового каната, соорудив искусную импровизированную переноску. На веревках, точно застрявший в сетях гигантский краб, висела кириатская машина.

«Анашарал?..»

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: это не Кормчий.

Прежде всего, захватчики ни разу не упомянули об Анашарале, и оставалось лишь предположить, что он все еще прячется на борту «Дочери орлана», молча имитируя неодушевленный предмет.

«Да, или морочит голову Клитрену и его людям с помощью какой-нибудь колдовской хрени, чтобы обеспечить себе транспорт на юг».

Так или иначе, морпехи несли не Кормчего. Эта штука была, во-первых, меньше Анашарала, и ее тело в большей степени напоминало скелет. Центральная часть казалась маленькой по сравнению с мощными суставчатыми конечностями, которые должны были подниматься сильно выше торса, если бы существо передвигалось самостоятельно, и за две из этих конечностей оно сейчас было прицеплено к веревочной переноске. Это была какая-то кошмарная версия Кормчего, хищная фантазия, которая могла бы присниться Анашаралу.

– Что за хрень? – спросил Эгар, выразив общие мысли.

– Чтоб я знал, – буркнул один из мужчин, несущих переноску. – Но она охренительно тяжелая.

Он кивнул напарнику, и оба ловким движением сняли веревочные петли. Похожее на краба существо с громким лязгом и дребезжанием упало на гальку. Оно лежало там на спине, раскинув вытянутые конечности, а мужчины, раньше стоявшие у костра, столпились вокруг и таращились на него.

– Оно мертвое? – растерянно спросил кто-то.

– Похоже на то, – сказал морпех, который жаловался на тяжесть. – Кажется, оно обгорело или что-то в этом духе.

И действительно – приглядевшись, Арчет поняла, что механизм почернел и сильно обгорел. Кое-где он даже расплавился, хоть ей и трудно было поверить собственным глазам. Ее соплеменники обычно строили свои машины из материалов, которые выдерживали очень высокую температуру. Не считая драконьего яда, который разъедал почти все, чего касался, единственный пример существенного ущерба кириатским сплавам, который ей случилось увидеть, был связан с...

«Хангсет».

Она все еще помнила, какую картину увидела, поднявшись на возвышенность вблизи от города: обращенные к морю крепостные стены Хангсета разорвало и расплавил, когда двенды явились в гости, как будто по ним ударила какая-то громадная лапа с раскаленными добела когтями.

«Когти Солнца» – так они это называли, по словам Рингила. Он точно не знал, что это за оружие, поскольку никогда не видел его в действии. Судя по тому, что он все-таки знал, двенды использовали Когти Солнца как залп пылающих стрел, чтобы открыть проход, посеять хаос и ужас перед нападением или просто уничтожить все на своем пути.

Позже она нашла мимолетное упоминание об этом в военных хрониках, оставленных ее народом. Но автор изъяснялся витиевато, не сообщая ничего полезного, – верный признак того, что он прикрывал собственную неосведомленность или ненадежную память. Она поговорила с Кормчими, но дальше не продвинулась. Они были свидетелями войны, случившейся четыре тысячи лет назад, но мало что смогли рассказать сверх того, что она уже почерпнула в других источниках. Они видели, на что способны Когти, прекрасно помнили тлеющие руины и целые армии, превратившиеся в пепел, но удар всегда приходил с неожиданной стороны. У них было какое-то совершенно невероятное объяснение того, как это оружие устроено, однако Арчет заблудилась в нем на первом же повороте.

– Где вы это нашли? – спросила она Чана.

Гвардеец дернул подбородком, указывая в ту сторону, откуда они явились.

– На дне оврага, моя госпожа, по другую сторону мыса. Там их много, целая груда. Я подумал – наверное, из крепости.

– Крепость? – Голод, холод, синяки. У нее впервые по-настоящему закружилась голова. – Вы нашли... крепость? Кириатскую крепость?!

– Да, госпожа. Я как раз собирался рассказать. – Чан бросил укоризненный взгляд на Драконью Погибель. – Мы ее увидели с мыса, где-то в миле от берега. Она стоит посреди океана в точности так, как описал Кормчий.

Глава четырнадцатая

Вдоль дамбы-причала были привязаны три рыбацкие лодки. Имперцы нашли пару молодых каперов, которые прятались среди сетей на борту первой, слегка отколошматили и бросили в воду. Та взбаламутилась, когда вопящих бедолаг что-то схватило и утащило в глубины, – одному или двум морпехам, заметившим лишнее, стало плохо, но остальные, похоже, привыкали.

Рингил кое-как наспех воспроизвел заклинание растопки, которому его научил Хьил в самом начале, и заставил влажную древесину на носу лодки загореться. С первой попытки дыма и искр было больше, чем огня. Но со второго раза чары подействовали. Отсыревшие доски трещали, разгораясь, словно ветки пустынного кустарника в костре. Рингил отступил, протягивая к огню руки с растопыренными пальцами, как будто сдерживая его и одновременно греясь.

– Вылезайте из лодки, – велел он любопытным имперцам, которые тянули шеи, собравшись у него за спиной. – Кто-нибудь, перережьте швартовы.

Он выбрался следом за ними. Мрачно наблюдал, как маленький импровизированный брандер⁴ отплыл от дамбы, завертелся, как ищущая север игла на поверхности воды, а потом лег на курс через гавань с ужасающей быстротой и точностью. Имперцы сгрудились вокруг своего командира на краю причала, но ни один не подошел слишком близко.

– В ту сторону не ведет ни одно течение, – пробормотал кто-то за его спиной.

– Что ты говоришь, умник, – проворчал кто-то низким голосом. – Откуда свалился на наши головы? Не видел, что ли, как тех парней затянуло на глубину?

Рингил повернулся, как будто ничего не услышал. Направился ко второй лодке. Ритм воспламеняющего заклинания теперь гудел в голове, он его вспомнил как положено. Решил, что на этот раз справится с первой попытки. Теперь ему более чем хватало внимания, чтобы следить за приглушенным разговором между мужчинами, которые шли позади.

– Это злое дело, – услышал он. – Откровение выражается ясно. Запрещено якшаться с такими силами, как эти. Морда-со-шрамом собирается...

– Говори тише, мать твою! Он же колдун, так?

Уголки Рингилова рта вздрогнули в намеке на улыбку. К разговору присоединился новый голос.

– Да, Крэг, мы все очень расстроены тем, как все обернулось, ага. Мы только что скинули эти пиратские жопы в гавань, и все благодаря Морде-со-шрамом. Ты как хочешь, а я готов в любой момент обменять это на целую бочку надзирательского снисхождения.

– А вы когда-нибудь видели, чтобы надзиратель так сражался?

Гогот.

– Вы видели, чтобы надзиратели вообще сражались?

– Это богохульство, Шан! Откровение – наше руководство к спасению души. Надзиратели и не должны соприкасаться с мирской грязью.

– Да что ты? Я вот видел в прошлом году, как парочка из них довольно тесно соприкасалась с девочками из Двора Сальяны.

– Я слышал, большинству по нраву мальчишки.

– Ух, ну вот это просто какое-то сраное непотребство...

– Ой, неужели... Чего ты придуриваешься, Махмаль? После того, как прижимался к тем розовеньким щечкам на борту «Ящериной плети» в прошлом году?

⁴ Брандер – судно без людей, заполненное боеприпасами и горючими веществами, специально предназначенное для сожжения вражеских кораблей.

– Это совсем другое дело, приятель. Это было в море. Но когда есть возможность выбрать...

Они добрались до второй лодки. Немного покрасовавшись, Гил бросил чары с дамбы в сваленные на дне сети. Дым и тлеющее пламя, и на миг показалось, что он опять облажался. Потом вспыхнул огонь, в прозрачной тишине утра послышался треск. Он уперся сапогом в борт лодки, дал огню разгореться как следует, а потом кивнул морпеху, стоявшему ближе всех к причальной тумбе. Тот перерубил веревку, и Рингил с силой оттолкнул суденышко от края дамбы.

– Мой господин! – От того конца набережной, где были ступеньки, спешил молодой морпех. – Господин Рингил!

Гил повернулся к нему лицом. На имперце виднелись следы только что закончившейся схватки – он слегка прихрамывал, его голова была кое-как забинтована. Из-под повязки текла кровь, начиная подсыхать на лице. И все же он казался довольно бодрым.

– Господин, командир Хальд прислал сообщение: он готов двинуться на город. К башне прибыло подкрепление, для поддержки атаки.

– Отлично. – Рингил кивком указал на последнюю оставшуюся лодку. – Тогда все на борт. Скажи командиру Хальду, что мы встретимся с ним на другой стороне.

Его позабавило, как мужчины начали с тревогой переглядываться. Он подошел к третьей лодочке, швырнул в нее свой заемный щит и прыгнул следом. В ожидании оглянулся на морпехов.

– Господа, прошу.

Они последовали за ним без особого воодушевления, все девять с осторожностью перебрались в лодку. Сели, опасливо отстранившись от бортов, а он занял место на носу и стал ждать, пока морпех с забинтованной головой отдаст швартовы. Впереди, на водах гавани, полыхали две другие лодочки, неуклонно направляясь к военному кораблю Лиги, пришвартованному у главного причала. В набирающем силу утреннем свете брандеры выглядели безобидными игрушками, но он уже слышал встревоженные возгласы на причале.

«Сойдет».

Они быстро пересекли гавань – Рингил, стоя на носу, взглянул вниз и увидел у самой поверхности воды ведущую акийя, которая легко плыла на боку, и ее длинные, украшенные плавниками конечности колыхались. Одну когтистую руку существо отвело назад, лаская киль, словно направляя лодку своим прикосновением. Голова акийя была запрокинута, один глаз размером с кулак словно наблюдал за ним из-под воды, огромный, как у миноги, рот открывался и закрывался на бескостной нижней части лица.

«Они говорят о тебе».

Эти слова сказал Ситлоу, когда они впервые увидели акийя, которые наблюдали за ними обоими с мелководья, прямо у берега, в Серых Краях. В тот раз он пропустил сказанное двендой мимо ушей, как шутку. Но когда вышел из разрушающегося храма Афа'мараг на берег реки, то почти не сомневался, что в воде акийя. Он почти не сомневался, что она вернула ему кинжал из драконьего зуба, воткнув в речную грязь. И где-то в запутанной трясине ночных кошмаров и памяти, оставшейся от тех событий, был проблеск воспоминаний о том, как он взял Друга Воронов из перепончатой и когтистой лапы, которая протянула меч из воды, словно в дар.

«Я знаю, что в тебе увидела акийя, Гил. И вижу, кем ты можешь стать, если позволишь себе».

Он не понимал, кем становится, но знал, что существа последовали за ним на север. Он видел, как они резвились в волнах прибоя однажды ночью в Ланатрее, когда вышел прогуляться по укреплениям летнего прибежища своей матери. Он много раз видел, как они плещутся в пестрых от отблесков Ленты волнах позади «Гибели дракона», хотя в те ночи никто на палубе,

похоже, не замечал того же, что и он. А когда появился кракен, чья туша поднималась на палубу, простирая неутомимые щупальца одно за другим в поисках добычи, именно акийя накинудись на него всей стаей, рвали тело когтями и зубами, пока не утащили наконец-то назад, в океан – и Рингил за это время успел его рубануть не больше полдюжины раз.

Эти существа фигурировали в наомской мифологии, чаще под именем «мерроигай», хотя в соответствующих сказках больше внимания уделялось их гладким женственным телам и соблазнительным способам обхождения с моряками. Упоминаний о кошмарной костной структуре и устройстве «рта», а также о довольно грозных когтях было маловато. В некоторых легендах акийя представляли младшими божествами, близкой родней аристократичного Темного Двора. В других мифах их связывали конкретно с Даковашем, Соленым Владыкой. В некоторых версиях они были его глазами и ушами в океане, а то и служанками.

Ситлоу был скуп на слова, не сказал ему ничего значимого или полезного, но одно Гил понял очень четко. Повелитель двенд и его сестра Рисгиллен явно избегали обижать акийя, если не сказать – боялись их. А то, что беспокоило двенд, ну, должно было чего-то стоить.

«Мы примем тех союзников, каких сумеем разыскать, – без обиняков сказал Акал Великий своему двору, когда было объявлено о союзе с Трелейном против ящеров. – И мы не будем подвергать сомнению то, что нам повезло их найти».

Рингилу этот человек никогда особенно не нравился, но в этом суждении он не видел никаких логических промахов.

Теперь Рингил и морпехи подплыли к галечному пляжу в конце набережной. Никто их не встретил. Из-за брандеров и вторжения Хальда в дальнем конце гавани ни у кого не было времени, чтобы обратить внимание на новых гостей. Ведущая акийя отпустила киль лодки, развернулась в прыжке, от которого любой ныряльщик-человек сломал бы себе хребет, и снова скрылась в глубине. Сквозь подошвы сапог и ладонь на носу суденышка Гил как будто почувствовал, как множество когтистых лап отпускают корпус и движение лодки слегка замедляется.

– Приготовьтесь, парни. – Шахн, старший из присутствовавших имперцев, повысил грубый голос. – Как высадимся, красивым плотным строем идем за господином Рингилом. Клинки достать *после* прыжка.

Лодка врезалась в берег с долгим галечным хрустом, резко остановилась и накренилась набок вдоль кия. Гил выпрыгнул, подняв щит, и, тяжело шлепая по мелководью, достигавшему лодыжек, выбрался на сушу. Обнажил Друга Воронов из чистой командирской бравады – здесь некого было убивать. Но за спиной раздался множественный лязг, когда имперцы последовали его примеру.

– Щиты!

Они ринулись по пляжу все как один. Легкий ветерок заставил его плащ всколыхнуться и на миг охладил влажную одежду. Рингил вздрогнул, но к ознобу примешивалось ликование.

«Видел бы ты меня сейчас, папа. Видел бы ты, как я веду отряд имперцев на один из городов Лиги».

Бандитская пидорская мразь.

«Ну да, разумеется».

Они незамеченными добрались до набережной, с некоторым облегчением вступили на мостовую, что пришла на смену гальке. В паре сотен ярдов справа один из импровизированных брандеров остановился у ватерлинии военного корабля Лиги, и языки пламени уже лизали фальшборт и такелаж. Вокруг суетились люди с ведрами, пытаясь потушить огонь.

«Ну, удачи вам с этим».

Хьил хорошо его обучил: призванный огонь ничто не могло погасить, пока то, что поджег колдун, не превратится в пепел.

Между тем...

План был незамысловатый: построиться «кривой клешней», чтобы очистить причал от любых враждебных сил, а затем продвинуться в город, убивая всех подряд. Но когда они добрались до набережной, в утренней тишине отчетливо прозвучали крики и топот сапог по булыжной мостовой, доносящиеся с одной из уходящих вверх улиц.

Приближалось подкрепление.

Он вихрем развернулся лицом к имперцам и обрушил на них решительные быстрые слова:

– Четверо со мной, сейчас же. Мы поднимемся туда и заблокируем следующую волну. Шахн, ты возьмешь остальных и прорубишь себе путь к Хальду.

Шестеро из восьми имперцев тут же шагнули вперед. Стоило предположить, что оставшимися были благочестивый Крэг и его единомышленник. Рингил ухмыльнулся и ткнул щитом наугад.

– Ты, ты, ты и ты. Благодарю, господа. – Повернувшись к Шахну, коротко прибавил: – Передай Хальду, что мы будем удерживать склон столько, сколько сможем, но нам не мешает подкрепление. Ладно, иди. Сделай это. Остальные – со мной. Давайте загоним их на хер обратно на холм, ага?

Мрачный смех. Они знали, что их просят сделать, знали, каковы шансы. Пять клинков, чтобы остановить бегущих по улице каперов в неизвестном количестве – и наклон местности тоже был против них.

Он поднял Друга Воронов как стальное знамя.

– За ваших товарищей, господа, – за Империю! Покажем, чего все это стоит!

«За *Империю*, Гил? Ты чего еще выдумал, а?»

«Главное, чтобы сработало».

Они рванули за угол, добрались туда примерно в то же время, что и спешащие по улице каперы – это получилась в некотором роде засада, и даже успешная. Спускающиеся солдаты в буквальном смысле споткнулись об отряд Рингила. Гил ударил ведущего капера щитом, сбил его с ног, ударил ногой в голову и оставил, чтобы кто-то другой добил его. Он низко рубанул следующего противника, подсек ему ноги чуть ли не быстрее, чем капер понял, что его атакуют. Скользнул в сторону, пока искалеченный и вопящий солдат кубарем катился вниз, расставил ноги для равновесия и, когда налетел третий – удар! блок! еще удар! – не перестал выискивать бреши в защите. И еще постоянно следил за брусчаткой под ногами, потому что от ночного тумана и утренней росы она была предательски скользкой.

Капер, с которым Рингил столкнулся, обнаружил то же самое, с поправкой на слишком быстрое движение вниз по улице – он запнулся, парируя, не рассчитав расстояние, – и Друг Воронов отсек ему руку ниже локтя, словно серп. Хлынула кровь, и капер взревел, как бык на бойне, увидев, что произошло. Рингил грубо схватил его за куртку, оттолкнул в сторону. На лицо ему попало немного крови, теплой и влажной, когда противник с криком упал на мостовую.

Отряд имперцев раскрылся вокруг него словно лепестки зловещей черной розы. Грохот щитов, рубящие и колющие удары – они обрушили на растерянных каперов такой натиск, что те могли только спотыкаться на склоне, и убили с полдесятка, прежде чем кто-то сумел отступить и организовать достойную оборону. В течение долгих мгновений в рядах Лиги царили паника и смятение – никто не мог в точности разглядеть, что за сила встала у них на пути, насколько она опасна и как хорошо вооружена. Так это тот самый разбойник, которого они должны уничтожить? Он что, черный маг или кто-то в этом духе, это какое-то колдовство?..

Конечно, подобное не могло продолжаться долго.

– Именем Хойрана, мать его за ногу, их всего пятеро! Построиться!

Отряд каперов собрался, словно встряхнувшийся пес. Бойцы взяли щиты на изготовку, образовали неровный строй, отступили, чтобы перевести дух. Имперцы и сами ухватились за

возможность отдышаться. Капер, который прокричал команду, протиснулся вперед, свирепо ухмыляясь под узорчатым шлемом, скрывающим верхнюю часть лица. На его кирасе была намалевана эмблема сержантского звания, в правой опущенной руке он держал топор, а под доспехом виднелся – тут у Гила упало сердце – мундир егерского полка.

– Так точно, – рявкнул сержант и ткнул топором в сторону колдуна. – Ну-ка, парни, прикончим этих надушенных южных педрил.

«Поехали, Гил. Сейчас или никогда».

Он вскинул руку с мечом, словно блокируя удар, перевернув кулак и держа Друга Воронов вертикально, острием вниз. Разжал три пальца, продолжая удерживать рукоять указательным и большим, сложив их кольцом. Изобразил глиф. Воззвал к хваленым Силам Хыла, надеясь, что они внимательно следят за происходящим – это же, мать его, весьма открытое пространство.

Егерь фыркнул:

– Какого хрена? Ты хочешь сдать сейчас, изгой? Это все, на что ты способен?

– Твой шлем раскалится, – подсказал ему Рингил.

И увидел, как противник закричал, выронил топор и схватился за шлем обеими руками, снова закричал, когда пальцы коснулись металла и расплавились от жара, упал на колени, продолжая кричать. Егерь дергался на булыжной мостовой, бился, катался и выгибался в агонии, и кричал, кричал, *кричал*, пока все не кончилось, – и наконец застыл, чуть подергиваясь, с побелевшими вытаращенными глазами.

Над его разинутым ртом вился слабый пар, словно душа покидала тело.

Потом настал момент расплаты: Гил как будто получил удар под дых. Стоило немалого труда не вздрогнуть и не осесть под натиском сил, которые прошли сквозь него, не шлепнуться на задницу прямо посреди мощеной улицы. Вместо этого он поднял Друга Воронов, снова сжав рукоять дрожащими пальцами. Указал клинком на каперов, которые таращили глаза. Раздавшийся вслед за этим скрежещущий голос, казалось, принадлежал совсем другому существу.

– Кто следующий? – спросил этот голос.

Каперы дрогнули и сбежали.

Повезло.

Разгромив врагов, он повел имперцев вверх по улице. Хальд пусть поиграет в догонялки, когда наконец прорвет оборону причала. Он умный малый, он сообразит, как действовать.

«Мы, конечно, оставили ему достаточно тел».

Они по-настоящему не пытались поймать убегающих каперов – лучше пусть те сеют панику повсюду на своем пути, а силы стоит сберечь для твердолобых героев, которые не купятся на слухи и решат сразиться. Рингил и морпехи поднимались по склону всего лишь быстрым шагом. Достаточно медленно, чтобы он отдышался и попытался справиться с дрожью в животе. Он понимал, что зашел слишком далеко – как и предупреждал Хыл, – и пришлось расплачиваться. Одно дело вселять воображаемые страхи и сомнения в умы невежественных, плохо образованных противников. Плата за это была невысока – по словам Хыла, такое можно было и не считать колдовством. Но вытянуть печной жар из воздуха, обрушить на голову противнику из элитного воинского подразделения в разгар боя, в мгновение ока...

За подобный трюк надо рассчитывать сполна.

Икинри'ска извивалась внутри него, словно желая, чтобы ее накормили. Она сворачивалась спиралью и щелкала челюстями в его груди и кишках, вызывая слезы на глазах, впивалась зазубренными шипами в нервы в его руках и ногах. Он никак не мог с нею совладать.

– Верхнее окно! – Четкая, выверенная тревога от одного из имперцев. – С левой стороны.

Он повернулся, чтобы посмотреть. Увидел только мальчика лет десяти-двенадцати, который смотрел на них сверху вниз, тыкая указательным пальцем и повернувшись назад в комнату, шевеля губами.

Его тут же схватил кто-то дородный – наверное, отец.

– Не о чем... – Он откашлялся, пытаясь вернуть голосу прежние командные нотки. – Не о чем беспокоиться. Держим темп.

Еще выше, там, где наклонная дорога делала крутой поворот, они обнаружили кровь, стекающую между булыжниками, и проследили ее до раненого капера. Мужчина пытался уползти с улицы и укрыться в узкой щели между домами. Он либо сам забрел так далеко, а потом упал, либо его несли товарищи, которые передумали и бросили свою ношу ради более быстрого отступления. Он услышал топот, знаменующий их приближение, с трудом перевернулся на спину и, приподнявшись на локте, отчаянно пытался нащупать на поясе нож, которого там не было. Там, где он прополз, на булыжной мостовой остались смазанные лужи крови, а на его куртке чуть выше бедра зияла рваная дыра от удара топором, отмечая место раны. Он смотрел на них, пока они приближались: глаза на покрытом капельками пота, искаженном от боли лице горели вызовом.

Среди имперцев раздались мрачные смешки. Их кровь вскипела от неожиданной победы, которой они только что вкусили. Один из них присел рядом с капером.

– Похоже на дело твоих рук, Махмаль. – Он ткнул пальцами в рану, и капер со слабым криком забился в конвульсиях. – Только ты мог вот так рубануть, тят-ляп.

– Не приебывайся. Он же вышел из боя, так?

Имперец, сидевший на корточках, левой рукой снял с пояса клинок милосердия.

– Так, но ты должен научиться...

– Постой. – Рингил шагнул между ними. – Дай мне с ним поговорить.

Имперец пожал плечами и отодвинулся. Рингил занял его место, присел на корточки рядом с раненым. Вгляделся в его вспотевшее лицо. Понял, что под кровью и грязью скрывается всего-навсего вчерашний мальчишка.

– Ты знаешь, кто я такой, сынок? – спросил он, перейдя на наомский.

Неуверенный кивок. Капер съежился, пытаясь оказаться как можно дальше от Рингила.

– Только не демоническим клинком... – прохрипел он.

Рингилу потребовалось мгновение, чтобы понять: это мольба. Он поменял хват на рукояти Друга Воронов, поднял его за эфес так, чтобы раненый видел.

– Этим?

– Нет! Не убивай меня им. Прошу тебя, я... я умоляю. Не... этим клинком. Не забирай мою душу.

– Хм. – «Не упusti такой шанс, Гил. Подыграй ему». – Если хочешь спасти свою душу, сынок, лучше поговори со мной. Я хочу получить кое-какие ответы. И, э-э, будь осторожен – демон, который спит в этом клинке, узнает, если ты соврешь.

– Да, – ответил капер слабым и сдавленным от боли голосом. – Ладно, хорошо. Спрашивай.

– Перво-наперво... какого хера вы тут ищете? На Хиронских островах нет ничего стоящего – это ведь жопа Лиги. Любой капитан из тех, что шатается вблизи от берега, в курсе. Так в чем же дело-то?

– Пришли за тобой... за изгоем Эскиатом, – раздался едва слышный шепот. – Схватить для суда – или убить.

– В таком количестве? Да брось ты. – Гил опять выразительно качнул Другом Воронов. – Я же сказал говорить правду.

– Нет, постой, постой... Это правда! – Раненый теперь задыхался не только от боли, но и от паники. Он судорожно вздохнул. – Пришла весть... из Ланатрея. Разбойник Эскиат в компании имперских дворян, вооруженных людей. Плывут на север. А теперь, с этой войной...

Рингил моргнул.

– Войной?

– ...вам всем нельзя... находиться на землях Лиги. Нам приказали... всех задержать... всех имперцев...

– Какая еще война, мать твою?!

Капер вздрогнул.

– Имперцы... это они начали. Забрали Хинерион... пришли с огнем, с войском. Заявили, что их оскорбили... такое оправдание. Ста... старая история.

Рингил закрыл глаза. «Джирал... ты, извращенный, высокомерный маленький кретин, что ты натворил? Какой убийственный, фанфаронский образчик идиотизма ты обрушил на наши головы?»

Осознав, что вид у него не темно-колдовской, а, скорее, смертельно уставший, Рингил снова открыл глаза.

– Как давно это случилось?

– Не знаю... пару... месяцев. Может, больше... пока дошли вести...

«Война объявлена, и скоро придется вступить в сражение». Слова Темной Королевы всплыли в его памяти. Ему и в голову не пришло, что ее следует понимать буквально.

– Сколько вас? – А потом у него вдруг возникло мрачное подозрение. – Сколько кораблей?

– Пять... пять кораблей... но два ушли – с пленниками. Я... со «Звезды Джерджиса». В ее команде... восемьдесят шесть...

А на военном корабле в гавани, судя по виду, вдвое больше. И еще три судна с неизвестным водоизмещением и командой. В это трудно было поверить.

«Пять гребаных кораблей. Отец, на этот раз ты превзошел самого себя».

«Перестань, Гил. Не позволим внутрисемейным распрям вскружить нам голову. Гингрону не по силам устроить такое».

«Значит, клика?»

Вопрос остался открытым. Он все еще плохо представлял себе, до каких пределов простирается власть клики за кулисами в Трелейне или даже в Лиге в целом. Время от времени он встречался с их агентами, но у него не было возможности допросить их – драки всегда были слишком жестокими, клинки слишком неумолимыми, а его собственная ярость слишком необузданной. Ситлоу использовал клику для укрепления власти и влияния в северных городах – это Рингил знал наверняка. Но он понятия не имел, была ли клика сама по себе создана руками двенды, или Ситлоу просто счел возможным подчинить себе уже существующую властную структуру. Он не знал, усохла ли она, когда Ситлоу ушел, а Рингил вернулся в город, чтобы мстительно посеять разорение среди тех, кто похитил его кузину, или Финдрич и остальные просто затаились и выжидали завершения плохо спланированной и неуклюже исполненной мести Гила. В прошлом году Гил предупредил вторжение Рисгиллен в Ихельтет, и выражался при этом недвусмысленно...

«Я охраняю этот город! Чтобы попасть сюда, придется пройти через меня!» – Собственный крик резал ему уши, а храмовый зал Афа'марага в это время продолжал рушиться, и Рисгиллен в ужасе смотрела на Рингила. – *В следующий раз, когда увижу двенду, я вырву его или ее гребаное сердце и сожру, пока оно будет биться!»*

...но он никогда особо не сомневался в том, что сестра Ситлоу опять попыбует воспользоваться теми рычагами власти, что у нее еще остались на севере.

«Олдрейны опять заставят Когти Солнца, – шепчущий голос Фирфирдар в его голове нежен, как прикосновение упавшего пера, – озарить небеса сиянием бесчисленного множества несправедливых смертей...»

На что пошла бы Лига ради такого оружия, не говоря уже о клике? Он слышал хвастливые речи Рисгиллен, слышал рассказ Арчет о том, что имперцы обнаружили в Хангсете. Он не совсем понимал, что собой представляли эти Когти Солнца, но то, что они могли сделать,

особых сомнений не вызывало. Оружие, способное поджечь славный город Ихельтет, как срубленное прогнившее дерево. Оружие, способное поставить на колени всю Империю.

Разве существует то, что клика бы *не* предложила Рисгиллен в обмен на нечто подобное?

«Пять кораблей и несколько сотен человек, чтобы захватить или прикончить убийцу твоего брата – так, моя госпожа-из-иного-мира, несущая огонь победы? Это едва ли может считаться достойным авансом».

Он заставил себя снова обратить внимание на раненого капера.

– Кто вами командует?

Тот вздрогнул.

– Клитрен... Клитрен из Хинериона. Он теперь рыцарь... рыцарь, командующий военным подразделением.

Губы Рингила изогнулись в кривой усмешке.

– Да неужели?

Он знал таких людей. Они сражались за дешевые титулы и продвижение по службе в безумном, неразборчивом в методах хаосе мобилизации. Война против Чешуйчатого народа привела к тому, что множество младших сыновей из благородных семейств заняли посты, к которым не были даже отдаленно готовы. «К юноше Рингилу Эскиату, с его пылким взором, это тоже относится, если подумать...» – и он предполагал, что на этот раз все будет так же.

Раненый опять судорожно втянул воздух.

– Говорят... говорят, что Клитрен... желает тебе зла. Он мстит, так говорят. Он... проносит твоё имя с ненавистью... когда по ночам лежит в постели.

– Как же это романтично. – Рингил поднялся на ноги. Увидел, как взгляд капера в отчаянии метнулся туда-сюда между фигурами врагов, которые возвышались над ним. На измученном лице отразилась битва между ужасом и трепещущей надеждой. – Ладно, сынок. Расслабься, мы закончили. Твоя душа вне опасности.

Он демонстративно убрал в сторону Друга Воронов. Увидел облегчение в глазах юноши. Кивнул имперцу с клинком милосердия.

– Сделай это быстро.

Имперец опустил на колени, рассеянно напевая себе под нос какой-то мотив, и рассек каперу горло от уха до уха. Губы юноши шевельнулись: он успел произнести слова молитвы. Рана наполнилась подступившей кровью, та хлынула ему на грудь и залила куртку, соединившись с расплзающимся пятном от раны на бедре. Трудно было понять, задержалось ли облегчение на его лице, пока он умирал, – имперец был мастером своего дела, и юные черты помрачнели и обмякли от потери крови почти в тот же момент, как клинок рассек плоть. Веки капера опустились, словно крылья усевшихся на жердочку голубей, и он испустил дух.

«Клитрен».

Гил погрузился в размышления. Имя ничего для него не значило – впрочем, связанные с кровной мстостью имена редко имели значение. Убив достаточно людей, собираешь целый клан из скорбящих братьев, отцов, сыновей и товарищей, и все они вырвут тебе кишки, дай только шанс. Радовало, что этого шанса, вопреки популярным сказкам и легендам, им почти никогда не выпадало. Мало кто, за исключением дворян, обладал такой роскошью, как свободное время, которое требовалось, чтобы выследить обидчика, не говоря уже о боевых навыках или кошельке, позволяющем нанять того, кто обо всем позаботится. О, время от времени тебя могли побеспокоить вызовом на дуэль или оделить смутным предупреждением об убийцах, которые, дескать, уже идут по следу, пусть даже эти убийцы чаще всего не утруждали себя исполнением контракта и исчезали, прикарманив деньги...

Но в основном твой ночной сон никто не тревожил. А твои убийственные деяния смывало течением, кровавые пятна выцветали почти полностью, терялись на общем фоне, коего не постыдилась бы и скотобойня. Мир все забывал – и со временем ты тоже.

– Что-нибудь полезное узнали, господин? – спросил его Шахн.

Рингил кивнул:

– Похоже, его императорская светлость в своей безграничной мудрости начал войну, пока нас не было дома. Хинерион уже пал.

– Да восславится его имя, – машинально произнес Шахн, то ли не уловив иронии в словах Гиля, то ли предпочитая ее не замечать. Он многозначительно взглянул на товарищей, и те ответили, приглушенно бормоча те же слова.

– Значит, мы в тысяче миль от границы, с неправильной стороны, – тихо проговорил кто-то.

– Будем прорываться, – отрезал Шахн. – И присоединимся к нашим товарищам со славой на фронте, с клинками, уже обагренными кровью.

– В самом деле, – сказал Рингил с каменным лицом. – Но всему свое время, да? По словам нашего приятеля, этой бандой командует какой-то говнюк с личной неприязнью ко мне. Если я его разыщу, возможно, мы покончим с этим быстрее, чем я думал.

Шахн нахмурился:

– Один на один, мой господин?

– Если он согласится, да.

– А нам известна их сила? – спросил один из имперцев.

– Пять кораблей. Но два уже ушли на юг с пленниками.

– Пять?! Пять гребаных...

– Молчать! Говорит господин Рингил.

– Я думаю, человек двести-триста, – спокойно продолжил он. – Большинство на берегу. На дозорных судах – одно мы миновали в тумане, и есть его собрат с южной стороны – только минимально необходимые команды.

– А нас меньше восьмидесяти. – Тот самый имперец, который волновался из-за тысячи миль до фронта. – Да ладно – кто променяет такой расклад на битву один на один?

– *Эскиат!*

Яростный вопль раздался с вершины склона, из-за поворота улицы впереди. В тишине ясного утра голос искрился от гнева, полный неизбывной тоски. Рингил повернулся на звук с выражением лица, которое имперцы позже описали своим товарищам как близкое к радости.

– Ответ понятен, да? – рассеянно проговорил он, оглядывая холм.

– Трус! Изгой! – Оскорбления опережали друг друга, эхом отражаясь от домов, словно грохот камнепада. – Иди навстречу судьбе – и да свершится справедливая кара!

– Уже бегу, – пробормотал Рингил.

И зашагал по улице, словно это была дорога домой.

Глава пятнадцатая

Даже по меркам кириатской архитектуры Ан-Кирилнар выглядел, мягко говоря, потрясающе.

Конечно, любой, кто жил в Ихельтете, знал, что способны построить кириаты, пребывая в подходящем настроении. Рано или поздно любой шел поглазеть на Мост Черного Народа, в прыжке застывший над рекой, или Объятие Близнецов на пострадавшей северной стороне императорского дворца. Время от времени можно было увидеть защитные стены эстуария и вечно пляшущую призму зеленого и фиолетового цвета над башней маяка в том месте, где они заканчивались. Можно было прогуляться мимо охраняемого конца имперских верфей, где последний оставшийся огненный корабль стоял на подпорках в сухом доке, словно громадная железная личинка, из которой что-то должно было вылупиться. Или отправиться на перекресток Калдан, чтобы заглянуть в зияющую там дыру с ее зловещими строительными лесами, которые словно затягивали взгляд все глубже, глубже...

И все-таки.

«Просто охуенно».

Эгар бормотал это себе под нос, пока их отряд шел по дамбе, подле которой плескались океанские волны, приближаясь к тени города, запрокидывая головы, чтобы объять взглядом эту молчаливую громадину. Ан-Кирилнар стоял примерно в ста футах над водой, на пяти толстых опорах, каждая из которых посрамляла ихельтетский маяк если не высотой, то шириной. С берега он казался далеким и нереальным – безликие стены грязно-белого цвета, вроде старого речного льда, туго обрамляли центральное средоточие шпилей, которые время от времени поблескивали в лучах солнца, изредка пробивающихся сквозь тучи. Похоже на крепость ледяных гигантов из какой-нибудь воронакской охотничьей сказки – нечто, увиденное сквозь многослойную завесу метели, далеко на севере, у края Великого Льда. Как будто осколок другого мира провалился сквозь дыру в реальности. Или, может быть, осколок мифа.

Но с близкого расстояния миф преобразился в нечто иное. Подбрюшье города, которое они теперь узрели над головой, казалось заброшенным и выдавшим виды: просторный темный свод из покрытого пятнами разнородного металла, на котором тут и там, словно шрамы, обнаруживались следы сварки и уродливые швы, которые, с точки зрения Эгара, смахивали на следы поспешного ремонта. Он видел нечто похожее во время войны, когда пришли драконы и кириатские инженеры спешили привести в порядок поврежденные оборонительные сооружения, пока не началась следующая битва. На поверхности свода время от времени попадались широкие дыры – одни достаточно правильной формы, чтобы можно было решить, что так все и задумано, а другие – с рваными краями, похожие на раны. В них метался и зловеще завывал ветер, то и дело принося с собой неопределимую химическую вонь. Из некоторых дыр свисали кабели, как слюна из рта пьяницы, заснувшего мертвым сном на краю стола.

Они шли под городом, будто страшась что-то разбудить.

– Здесь что, призраки водятся? – спросил по-наомски кто-то за спиной.

Другой капер харкнул и сплюнул.

– Не-а. Те головешки ведь бессмертные, так? Откуда возьмутся привидения, если никто не умирает?

– Ага, но они же умирали – ну, в битвах и все такое. Как на побережье Раджала.

– Да уж, здесь *точно* кто-то умер.

Эгар бросил взгляд через плечо.

– А ну заткнитесь.

Они замолчали.

«Сработало, надо же. Да, время и место не подходящие для того, чтобы раздавать тумаки». Они шли по дамбе, сложенной из пятиугольных пластин, каждая размером с небольшой щит, но тропа из них получилась шириной всего-то в полтора ярда, а каждый раз, когда набегала волна, на ней собиралась пара дюймов воды, и поскользнуться было раз плюнуть, если не смотреть под ноги. Стоит кому-то пустить в ход кулаки, и обе стороны, скорее всего, плюхнутся в океан. Поглядев на существо, выползшее из расселины на суше, Эгар отнюдь не спешил пытаться счастья в глубоководье в паре миль от берега.

«Нервничаешь, как пацан у дверей борделя, Драконья Погибель. Никто из них не бросит вызов тебе как командиру, и ты это знаешь».

Пастушья мудрость, первая и самая важная, подсмотренная в степях еще в юные годы. Стада буйволов следовали за большими быками – подчини быков, и все стадо твое. Отправившись на юг и записавшись в армию, он узнал, что к людям это, в общем-то, тоже относится. Стая следовала за вожаком очень схожим образом.

«Да, а с главным быком ты расправился на пляже этим утром». С первого взгляда отыскал его среди сбившихся в кучу первых выживших, узнал того, кто был среди охранников, которые привели его и Арчет на борт «Владыки соленого ветра» накануне...

«Всего-то накануне? Ох, яйца Уранна, как быстро летит время, когда творится такая веселуха».

...и подозвал.

«Ты, патлатый. Как звать?»

«А тебе какое дело, маджак?» Капер завожился, выпрямился во все свои два с лишним ярда мышц. Боевые шрамы на физиономии, и...

Да ладно.

Нацепи улыбку, Драконья Погибель, быструю такую – и так же быстро ее долой. «Какое мне дело? Ты бы огляделся по сторонам, а. – Тут он резко поднял голос. – Валяй – и остальных это тоже касается. Кумекаете, куда нас занесло?»

«Это побережье Пустошей», – сказал кто-то.

«Ага, оно самое. Кто-нибудь из вас тут уже бывал?»

Тишина.

«Ну так вот – я бывал. Я тут был в составе совместного экспедиционного корпуса под командованием Флараднама Индаманинармала в далеком пятьдесят втором. А на обратном пути еще и в Виселичный Пролом заглянул».

Они взволнованно забормотали от упоминания этого названия. Если какая-то единственная битва и завладела вниманием населения Лиги, то это было противостояние при Виселичном Проломе. Гигант перед ним впервые утратил решимость. Эгар впери́л в него взгляд. Опять понизил голос, намекая на доверительный тон.

«Хочешь выбраться отсюда? – Напряженный кивок в сторону выживших, сгрудившихся вокруг костра. – Хочешь вернуть их домой целыми и невредимыми? Тогда я тот, кто тебе нужен».

«Да ладно? Насколько я знаю, еще недавно ты был гребаным военнопленным».

Эгар приказал себе держать руки расслабленными, вдоль тела. Вложил все во взгляд. «А ты проверь еще раз».

Долгая пауза.

Великан помедлил. «Согрен, – сказал он. – Меня называют Жилоруким».

«Эгар. Меня называют Драконьей Погибелью».

Дамба закончилась. Точнее, она перешла в нечто вроде кольца, огибающего центральную колонну в десятке ярдов от изгиба ее поверхности. Арчет, идущая впереди Эгара, задавала темп – настолько быстрый, насколько это позволяла предательски скользкая поверхность, по

которой они шли. Теперь она резко остановилась, а Эгар был так занят, глаза наверх, что врезался ей в спину. Она пошатнулась, он схватил ее за плечи, и оба едва не упали в воду.

Потом они замерли.

– Прости, – пробормотал Драконья Погибель.

– Охренеть, как здорово. – В ее голосе слышался приглушенный сдерживаемый гнев, но предназначалось это чувство не Эгару. Она указала вперед. – Как же нам, мать твою, туда...

И ее рука упала.

Они стояли и смотрели на опорную колонну. Поверхность моря вздымалась и плескалась в промежутке между нею и кольцевой дамбой – в просторной тени города вода выглядела мутно-серой, непрозрачной. Поверхность колонны вздымалась над нею: на грязно-белом сплаве тут и там расцвели зеленые или пурпурно-коричневые пятна, как будто металл каким-то образом покрылся синяками. Если где-то и был вход, они его не видели.

Мужчины сгрудились позади них. Бормотание возобновилось.

«Надо их как-то занять, Эг».

Он щелкнул пальцами, требуя внимания, – старая привычка, обретенная благодаря имперской муштре, пробудилась по первому зову и ничуть не заржавела. Драконья Погибель заговорил по-тетаннски, но бросил взгляд на одного из людей Танда, и тот начал тихонько переводить на наомский для каперов.

– Ладно, слушайте меня, вы все. Я хочу, чтобы пятнадцать человек отправились делать обход вон туда, и еще пятнадцать – вот сюда. Согрен, на тебе первый отряд, выбирай себе людей прямо сейчас. Алвар Наш, ты выбирай еще пятнадцать и ступай в другую сторону. Будьте внимательны! Вы ищите дверь, мост, щель – что угодно, позволяющее попасть внутрь. Встречаетесь посередине, проходите мимо друг друга и идете дальше – что один упустил, другой обнаружит. Остальные идут обратно и проверяют свод. Я сам не знаю как, но мы, возможно, упустили что-то важное наверху.

Сомнения, обмен взглядами. Они замерзли, устали, проголодались, страдали от полученных во время шторма и кораблекрушения ушибов. Они застряли в месте, знакомом лишь по жутким сказкам и легендам, вооруженные скудным набором ножей, несколькими обрывками цепей, найденными в обломках, и одним-двумя обломками тимберсов, достаточно тяжелыми, чтобы из них получилось хоть какое-то подобие дубины. Они были экипированы в лучшем случае для драки в таверне, а столкнуться пришлось с чудовищами родом из мифов.

Эгар развел руками.

– Что стоим, народ? За дело.

Собственный двухфутовый кусок цепи он обвернул петлей вокруг правой руки и теперь позволил концу свисать. Он не собирался использовать это оружие – не мог разрешить себе начать калечить или убивать людей в отряде, в котором не было и пятидесяти человек, из-за какой-то незначительной проблемы с дисциплиной. Но цепь была напоминанием. На обоих концах все еще были болты, которыми она крепилась к обломку корабля, находке Эгара. И все видели, как он выдрал эти болты один за другим с помощью одной лишь грубой силы.

– Да, вперед. – Согрен нетерпеливо взмахнул рукой. – Вы его слышали. Ты. Ты. Ты...

Напряжение спало. Алвар Наш пустил в ход скудные познания в наомском, чтобы выбрать себе людей, – впрочем, он все равно остановил свой выбор в основном на тех или иных имперцах, – и два поисковых отряда были сформированы. Эгар проследил за тем, как они удаляются, а потом махнул оставшимся, чтобы шли назад по главной дамбе. Повернулся к Арчет, которая присела на корточки на внутреннем краю кольца.

– Идеи есть? – спросил он тихо.

– Сам-то представляешь, чем занимались твои предки четыре тысячи лет назад? Нет, у меня нет никаких гребаных идей.

– Я думал, Грашгал... твой отец...

– Да, они тогда жили. Но не говорили о тех событиях. Думаю, они и помнили-то их не очень хорошо.

Он присел рядом с ней на корточки.

– Ну, а как насчет того места, которое ты нашла в Шактуре... там был город, стоящий на озере, не так ли?

– Ан-Наранаш, да. – Она покачала головой. – Не такой. Поменьше, и те, кто его покинул, оставили двери открытыми. Во всяком случае, тогда у нас была лодка.

Эгар изучил поверхность опорной колонны, на которой не было ничего, кроме пятен. Зеленые и красновато-коричневые пятна, похожие на синяки, – может, грибок? – но никаких щелей или отверстий. Даже зацепиться не за что, если захочешь вскарабкаться по ней из океана.

– Я бы переплыл, – предложил он, – но...

– Ни хрена подобного. – Арчет бросила на друга косой взгляд, и он увидел ее виноватое лицо. – Думаешь, я позволю тебе окунуться в эту воду? Пусть ушлепок Согрен это сделает – посмотрим, что с ним приключится.

Эгар моргнул:

– Согрен прямо сейчас вроде как полезен. Он тебя как-то расстроил?

Она устало покачала головой.

– Забудь. Так или иначе, хули толку? Ты не сможешь туда войти, даже если переживешь заплыв.

– Ладно, Арчиди, но мы должны что-то придумать. Здесь холодно, и с наступлением темноты станет еще холоднее. Либо мы попадем внутрь этой штуки побыстрее, либо нам придется вернуться на пляж и развести новый костер.

– Думаешь, я этого не знаю?

Эгар сосредоточил взгляд на опорной колонне и ее «синяках». Зеленовато-синих и кармазинных, пурпурно-черных. Он вздохнул и осторожно проговорил:

– Мне кажется, что ты замерзла, устала и злишься из-за того, что все идет не так, как ты надеялась. И ты, скорее всего, будешь сидеть тут, пока не замерзнешь, лишь бы не...

«Погоди-ка».

– Арчиди... – Он помолчал, желая убедиться. – Смотри.

– Да хватит уже, Эг. Я не хочу об этом говорить.

– Нет, ты посмотри! – Он вскочил на ноги, указывая пальцем. – Посмотри туда, посмотри на цвета. Они меняются, они... смещаются или что-то вроде...

Оба уставились на всплески цвета на поверхности колонны из грязно-белого сплава. На их глазах зеленовато-синее пятно утратило последние зеленые оттенки. Кармазин начал темнеть, постепенно приобретая цвет старого мяса. Пурпурно-черная метка побледнела и стала фиолетовой.

– Ни хре... – Арчет медленно поднялась на ноги. – Ни хрена себе...

– А хочешь еще кое-что? – Он вдруг понял, что ухмыляется. – Они еще и движутся. Смотри.

Это было похоже на наблюдение за тем, как по небу медленно плывут облака. Какая-то сила постепенно перемещала цветные пятна по поверхности колонны, заставляла их бледнеть и расползаться во все стороны, творила по краям новые линии и изгибы, и все это так неспешно, что стоило отвернуться – или, скажем, оказаться посреди группы усталых и измученных потерпевших кораблекрушение людей, ищущих дверь, которой нет, – и любой бы упустил из вида перемену.

– Ты знаешь, что это такое? – спросила Арчет с неожиданным приливом сил.

– Я надеялся, что ты объяснишь.

– Это... – Она замолчала, беззвучно шевеля губами, – подбирала, как он догадался, нужные слова для перевода с великого кирского. – Видовая герса⁵. Ее соорудили во времена войны с двендами. Она пропускает только кириатов. Как же я могла ее не узнать – в Индират М’Нале такие штуки постоянно упоминаются. Мне нужно всего лишь назвать цвета вслух.

– Ну... – Эгар нахмурился. – Получается, войти может любой, кто знает великий кирский.

– Нет. Человеческие глаза устроены не так, как кириатские: разница небольшая, но она есть. – Слабая улыбка. – Вот почему мы с матерью вечно ссорились из-за одежды. Даже если кто-то знает нужные слова на великом кирском, он не сможет распознать цвета. Наверное, с двендами дело обстоит так же.

Она отступила назад и прищурилась, глядя на ползущие цветные пятна. Откашлялась, вздернула подбородок и произнесла размеренную череду слогов.

Выждала. Целых несколько секунд.

Они с Эгаром переглянулись.

– А вдруг вы с матушкой просто...

И перед ними с ревом взметнулся океан.

⁵ Герса – опускаемая решетка крепостных ворот.

Глава шестнадцатая

Клитрен из Хинериона, новоиспеченный рыцарь-адъютант войска Лиги, оказался не каким-нибудь хлыщом, как рассчитывал Гил.

Он стоял на вершине холма, во главе небольшой группы мужчин в мундирах егерей, и по одной его осанке Рингил ощутил приближение неприятностей. В ней не было ничего притворного, ни малейшего следа показухи, адресованной соратникам, или бравлады, предназначенной врагу. На самом деле, для человека, затаившего кровную обиду, Клитрен выглядел необычайно расслабленным. Он стоял, держа в каждой руке по низко опущенному мечу, не более напряженный, чем ремесленник со своими инструментами, обдумывающий начало рабочего дня. Не юнец – вероятно, на несколько лет старше Гила, – но сохранил хорошую форму: под нижним изгибом кирасы слева и справа открывался подтянутый торс. Ноги мускулистые, как у танцора, да и зад наверняка красивый и тугой. Широкие плечи, длинные руки, и под кольчугой легко угадываются натянутые канаты мышц на плечах.

– Ну что, Эскиат? – позвал он, когда Рингил приблизился на расстояние оклика. – Помнишь меня?

– Вообще-то, нет.

На самом деле, было что-то знакомое в этом лице, но это могло оказаться всего лишь сочетание обветренных черт и воинского спокойствия. Он несчетное количество раз сталкивался на войне с мужчинами такого склада характера, кое с кем дошло до противостояния, когда его командирский авторитет подвергли сомнению, и еще нескольких он убил в сражении, во внезапно наступившей неразберихе, которая последовала за поражением Чешуйчатого народа, когда Лига и Империя вернулись к привычным потасовкам за территорию и людские души...

Это мог быть любой из них.

– Врешь, пидор! – Ответ Гила, похоже, немного поколебал самообладание Клитрена. Спокойствие на его лице сменилось хмурым взглядом. Верхняя губа приподнялась, обнажив зубы.

Рингил чуть приподнял меч и щит, изображая пожатие плечами.

– Слышал, ты расстроен из-за какого-то моего проступка – но, боюсь, тебе придется освежить мою память.

Клитрен дернулся вперед, и теперь его голос дрожал.

– Может статься, долбоеб, ты не помнишь моего лица, потому что в Хинерионе нанес мне удар в спину, как подобает трусливому пидору. Может статься, ты лучше запомнил Венжа, чьи кишки раскидал по улице, как дерьмо из ночного горшка, – и я, блядь, *с твоими сделаю то же самое!*

«А-а...»

Сквозь завесу смутно помнившейся лихорадки и слабости проступило лицо. И голос.

«Вот тебе и жизнь в отставке... так, приятель? Теперь ты охотишься на бандитов в чужой стране, по пятьдесят флоринов за башку».

Озаренный свечами полумрак конторы охотников за головами в Хинерионе. Мрачные смешки профессиональных убийц, ожидающих сигнала. Подступающая изнутри лихорадочная дрожь, которую он изгнал усилием воли, когда цеплялся за свое притворное обличье и жалкие остатки хорошего самочувствия, чтобы присоединиться к этой жестокой и дружной компании.

«Я горжусь тем, что разбираюсь в людях со стальным нутром. Мы в чем-то похожи – тебе доводилось командовать. У тебя есть звание, опыт. Будем рады, если ты поедешь с нами».

А потом была таверна, причудливый энтузиазм Клитрена по поводу их союза, Венж – задиристое дерьмецо у него на хвосте, – инстинктивная стычка, взгляды, которые наемник с

топором бросал на Ги́ла, уходя. И позже, на покато́й мощено́й улице – та же самая злорадная издевательская ухмылка.

«Так-так-так. Я так и думал, что не очень этот акцент похож на ихельтетский. Так и думал, что эта морда мне знакома».

За этим последовал танец явившихся из ниоткуда теней, и, пока Рингил наблюдал за бойней, как будто она не имела к нему совершенно никакого отношения, на лицо ему падали мелкие брызги крови, словно дождь.

Стоя на покато́й мощено́й улице – похожей, да не той, – он на миг почувствовал, как кружится голова от внезапного сопряжения прошлого и настоящего. От того, что осязаемый мир сжимался вокруг него, словно скомканный пергамент, брошенный в огонь.

«Неужели мы все такие? – пронеслась в голове мысль. – Пергаментные жизни, выписанные строчками и застывшие во времени до той поры, пока один за другим не сгорим, смятые и скрученные, не обратимся в ничто в пламени Фирфирдар?»

– Теперь, Эскиат, ты меня узнал.

Должно быть, прилив воспоминаний отразился на его лице. В голосе другого мужчины не было вопросительных интонаций, только уверенная ненависть. Гил вспомнил последний момент: Клитрен склонился над телом убитого Венжа, повернувшись спиной к Рингилу, положившись на товарищество или, может, просто от волнения.

«Иногда он бывал высокомерным маленьким засранцем. Но в заварушке лучшего товарища за спиной и придумать нельзя. Он пару раз точно спас мне жизнь».

И затылок Клитрена, словно приглашение...

– Теперь ты вспомнил, трус!

Рингил собрался, вытянул себя из шторма воспоминаний обратно в настоящее. Как будто расправил собранный парус. Он посмотрел Клитрену в лицо, которое теперь было знакомым.

– Да, вспомнил – в прошлый раз я тебя пощадил. Хочешь, чтобы я исправил эту ошибку? Пальцы Клитрена напряглись на рукоятках двух мечей. Он оскалил зубы.

– Ну попробуй, пидор.

Но все же он не кинулся в атаку, отвечая на вызов. Имперцы подошли к Рингилу с флангов и стояли там, словно отряд бдительных теней. Их было только четверо, но каким-то образом с их появлением равновесие на улице изменилось, и возник новый шанс.

«Хватай его, Гил».

– Ладно, дорогуша – я весь твой. – Он послал Клитрену воздушный поцелуй. – Но, если дело личное, таким оно и останется. Понял?

Пауза. Наемник усмехнулся.

– Один на один? Да ты размечтался, блядь.

– А-а... значит, все-таки не настолько личное.

Над противостоящими отрядами повисла тишина – такая напряженная, что Рингил уловил тихий стон морского бриза, долетевший по крутым поворотам улиц и переулков города.

Егеря за спиной Клитрена зашевелились. Послышался ропот.

Хинерионец взмахнул рукой.

– Зачем мне это, изгой? Основная часть вашего войска уже разбита и отправлена на юг, включая ваших аристократов. Этот город у меня на ладони. Мои люди превосходят твоих в три раза.

Один из имперцев – видимо, кое-что понимавший по-наомски – закашлялся от смеха.

– Да что ты? Забавно, а мы их всего-то минуту назад вверх по этой улице гнали.

Егеря ошетинились. За плечом Ринги́ла еще один морпех сплюнул на мощеную улицу и с трудом заговорил на северном языке:

– Валите в гавань, ищите своих, мразь пиратская. Теперь вы против имперских морпехов. Вам каюк.

– И дело даже не в этом, – мягко проговорил Рингил. Он не сводил глаз с Клитрена. – Верно?

Момент был важный – казалось, над всеми пробежала тень летнего облака. Клитрен дернулся. Кивнул. Повернулся к ближайшему из егерей.

– Капитан. Если я погибну здесь, вы обеспечите имперцам безопасный проход из Орнли на юг. Вы не...

– Мой господин! Мы...

– Заткнись и вспомни про свою присягу, мать твою!

Егерь подчинился, но с большим трудом. Клитрен выдержал короткую паузу. Снова заговорил, тщательно взвешивая каждое слово.

– Вы не будете их преследовать, позволите им уйти. Вы позволите им уплыть. Это понятно? Поклянись своей душой пред Темным Двором – дай слово, что обо всем позаботишься.

Короткое напряженное молчание. Все ждали.

– Клянусь своей душой пред Темным Двором, – проскрежетал капитан. – Я прослежу, чтобы всё сделали так, как вы приказали. Но они...

– Ну да, ну да. – Наемник дернул подбородком в сторону Рингила. – Твоя очередь. Проиграешь – твои люди сложат оружие и подчинятся. Хочу услышать это от твоих приятелей-морпехов. И предупреждаю, мой тетаннский весьма неплох – если попробуете меня наебать, я это пойму.

Гил кивнул. Он перешел на тетаннский и повысил голос, чтобы услышали все имперцы.

– Вы поняли условия?

– Это не сложно, – сказал тот, который уже говорил по-наомски.

– Да, – согласился другой. – Если вы надерете задницу этому куску дерьма, они сдадутся. Если проиграете, мы сделаем то же самое. Вы же не проиграете, верно, мой господин?

Рингил сдержал улыбку.

– Нет, я не собираюсь проигрывать. Но это мое и ваше слово, и мы выполним обещанное. Я второй после госпожи кир-Арчет в иерархии командования, и теперь, когда она в плену, экспедиция подчиняется мне. Если я погибну, вы проследите, чтобы командир Хальд выполнил мои условия.

– Будет сделано, – сказал морпех, который перерезал глотку раненому каперу, и эмоций на его лице отразилось примерно столько же. – Если этот пиратский сброд может хранить верность клятве, чем имперские морские пехотинцы хуже?

– Годится? – спросил Рингил Клитрена, снова по-наомски. Указал щитом на мостовую между ними. – Начнем?

Пространство для дуэли открылось вокруг них, точно под воздействием скрытого хитроумного часового механизма, словно зрачок в сгущающихся сумерках. Окружающие инстинктивно расступились, и дуэлянты начали двигаться – боком, осторожно, выискивая в действиях противника ошибку или слабину. Гил обходил склон по кругу справа, Клитрен позволил ему это, а сам ушел вниз и налево. Кожаные подошвы сапог мягко шуршали по брусчатке. Улицу рассекали косые тени домов, порожденные ранним утренним солнцем. Двое мужчин двигались сквозь широкие полосы тепла и прохлады. Чайка, сидящая высоко на крыше, пронзительно вскрикнула. Воздух был чист и светел.

«Лучшая погода с того дня, как я сюда попал».

Клитрен атаковал.

Вполне обычно – более длинный меч рубанул сверху вниз, более короткий нацелился в бок, – но очень быстро. Гил заслонился щитом от первого клинка, принял удар, в который была вложена лишь часть силы, услышал раздавшийся в утреннем воздухе приглушенный лязг. Он отбил короткий клинок Другом Воронов, развернув его вниз, – когда мечи скрестились,

раздался жесткий скрежет стали о сталь. Он нанес косой удар вниз, продолжая тот же маневр, и Клитрену пришлось отпрыгнуть, чтобы острие не проткнуло ступню. Гил сделал вслед ему жесткий финт щитом, наблюдая поверх края за инстинктивной защитой наемника, желая выяснить, какова она, – и защита оказалась весьма неплоха, – а потом позволил противнику уйти.

Проверки, проверки...

Рингил потянулся внутрь себя, туда, где обитала магия, но *икири'ска* оказалась слишком скользкой и беспокойной, чтобы за нее ухватиться. Даже кратковременное усилие вызвало приступ тошноты и мелкие искры в поле зрения. Никаких шансов, вообще никаких.

«Видимо, придется все сделать по-плохому».

Он начал неторопливо продвигаться к Клитрену, ожидая реакции противника. Хинерионец позволил ему подойти. Он занял высоту – пусть склон и был довольно пологим, – и Гилу пришлось бы атаковать сверху вниз, заплатив за это соответствующую цену. Наемник внимательно наблюдал, приоткрыв рот, и лезвия его мечей были направлены в стороны, словно приглашая обняться. Рингил ухмыльнулся и дружелюбно кивнул, как будто они о чем-то договорились, а потом резко прибавил скорость, развернулся боком и поднял щит, повторяя финт, которым уже один раз воспользовался. Клитрен его предугадал, не купился ни на него, ни на отвлекающую улыбку Рингила, не отвел глаз от взлетевшего Друга Воронов – и Гил, продолжая двигаться все так же боком, ударил его щитом.

Клитрен пошатнулся, взмахнул обоими клинками сразу, пытаясь парировать. Друг Воронов прыгнул в образовавшуюся щель быстрее, чем это мог бы сделать меч, выкованный людьми. Задел прикрытое кольчугой плечо, без труда рассек металлические звенья, как переплетение кожаных ленточек. Клитрен взревел и нанес ответный удар длинным мечом на уровне бедер. Гил резко опустил щит, отбил клинок и рубанул Другом Воронов по лицу противника. Наемник отпрянул, но кириатская сталь выбила пару искр, успев поцеловать щиток шлема, прикрывающий его щеку.

В происходящем ощущалась какая-то едва уловимая неправильность...

Рингил усилил натиск, не давая себе времени на раздумья. «Разберись с этим». Друг Воронов рванулся к горлу Клитрена, словно разъяренный волкодав, и скорее он тащил Рингила за собой, чем тот сам нанес удар. Наемник парировал коротким мечом, замахнулся вторым клинком сбоку. Гил принял удар на щит – он все равно уходил в сторону – резко опустил запястье и ткнул намного ниже. Друг Воронов зацепил кольчугу Клитрена выше бедра, под изгибом кирасы. И опять клинок прошел сквозь металл – в ясном утреннем воздухе брызги крови и струйка дыма были отчетливо видны. Гил развернулся и отступил, с силой выдернув меч, чтобы расширить нанесенную рану. Клитрен закричал и...

«Дым?»

...короткий клинок, возникший из ниоткуда, опускаясь, сверкнул. Со скрежетом ударил по кирасе Гила, отскочил, вынудил его отпрыгнуть. Он успел заметить, что Клитрен поменял хват на обратный – видимо, отпустил оружие, позволил мечу выкатиться из руки и повернуться под воздействием собственной тяжести, потом схватил его уже перевернутым и ударил сверху вниз, все за доли секунды и превозмогая боль от раны в боку. Гилу едва хватило времени, чтобы по достоинству оценить выдержку и скорость, необходимые для такого маневра, а потом внутри у него что-то на миг сжалось: оказывается, он все-таки сражается с равным себе. Затем он инстинктивно вновь вскинул щит, парируя еще один удар длинного клинка Клитрена, которого толком и не заметил.

«Какой еще, на хрен, дым?!»

Он попятился. Клитрен свирепо ухмыльнулся при виде пространства, которое образовалось между ними.

– Теперь ты готов умереть, пидор?

А ведь по левой ноге Клитрена должна была обильно струиться кровь из рваной раны над бедром. Гил почти видел, как она должна была выглядеть, как будто образ того, что должно было произойти, чередовался с раной, которую он на самом деле нанес противнику: это оказался всего лишь порез, как будто от ножа, и хинерионца он, похоже, совсем не беспокоил. «И не забывай про плечо, Гил». Еще один сильный удар должен был рассечь и вскрыть ткань мышц, *должен был* превратить любое мало-мальски заметное движение этой рукой в муку, от которой хоть кричи...

Но Рингил увидел, как Клитрен подбросил меч этой самой рукой, поймал его обычным хватом и при этом почти не поморщился.

Как будто это не стоило ему никаких усилий.

– Ну? – глумливо спросил наемник. – Это все, на что ты способен?

– Может, спросишь своего приятеля Венжа? – Гил отбросил дурные предчувствия, собрался. – Ты с ним очень скоро встретишься.

На последнем слове он бросился вперед. Друг Воронов взметнулся, приглашая парировать удар, а потом резко рванул вниз, стоило Клитрену проглотить наживку. Он метил в ногу противника. Но наемник каким-то образом опередил Гила и парировал длинным мечом, уведя Друга Воронов острием к брусчатке. Клинки скрестились, и кириатская сталь застряла.

Короткий меч взметнулся, атакуя на высоте головы.

Гил скорее почувствовал это, чем увидел. Ему оставалось лишь опустить подбородок и ложиться на судьбу.

Клинок нанес ему свирепый удар по верхушке шлема, почти снес его с головы, потом соскользнул с металлического изгиба – и Рингил споткнулся, в голове зазвенело, шлем перекосялся и сделался бесполезным, а рука едва не выпустила Друга Воронов.

Все, на что ему хватило сил, – это удержаться на ногах.

Раздался триумфальный возглас Клитрена, и внезапно Рингил почувствовал, как холодная рука мальчишки схватила его за плечо и потянула в сторону. Он поддался и услышал, как длинный меч наемника со свистом рассек воздух в том месте, где он только что стоял. Пошатнулся, восстановил равновесие, но мальчишка тут же дернул его снова, на этот раз повалив на мостовую. Он грохнулся на булыжники во весь рост, ударился головой. Почувствовал, как слетел с головы шлем, услышал, как он откатился со звоном, – и в тот же миг понял, что призрачная рука Джерина вцепилась в Друга Воронов, вынуждая его разжать хватку...

Он обессиленно перекатился на спину, щит немыслимой тяжестью придавил его левую руку, а правая была пуста. Клитрен приблизился и заслонил небо, как будто высокий, торжествующий бог, которого он умудрился разозлить. Он почувствовал, как острие меча вонзилось под подбородок, надавило и снова отпрянуло. Там, где оно коснулось кожи, потекла струйка крови.

Наверное, ему перерезали горло – просто удивительно, что он почти не почувствовал боли.

Клитрен присел на корточки, сунул пальцы левой руки в то место, куда воткнулось острие меча, а затем снова поднял их, вымазанные кровью Рингила. Недоуменно посмотрел на кровь, потом снова поднялся на ноги.

Плюнул Рингилу в лицо.

– Сраный герой. – В его голосе не было никаких эмоций. – Банду Серебряного Листа было сложнее завалить, чем тебя.

Рингил, запоздало сообразивший, что горло ему все-таки не перерезали, не смог разобрать слов. Он знал лишь одно: призрачная холодная ладонь Джерина лежала у него на лбу, а другие руки, покрупней, но такие же холодные, тянули его куда-то, словно торопя уйти прочь в направлении, лежащем под каким-то невозможным углом к остальному миру.

Клитрен отвернулся, но потом ему пришла в голову какая-то другая мысль. Он широко шагнул вперед, снова приблизился и с размаху ударил колоссальным, божественного размера сапогом Рингилу в висок.

Небо погасло, словно кто-то задул все свечи.

Глава семнадцатая

Временами он чувствует себя не более чем фигуркой, вытканной на гобелене.

Он двигается, он действует как всегда, но каждый поступок как будто пробуждает эхо в голове, и можно просто стоять в сторонке и наблюдать за собой, не будучи по-настоящему вовлеченным в происходящее. Несколько раз за время путешествия на север он делал это осознанно – позволял рукам справляться с делом без него. Глядел на них сверху вниз, как будто они принадлежали совсем другому человеку, а он сам мог бы встать и уйти прочь от собственного тела, не сомневаясь, что ему по плечу любые возложенные обязанности.

Его мутит от отстраненности, которая постоянно маячит где-то на краю поля зрения. Он ведь, как ни крути, солдат – а что такое солдат, если не человек решительных действий. Пусть чернильные души и седобородые мудрецы бултыхаются в колодезю глубокомыслия, им ведь за такие вещи щедро платят. А вот он в последний раз брал перо в руки, когда его попросили оставить отметку на приказе о зачислении на военную службу. С той поры его правая рука занята другим делом, и запятали ее отнюдь не чернила. Он не клерк. Инструменты, избранные им, – меч, топор и щит, немые стальные свидетели жизни, им для самого себя высеченной, и чужих жизней, которые он по ходу дела превратил в багряные руины. В его памяти хранятся воспоминания о кровавых боях в полудюжине разных мест по всей Империи, но он нечасто к ним обращается. А зачем? Чтобы доказать, что он там был, есть награды и шрамы. Есть тело, сердце и мозг солдата, и все, что ему нужно, – это простой душевный покой в придачу.

Неужели он так много просит?

Нельзя сказать, что до недавнего времени он плохо справлялся – ему достался почетный пост под командованием личной советницы Императора, последней кириатки, оставшейся в целом мире. Он вспоминает, как наполнился чувством глубокого удовлетворения наутро после этой новости, когда проснулся и вспомнил, кем его назначили. Служба на борту речного фрегата – не то, чем мог бы похвастать морской пехотинец, ведь в Ихельтете битвы на реках ценят невысоко; эти самые реки, конечно, имеют стратегическую важность и время от времени нужно следить за соблюдением порядка на них, как и во всей прочей Империи, но еще ни разу Блистающему Трону не угрожали всерьез с реки. Однако этот конкретный речной фрегат, специально предназначенный для перевозки госпожи Арчет Индаманинармал к дому ее предков в Ан-Монале и обратно – о, это совсем другое дело. Он сам только не понимает, почему, но с самого начала казалось, что это правильное назначение. Судьбоносное. Госпожа Арчет казалась важной, и по-прежнему кажется таковой, хоть его грубый солдатский прагматизм и не в состоянии постичь, почему.

Он знает лишь одно: ему необходимо быть рядом с нею.

Он ничуть не удивился, когда пришло известие, что она возглавит поход на север. Но он помнит то сокрушительное беспокойство, которое испытывал, думая, что может не оказаться среди тех, кто будет в конце концов отобран в ее сопровождающие, а затем облегчение и радость, когда пришел приказ, положивший конец сомнениям. Он обменялся назначением с товарищем, пусть это и означало менее важный пост, чтобы служить на борту «Дочери орлана» и быть ближе к госпоже Арчет. Всякий раз во время ночной вахты он стерег ее каюту и, когда она отправлялась на берег во время плавания вокруг мыса, делал все возможное, чтобы попасть в число ее охранников. Он действовал инстинктивно, почти не пытаясь разобраться в собственных побуждениях. Стоило задуматься об этом, усомниться в том, что им двигало, как подступало нехорошее ощущение. Оно отдаляло его от комфорта,

который приносила солдатская служба, и временами как будто вновь вызывало то самое проклятое чувство отстраненности.

Кириаты построили Империю, их магия и знания поддерживали ее даже сейчас. Вот, точно. Служение последней из их рода могло быть лишь наиболее почетным служением самой Империи и всем ее народам.

Ну, как-то так.

И теперь все пошло псу под хвост, повсюду гребаная кутерьма, и он ничегошеньки не может с этим поделать. Орнли захватило пиратское отребье из Лиги, госпожу Арчет взяли в плен и увезли на корабле куда-то, скорее всего на юг, в Трелейн. Господин Рингил потерпел поражение, невзирая на темные искусства и смертоносное, мастерское владение сталью. Низвергнут обычным наемником в тот момент, когда победа казалась так близка. Имперские войска рассеяны: кого-то уже заковали в цепи вместе с госпожой Арчет, а кого-то ожидает та же участь. Они заперты в городской тюрьме или, как он сам, брошены небольшими группами в темные сырые и вонючие подвалы по всему Орнли.

Он рычит и бессильно бьет кулаком по стене из необработанного камня, ведет рукой в сторону, раздирая кожу на костяшках так, чтобы потекли густые, медленные капли крови. Остальные на мгновение вздрагивают во мраке, удивленно смотрят на него, видят, что он сделал. Боль обжигает ненадолго, она кажется далекой и никак не может соперничать с другими царапинами, ушибами и мелкими порезами, которые он подобрал во время дневной стычки. Он стискивает зубы и шипит, как загнанный в угол зверь. Товарищи по несчастью отворачиваются, безмолвно глядят на огарки свечей, догорающие на земляном полу подвала. Он едва ли может в чем-то винить этих бедолаг. Им приходится сражаться с собственными демонами – позорным поражением, вынужденной капитуляцией, вполне вероятной пыткой, которая ждет их, стоит солдатам Лиги прийти в себя, переварить свою победу и решить, что настало время для кое-каких расспросов.

Он вертит сжатым кулаком в мерцании свечей, безучастно смотрит на разодранные костяшки. В скудном зыбком свете кровь кажется черной.

Не надо было этого делать.

Не стоило соглашаться на назначение в поисковые отряды на борт «Гибели дракона».

Не стоило верить, что с госпожой Арчет все будет в порядке, пока он не рядом, даже в этом унылом как помойное ведро, провонявшем рыбой сраном северном городишке.

Не надо было прислушиваться к доводам, будто подлинная угроза – немертвый владыка-чародей, чью могилу они искали, и лучшая услуга, которую он может оказать Империи и госпоже Арчет, – это прикончить ублюдка побыстрей и насовсем.

И он бы не совершил такой ошибки – ни одной ошибки бы не совершил! – если бы не тихие, шепчущие уговоры гребаного Кормчего.

Глава восемнадцатая

Он просыпается на спальном мешке у тихо потрескивающего костра. Красные искры рвутся в небо над его головой, смешиваясь с россыпью холодных белых звезд. Он приподнимается и смотрит сквозь колыхание пламени туда, где сидит Хьил Обездоленный с мандолиной на коленях и в широкополой шляпе, надвинутой на глаза.

– *Как ты меня нашел?*

Хьил кивает, указывая на другую сторону костра.

– *Они тебя принесли.*

Справа от него у огня сидят трое, скрестив ноги и опустив головы, словно в молитве. Они не разговаривают и не смотрят на него, не подают вида, что осознают присутствие Рингила и Хьила. Они даже не дышат. Если бы лохмотья, в которые превратилась их одежда, время от времени не колыхались от ночного ветерка, они выглядели бы статуями, вырезанными из обсидиана в честь некоей благоприятной встречи у костра, о которой могли бы написать летописцы в хрониках этого края.

Но они – не статуи.

Они – его мертвецы. Его личный хладный отряд, хотя на самом деле он понятия не имеет, как именно командует ими. Он лишь знает, что после Хинериона и каравана рабов они так или иначе следуют за ним по пятам. Иногда, стоит его собственной смерти угрожающе приблизиться, они выходят из теней, в которых, как правило, обитают, и придерживают весы судьбы холодным пальцем, помогая ему выпутаться из передраги.

Он знает, что должен быть благодарен за эту закономерность, в чем бы ни заключалась ее суть. Но, глядя на них, чувствует лишь ужасную всепоглощающую скорбь.

Поджарый, с изуродованным лицом, пристально глядит на меч в потеках крови, который держит на бедрах, чуть придерживая обеими руками за эфес и острие.

Здоровенный громила со шрамами на руках и молотом кузнеца на коленях.

Мальчишка Джерин...

Полуголодный беспризорник с напряженным лицом и пустыми руками – только его смерть Рингил на самом деле видел, только его знает по имени, но каким-то образом все трое мертвецов привязаны к одному живому.

Он даже не уверен, понимают ли они, что мертвы.

Да, кстати...

Он смотрит на свою руку, поворачивает ее так и этак в свете костра.

– *Я что же...*

– *Нет.* – Хьил улыбается сквозь пламя. – *Отнюдь нет. Вообще-то, судя по тому, что я вижу, тебя здесь на самом деле практически нет. Твои тени-стражники принесли сюда лишь зыбкий отблеск твоей сущности. Какая жалость. Твое прекрасное тело воина осталось в каком-то из реальных миров, которому оно и принадлежит.*

– *Да уж, воин – прекрасней некуда.* – На него обрушиваются воспоминания. – *Я проиграл. Какой-то низкопробный приграничный головорез, затаивший злобу, надрал мне зад.*

Улыбка Хьила превращается в хмурую гримасу.

– *В такое трудно поверить.*

– *Эй, мать твою, тебя там не было.*

– *Ты хотел проиграть?*

– *Ага, еще как. Устал от жизни, понимаешь.*

Обездоленный князь-чародей поднимает голову и впивается в него сверкающим взглядом.

– *Не шути так. Я вижу в тебе усталость и ненависть к себе, которые могут сжечь половину мира, если ты их выпустишь, если тебе наконец станет все равно и ты прекратишь себя контролировать. Теперь ответь мне: ты хотел проиграть?*

Рингил полностью садится. Некоторое время разглядывает холодное лезвие своих воспоминаний.

– *Нет*, – говорит он наконец. – *Это было сражение один на один. Жизнь и свобода моих людей зависели от моей победы.*

Бессильная ярость от случившегося терзает нутро, как боль от старой раны.

Хьил пожимает плечами.

– *Значит, ты недооценил противника. Выходит, не такой уж он... низкопробный приграничный головорез.*

– *Нет, блядь, такой.*

– *Значит, ему помогли.* – Хьил отрывает руки от струн мандолины, взмахивает открытыми ладонями. – *Как иначе он мог тебя одолеть? Подумай об этом. Увидь битву снова. Что пошло не так?*

Гил снова вглядывается в последние моменты поединка, которые помнит четко. Он опять видит нанесенный урон, то, как Клитрен его снес – легко, словно ничего страшного не случилось. Он опять видит струйки синего дыма, которые изливаются из раны вместе с кровью, и эти раны...

Нет, не дым.

Внезапно он все понимает. Он видит это мысленным взором: струящийся, мерцающий всплеск синего пламени, похожий на молнию...

В ярком утреннем свете он не понял, что видит, он упустил причинно-следственную связь, и в отсутствие связи его разум по-своему истолковал увиденное. Ему показалось, что это был дым. Теперь он поднимает глаза на Хыла, чувствуя растущее потрясение.

– *Вот дерьмо...*

Обездоленный князь кивает.

– *Рассказывай.*

– *Кажется, двенды выбрали своего паладина среди людей.*

– *Я думал, они выбрали тебя.*

– *Да, ну, ты же знаешь, чем это закончилось.* – Он слышит в собственном голосе отзвук задетого самолюбия. – *Похоже, теперь они ищут нужное в ларьках с дешевками.*

Подумать только, древняя раса из легенд удовлетворилась кем-то настолько... заурядным, как Клитрен.

«В подобной ситуации хватаешься за любые инструменты, какие окажутся под рукой», – сказал ему однажды Даковаш по поводу политики Темного Двора. Наверное, у двенд не было причин быть менее прагматичными.

Но не до такой же степени...

– *Я должен вернуться.*

– *Ты должен вернуться*, – соглашается Хьил и извлекает из мандолины нежно звенящий аккорд. – *На самом деле...*

Он вздрогнул и проснулся на низкой деревянной койке, освещенной мягким мерцанием фонаря, стоящего рядом на полу. Откуда-то доносились слабые отголоски плещущихся волн, над головой простирался унылый потолок каюты. Расстояние до него было куда меньшим, чем на кораблях, которые обычно строились на имперских верфях, и доски с бимсами выглядели потертыми, потрескавшимися от времени – значит, он на борту одного из кораблей Лиги. Тошнотворный тяжелый запах так и лез в пересохшее горло, словно аромат храмовых благовоний, челюсти светло, в голове пульсировала боль. Но она казалась какой-то далекой, и по венам рас-

ползалась слабость – похоже, его чем-то накачали. Он попытался сесть и не сумел: оказалось, его руки сложены на груди, словно крылья птицы, запястья и большие пальцы связаны, и прочие пальцы, да и сами ладони обмотаны щедрым количеством витков шнура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.